

Марина Эльденберт

ЗАПРЕТНАЯ МАГИЯ

ГЛАВА 1

Алисия

— Жуткая пьеса!

— Жуткая?!

— Просто кошмарная! — Антрепренер потряс у меня перед носом листами, которые грозили вот-вот разлететься.

— И чем же, с вашего позволения, она кошмарная?!

— Всем! Решительно всем! Например, главная героиня водит мобилъез.

— Это так страшно?

— Ужасно! — возопил мужчина. — Нам и без того хватает этих... воинственно настроенных барышень, чтобы еще пускать их в современное искусство!

— То есть, по-вашему, женщина должна сидеть дома и вышивать?

— По-моему, да! В любом случае, дражайшая, я больше не намерен вести с вами эти беседы. Вы и без того отняли у меня уйму времени. Поэтому... вот! — Он громыхнул рукописью об стол. — Никуда не годится!

Стоит ли говорить, что этими словами он перечеркнул год моей работы? Не только он, между прочим. Это был уже пятый столичный театр, в котором мне отказывали. И последний, куда я предлагала свою пьесу.

Один из самых известных, который я оставила напоследок и надеялась на прогрессивность руководства. С тех пор как его величество подписал указ, что женщины могут наравне с мужчинами претендовать на некоторые должности и писать (в том числе и для разного рода постановок), многие до сих пор не могли этого принять. Многие, но в столичных театрах я рассчитывала найти понимание.

Видимо, зря.

Но это не значит, что я так просто сдамся!

— Хорошо, — с милой улыбкой сказала я, собирая все-таки разлетевшиеся по столу листы.

Для этого мне пришлось наклониться, и взгляд антрепренера в ту же минуту прочно прилип к моему декольте. Я чувствовала это уже на уровне инстинктов, поскольку чаще всего именно туда мужские взгляды и проникали. Природа щедро наградила меня ярким цветом волос и пышной грудью, которая притягивала взгляд, даже будучи плотно запечатанной глухой тканью. Что касается меня, я никогда не старалась ничем ее запечатать, игнорируя матушкины причитания на тему, что это бессовестно — выставять такие формы на всеобщее обозрение.

А я, между прочим, ничего нарочно не выставляла. Точно так же, как и не собиралась прятать. И это касается абсолютно всего!

— Мм... эри Армсвальд...

— Армсвилл, — поправила я, выпрямляясь и прижимая к груди свою пьесу.

Теперь взгляд антрепренера прилип к пьесе, странно, что она дымиться не начала.

— Да-да, эри Армсвилл. Мой вам совет — оставьте вы эту драматургию. Подумайте лучше о достойном мужчине рядом. — Он даже плечи расправил, явно намекая на то, что достоин конкретно он, несмотря на обручальный браслет на запястье. — Устройтесь в столице, будет у вас премилый домик и, возможно, собачка...

Намек был настолько прозрачный, что я подавила желание треснуть его пьесой по сверкающей лысине.

— Собака!

— Что? — У него округлились глаза.

— Собака, — повторила я. — Уменьшительно-ласкательные превращают мужчину в мальчика.

Антрепренер побагровел.

— Вон! — весьма театрально произнес он и для верности вскинул руку. Получилось очень пафосно, но этого ему показалось мало. — Вы, видимо, считаете, что ваша пьеса — верх гениальности! Но это всего лишь женская писулька, на которую не польстится ни один уважающий себя постановщик и ни один серьезный антрепренер.

— Ошибаетесь! — Я шагнула вперед так резко, что стихия вокруг пришла в движение. Это я скорее почувствовала: у нас в роду были воздушники, управляли ветрами, должно быть, от них мне и досталось это умение — тонко чувствовать колебания воздушных потоков даже на другом конце комнаты. Впрочем, это было единственное, что мне досталось, потому что магии во мне не было ни капли. — В течение полугода мою пьесу поставит Мориц Ларр, а вы будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь!

Оставив антрепренера с открытым ртом, я вылетела из кабинета в приемную, где секретарь с тонкими, напоминающими ниточку усиками тут же подскочил.

— Прошу вас, эри! — произнес он, подхватив мое пальто со старой вешалки, грозящей вот-вот завалиться набок, и набрасывая его мне на плечи.

— Благодарю!

После душного помещения весенняя оттепель окатила промозглой сыростью. Будучи южанкой, я привыкла к тому, что в это время у нас все цветет, в столице же только-только сошел снег, обнажая щербатые камии мостовых и серые, потертые после суровой зимы стены. Небо не расщедрилось даже на пару солнечных лучиков, зато от души разбросало повсюду глубокие лужи, через которые горожанам приходилось виртуозно прыгать. И мне вместе с ними: моя короткая поездка подходила к концу, поэтому денег на магический общественный транспорт совсем не осталось. Что уж говорить о конном частном извозе: словно чувствуя, что их дело доживает последние дни — после изобретения Марджем Каэльским универсальной магсхемы для движения любой повозки, — цены они драли такие, что проще было ходить пешком.

— Новая постановка! — Словно издеваясь, мальчишка-газетчик вскинул руку совсем рядом со мной. — Мариан Море и Лючия Альхэйм в главных ролях! «Корона д'Аргур»! Главное событие года!

В голове у меня что-то щелкнуло.

«Корона д'Артур» — главный театр столицы, расположен он в самом центре, неподалеку от площади Пяти львов. Чтобы туда попасть, мне действительно придется нанять экипаж и остаться с шестью галлирами в кармане, но... А что я, собственно, теряю?!

— Газету! — крикнула я, вручая мальчишке монету, которую он немедленно сунул в карман поношенного пальто, а взамен вручил мне листок. Я примостила его поверх пьесы, которую прижимала к груди, и подняла руку: Экипаж!

— Эрн Гайтон будет завтра. Но не думаю, что до завтра у него получится просмотреть вашу пьесу.

Секретарь — девушка (что, несомненно, внушало надежду) с туго стянутыми в пучок светлыми волосами и в накрахмаленном платье, из-под подола которого выглядывали аккуратные туфельки на низком каблуке, внимательно на меня посмотрела.

— Когда я могу ожидать решения?

Она заглянула в записи.

— Три... Нет, пожалуй, четыре дня. Хотя... Эри Армсвилл, предлагаю договориться так. Чтобы вам не приезжать сюда лишний раз, оставьте свой адрес. Я отправлю к вам посыльного, как только будет принято решение. Хорошо?

Мне захотелось ее обнять. Честно говоря, после встреч, на которых от меня либо откровенно хотели избавиться, либо вовсе не принимали всерьез (а чаще и первое и второе), секретарь антрепренера в лучшем театре королевства вела себя так, как... как в общем-то и должны себя вести цивилизованные люди.

— Благодарю, эри...

— Люмец. — Она улыбнулась. — Я обязательно передам вашу пьесу и буду рада, если вы к нам заглянете еще не один раз как перспективный драматург.

Бывают же хорошие люди! Я поблагодарила и, оставив записку с адресом, тепло попрощалась с девушкой. Оказавшись за дверью, закусила губу и с трудом удержалась от того, чтобы не захлопать в ладоши.

Стоило ли обивать пороги театров, где на меня даже как на человека не смотрели, чтобы найти понимание в «Корона д'Артур»?! Впрочем, до понимания было еще далеко, но общение с эри Люмец вселяло надежду. Равно как надежду вселяло и то, что антрепренер взял на работу женщину. По мнению большинства мужчин, секретарь — исключительно мужская профессия, потому что здесь «нужна внимательность и хорошая память». А еще каллиграфический почерк и твердая рука. Каллиграфический почерк без твердой руки почему-то достаточным навыком не считался.

Как бы там ни было, антрепренер «Корона д'Артур» лишен всех этих предрассудков, а значит, у меня есть шанс! Настоящий шанс, что будут смотреть на мою пьесу, а не на то, что я женщина.

Исполненная самых чудесных надежд, я вышла из театра и с наслаждением вдохнула напоенный весенней свежестью воздух. Во второй половине дня по-прежнему не распогодилось, но то ли стало теплее внутри, то ли все-таки разогрело, потому что сейчас мне даже не хотелось запахнуть пальто.

Я осмотрелась и решила прогуляться до площади Пяти львов. В конце концов, в гостинице мне особо нечего делать, а учитывая тот факт, что придется задержаться в столице еще на три-четыре дня (непозволительная для меня роскошь), обед у меня сегодня все равно отменяется. Ну, да и ничего, будет ужин.

В конце концов, как говорит матушка, пропустить обед — побережь фигуру!

— Прошу прощения, — остановила я женщину с усталым лицом, за юбку которой цеплялась малышка. — Подскажите, пожалуйста, как быстрее выйти на площадь?

Она хмуро взглянула на меня, но все-таки указала в сторону убегающей вправо маленькой улочки.

— Минут пятнадцать ходу. Театр обогнете, выйдете на улицу Гловеля. Дойдете до конца квартала — увидите арку.

— Благодарю!

Арка! Арка, через которую в свое время в Барельвицу вступил Даргейн Завоеватель. Образно говоря, столица началась именно отсюда. Настроение у меня сейчас было самое солнечное: ведь если получится устроить свою пьесу в «Корона д'Артур», возможно, получится переехать в столицу! Нет, я безумно любила свой маленький город, где по утрам в окна врвался шум Южного моря, но это же Барельвица! Здесь я смогу писать и представлять свои пьесы лично, как делаю это сейчас. А еще присутствовать на премьерах! А еще...

— Эри! — Спешащий куда-то мужчина приподнял котелок, извиняясь — чтобы пройти по узенькой улочке ему пришлось меня потеснить.

Здесь, в центре, все улочки такие, исключение составляет разве что площадь перед «Корона д'Артур», но оно и понятно. Хотела бы я посмотреть, как к вечернему представлению съезжается весь свет Барельвицы. Эри и эрины в роскошных платьях и эрны во фраках. Как из распахнутых настежь дверей льется свет, позолотой стекая по гербам на каретах. Как, возможно, с подножки одной из них спускается его величество Гориан Третий.

Театр — королевское развлечение.

Так всегда говорила матушка. Меня же с самого детства неумолимо тянуло к театру с неудержимой силой. Возможно, именно поэтому я и решилась написать пьесу серьезно. Кипы «несерьезного» покоились в моем шкафу, в доме родительницы, и занимали больше полок, чем моя одежда. Одно время у меня все пальцы были синие от чернил (потому что к занятиям в школе для девочек и урокам добавлялись мои вечерние посиделки над пьесами), а однажды я даже натерла пером мозоль, которая не сходила два года.

Вдалеке виднелся купол Истрийского собора, в солнечный день, должно быть, сияющий так, что глазам больно. Я ускорила шаг, улочка увела меня влево и... передо мной вырос высокий решетчатый забор.

Хм. Наверное, где-то не туда свернула.

Да, точно, была какая-то развилка, кажется, вон за тем зеленым особняком. Я вернулась назад, шагнула в другой уличный коридор, который оглушил криками торговцев и сквозь рынок и короткий перешеек лавочек вывел на набережную. Здесь было так же шумно: современные мобильезы, гудки клаксонов и ругань конных извозчиков, шум заряженных магией двигателей и скрежет колес экипажей. Сплошной поток транспорта двигался по мостовой, почти полностью

перекрывая виды на чугунный парапет и реку.

Арки поблизости не наблюдалось, и я огляделась в поисках того, у кого бы снова спросить дорогу.

— Ма-а-ам! Мама! Это же его светлость Барельвийский?!

— Тихо!

Я обернулась сначала на худенького мальчика, вытянувшего руку, и только потом увидела мужчину. Он спускался по ступеням, зажатым между колоннами, совсем рядом с нами. Всем своим видом излучая уверенность и силу. Честно говоря, странно, что колонны в сторону не отпрыгнули, потому что стоявшие на лестнице служащие склонились так, что чудом не сломались пополам. Даже бурлящая толпа притихла, и время как будто замерло.

Миг — и меня ослепила вспышка. Такой силы, как если бы перед глазами взорвалось солнце и мир раскололся на части.

— Бомба! Это бомба!

Кто-то закричал, совсем рядом, потом этот крик подхватили другие, но когда я открыла глаза, увидела только ослепительное сияние, заливающее набережную, а еще льва. Золотого. В натуральную величину. Оскалившись, огромный сияющий зверь бил хвостом, а в самом сердце испуганной толпы, под раскрывшейся над ладонью мужчины магической схемой клубился дым несостоявшегося взрыва.

Толпа восторженно ахнула.

Мальчик вырвался из рук матери и бросился в обход меня к тому, кого назвал его светлостью.

— Никола!

Мой взгляд метнулся над его головой, и я увидела падающий наливающийся алым круг. Точнее, схему, магическую схему, наполненную невероятной силой.

— Эй! — крикнула я. — Там!

Мужчина повернулся ко мне, а я прыгнула за мальчиком, дернула его в сторону. Никола отлетел в руки бегущей к нему матери, а я — прямо в его светлость.

Шлеп!

Звуки исчезли, превратившись в глухой гул, словно я провалилась под воду. Алого стало больше, а потом в него ворвалось золото. Солнечная вспышка полыхнула совсем рядом, не то в полном ярости устремленном на меня взгляде, не то отовсюду. Солнца вокруг стало слишком много, а потом оно рывнуло мужским голосом:

— Vetary!

И меня спеленало по рукам и ногам.

К нам уже бежали полицей, и на их лицах читался неприкрытый ужас. Как если бы это на них сейчас было совершено покушение, а не на того, кто, кстати, до этой поры довольно бесцеремонно держал меня за локоть. Я попыталась повернуть голову и не смогла.

— Арестуйте ее! — последовал короткий приказ, и вся толпа мужчин в форме устремила... ко мне?!

Вы это сейчас серьезно?!

Мужчина наградил меня раздраженным взглядом и тряхнул рукой, словно собирался избавиться от мерзкого прикосновения — ко мне. Я попыталась открыть рот, но язык тоже меня не слушался.

Он что, набросил на меня схему затишья?

Вот же серан!

Пока я размышляла о том, что скажу (когда смогу) этому не одаренному интеллектом парнокопытному, меня уже затолкали в полицейский экипаж.

Раздался чей-то зычный окрик, и карета тронулась.

ГЛАВА 2

Райнхарт

— Где она?

В здание Тайной канцелярии я не просто вошел, а влетел. Гвардейцы, встречающие меня, вытянулись по струнке и, видимо, попытались цветом слиться со стеной, потому что кровь резко отхлынула от их лиц.

— Отвечайте, — поторопил я. — Где она?

— Кто, ваша светлость?

— Женщина, которая пыталась меня убить.

Рыжую привезли сюда отдельно, а мне пришлось немного задержаться.

— Не можем знать точно, ваша светлость, либо во временной камере, либо в допросной.

Последнее было бы идеально. Потому что все, чего мне хотелось, — узнать, на кого работает эта девица. Узнать, кто ее заказчик: я собирался вытрясти из нее его имя. Даже если придется трясти ее буквально.

Признаюсь, встряхнуть рыжую как следует хотелось. И себя заодно. С тех пор, как она в меня врезалась. Как прыгнула в объятия, обволакивая свежим запахом цветов, врываясь в реальность живым пламенем, вплавляясь телом в тело и поднимая на меня расширенные глаза. Светло-карие, как у львицы, из-за которых я потерял целую секунду, которая могла стоить мне жизни. И не только мне.

Только сработавшие рефлексy, вбитые в меня с самого детства, спасли тому мальчику жизнь. К счастью, я успел нейтрализовать заклинание, разрушив алую схему.

Алую!

Захоти эта девица подобраться ко мне через постель, я бы еще мог понять. Но использовать запретную магию через ребенка? Гадина!

Допросные показались в конце коридора, и я ускорил шаг, но тут на моем пути возник Себ.

— Третье покушение, Райн! — воскликнул седовласый герцог Марирский. — Третье покушение за месяц! А ты еще даже не стал королем!

Себастиан — первый королевский советник, а еще друг моего отца, поэтому я остановился и мрачно ответил:

Ничего не поделаешь, я пользуюсь популярностью.

— Это не шутки!

— А я разве шучу, Себ? Отставка Гориана должна была держаться в секрете, так какого гьерда я не могу шагу ступить, чтобы меня не пытались отравить, заколоть или разорвать на части?!

Либо отвлечь (а после приложить алой схемой) девицей с пышными прелестями.

От моего тона Себастиан пошел красными пятнами и кивнул мне на дверь в кабинет начальника Тайной канцелярии.

Вообще-то покушений было не три, а четыре. Сегодня — два одновременно. Учитывая, что с тех пор, как король стал сдавать, меня пытались убить уже несколько раз, я перестал верить в подобные совпадения. Сегодня кто-то явно старался отвлечь внимание маджера с помощью бомбы, а потом подобраться ко мне с помощью этой девицы. И ведь почти подобрался!

Этому кому-то очень не хочется, чтобы я взошел на престол.

— Информация о твоей коронации держится в секрете, — поджал губы первый советник.

— Поэтому о ней знает вся Барельвица?

— Гориан болен, это известно многим, а ты единственный, кто достоин занять его место.

— Не единственный.

Ответить Себастиан не успел: наш разговор прервало появление Рэстриджа, владельца кабинета. Тощего, с зализанными волосами и с почти прозрачными глазами типа.

— Ваша светлость, — он склонил голову, — мы все узнали про эри Алисию Армсвилл. Она сейчас находится в допросной комнате.

Алисия.

Я мысленно повторил ее имя, понимая, что оно идеально легло в образ.

— Покажите, — приказываю я.

Рэстридж кивает и чертит в воздухе лиловый узор, похожий на пустую раму для картины — закливание видения. Как только добавлен последний завиток, пространство внутри рамки вспыхивает и идет рябью, а после показывает рыжую, сидящую на стуле посреди комнаты.

Обычная практика Тайной канцелярии — оставить арестованного в одиночестве на несколько часов и заставить нервничать. Но по лицу эри Армсвилл было сложно сказать, нервничает она или нет. Она сидела, будто королева на троне во время дворцового праздника. В случае, когда этикет позволяет откинуться на спинку и расположиться поудобнее. При этом вид у нее был не испуганный, а скучающий.

Притворяется или действительно спокойна?

На чем же ее взяли? Ради чего она на это пошла?!

Я так сильно сжал кулаки, что хрустнули пальцы.

— Докладывай, — велю я Рэстриджу.

— Она родом из Гриза, что на юге. Работает в цветочной лавке, живет с матерью.

Значит, мотив уже есть — деньги.

— В Барельвице недавно. Приехала, чтобы предложить свою пьесу.

Пьесу? Так себе прикрытие для женщины.

— Разумеется, утверждает, что к покушению никакого отношения не имеет. Магический анализ показал, что магией эри не обладает.

— Совсем?

— Совсем. Мы протестировали ее через схему уровня магии. Он нулевой. Источника силы при себе не было, оружия тоже.

Нулевой? Для активации алой схемы нужна как минимум восьмерка, а то и девятка. Разумеется, я не думал, что она обладает уровнем силы выше второго-третьего, но запрещенные артефакты (в частности, Источник силы) способны временно увеличить уровень магии до предела.

Заканчивается это тем, что маг на несколько месяцев превращается в пустышку, а в худшем случае может и вовсе скатиться в близкие к нулю показатели, но не думаю, что для этой девицы магия имеет значение. Впрочем, все это доказывает только то, что ее использовали для отвлечения внимания. А она прикрывалась ребенком!

Я провожу по рамке рукой, размывая ее контуры, а потом поворачиваюсь к Рэстриджу.

— Проводите меня в допросную, — пристально смотрю на него. — Я хочу лично с ней побеседовать.

Допросная напоминала коробку с серыми стенами, яркой, питаемой универсальной городской схемой, лампой под потолком и единственной дверью.

Рыжая тут же выпрямилась на стуле и встретила мой взгляд. На миг глаза ее широко распахнулись, а потом сузились. Девица так ими сверкнула, словно это я на нее покушался.

Хорошая актриса? Вероятно, лучшая в своем деле.

Хотя в том, что она лучшая, я не сомневался. Сам видел.

Признаться, посмотреть было на что. Даже весьма скромная одежда и растрепанный вид не скрывали яркую красоту. Изящные брови, высокие скулы и пухлые губы, густые локоны, будто живое пламя.

На волосах и лице девицы природа не остановилась и щедро наделила ее пышными формами, которые я сегодня имел удовольствие не только увидеть, но и почувствовать. Тот, кто отправил ее ко мне, явно долго изучал мои вкусы в отношении женщин, но не учел того, что смазливое лица и соблазнительного декольте мало, чтобы я утратил бдительность.

Я сжал зубы, заложил руки за спину и приблизился, стараясь оставаться беспристрастным. Но как можно быть беспристрастным с женщиной, которая не побрезговала использовать ребенка?! От воспоминаний об этом внутри зашевелилось нечто злое и темное.

— Знаешь, кто я такой? — поинтересовался я, останавливаясь за ее спиной и положив ладони на спинку стула. Она напряглась — довольно-таки ощутимо, бешено бьющаяся на шее жилка и неестественно прямая спина говорили о том, что она нервничает.

Наконец-то.

Мужчина, который приказал арестовать ни в чем не повинную девушку.

Что?!

Дерево под моими пальцами натужно заскрипело, поэтому я оттолкнулся от спинки стула и в пару шагов оказался с ней лицом к лицу. Она смотрела на меня с вызовом, но и не с таких спесь сбивали.

Нет, Алисия. Я тот, кого ты пыталась убить. И тот, кто может сделать твою жизнь невыносимой. — Я говорил тихо, с трудом сдерживая клубящуюся внутри ярость. — На кого ты работаешь?

Теперь во взгляде Армсвилл на мгновение отразилась растерянность. Правда, она тут же улыбнулась, показав очаровательные ямочки на щеках.

— На эрину Раллберг, ей шестьдесят восемь, — сообщила она самым будничным тоном, сложив руки на груди. — У нее цветочная лавка в Гризе.

И я еще рассчитывал на благоразумие этой девицы?

Только небо знает, каким чудом я сдерживаюсь.

— Кто заплатит тебе за участие в покушении?

— Никто. — Она сверкнула глазами. — Это я так... исключительно на добровольных началах. В качестве благотворительности.

Издевается! Она еще смеет отпускать шуточки по поводу того, что случилось?!

Перед глазами вспыхнула алая схема и перепуганное лицо мальчишки, которого едва успела перехватить мать.

— Это можно считать чистосердечным признанием? — прищурился я. — Будет жаль, если тебя казнят. Впрочем, казнят тебя не сразу, для начала тебя будут допрашивать уже совершенно другими методами.

Вот теперь она побледнела искренне, глаза расширились.

— За что?! — Армсвилл резко подскочила. — Я просто спасала ребенка и врезалась в вас! Я понятия не имею, кто пытался вас убить! К моему величайшему сожалению, я с ним или с ней не знакома! Вы не имеете права...

Сколько чувств! Кажется, на этот раз действительно настоящих.

— Я имею право сделать с тобой все, что захочу. И можешь поверить, ты пожалеешь о том дне, когда согласились взять у заговорщиков деньги. Через несколько дней в Барельвицу доставят твою родительницу, которую тоже привлекут к допросам. Уверен, она расскажет много всего интересного.

Ее глаза вспыхнули, на миг даже показалось, что золотом, а йотом она с криком бросилась на меня. Я перехватил тонкие запястья мгновенно, от резкого рывка ее снова швырнуло в меня. Так близко — лицом к лицу, ударив знакомым цветочным запахом и тонкой белизной кожи. Она замерла на миг, а после рванулась назад, яростно сверкнула глазами.

— Отпустите!

В дверь постучали, и я разжал руки, наградив ее предупреждающим взглядом. Она вызывающе вскинула подбородок, отвернулась и потеряла запястье.

— Ваша светлость, — говорит Рэстридж, когда я выхожу из допросной, хлопнув дверью, — прошу прощения, что вмешиваюсь, но подтвердились кое-какие факты. Пьеса, о которой говорила эри Армсвилл, действительно существует. Один из моих людей изъясил ее у заместителя антрепренера в «Корона д'Артур».

Он вручает мне листы бумаги, исписанные тонким девичьим почерком. Красивым, к слову сказать.

— Эри Люмец, секретарь антрепренера, подтвердила, что за полчаса до покушения Армсвилл была у нее и оставила пьесу. Антрепренеры других театров тоже сообщили, что Армсвилл к ним приходила. Если это и подготовка, я имею в виду, к покушению, то крайне основательная и... кхм, странная.

Странная?

Это я чувствую себя странно. Потому что под пальцами по-прежнему бешено бьется ниточка пульса, а мягкая кожа обжигает ладони даже через ткань. И этот цветочный запах... гьердов цветочный запах, а в руках сейчас — тяжесть исписанных листов. Я переворачиваю один, второй, третий и понимаю, что ни гьерда это не подготовка и не какой-то там план.

Это действительно пьеса, которую рыжая... эри Армсвилл написала и привезла в Барельвицу.

— Вы почерк сличили? — резко спрашиваю я.

— Что?

— Почерк. Она должна была подписать показания. И здесь. — Я показываю пьесу.

— Разумеется. — Рэстридж даже выше становится от негодования, как будто я его поймал на некомпетентности.

— Гьердово племя.

Ругательство срывается с губ раньше, чем я успеваю его поймать. Ну да и пусть.

Я резко разворачиваюсь и возвращаюсь в допросную: девчонка стоит у стены, обхватив себя руками. Меня слышит, но не оборачивается, только подбирается вся.

Я тяжело швыряю пьесу на стул и спрашиваю:

— Это вы написали?

ГЛАВА 3

Алисия

— Это вы написали?

Если до этого момента я не имела ни малейшего желания оборачиваться, то от глухого удара и шелеста бумаги обернулась мгновенно.

Пьеса!

Моя пьеса!

Я подлетела к стулу — стопка бумаги накренилась, грозя рассыпаться по полу, — и подхватила ее. Прижала к груди.

Готовая защищаться чем угодно, да хоть стулом, если мужчина попытается ее у меня забрать. К моему величайшему недоумению, он окинул меня тяжелым взглядом от макушки до кончиков туфель, после чего развернулся и вышел.

Просто, чтоб его схемой приложило как следует, вышел!

Правда, опомниться я не успела — едва за ним закрылась дверь, как появился невысокий человек в очках и сером костюме.

— Эри Армсвилл, вы свободны. Попрошу вас следовать за мной.

Что?!

Не в силах поверить своему счастью, я наконец-то покинула эту комнату, в которой провела несколько самых ужасных часов в своей жизни. Сначала, когда меня сюда привезли и освободили от магических пут, а после допрашивали, я пыталась все объяснить. Что я невиновна и просто хотела помочь мальчику, бросившемуся под схему. Потом, когда поняла, что верить мне не собираются... вот это, наверное, было самое страшное. Хотя нет, самое страшное случилось, когда появился этот высокопоставленный серан с маниакальной уверенностью в том, что я собиралась его убить.

Мы прошли по коридорам, предположительно в сторону выхода. В небольшой комнатке мне вернули вещи: сумочку, кошелек и документы, которые предложили проверить при свидетелях. То есть при моем сопровождающем и одновременно выдающем вещи, видимо.

— Распишитесь, пожалуйста, здесь, эри Армсвилл, — произнес тот, кто выдавал мои вещи. — Вот здесь — что все получено в целости и сохранности. И здесь — что не имеете к нам претензий.

Первую подпись я поставила. Подвинула листок к говорившему. Его равнодушный взгляд уперся в бумаги и споткнулся. Мужчина поднял голову и посмотрел на меня:

— Эри Армсвилл, нужно еще...

— Вообще-то у меня к вам множество претензий, — сказала я и сложила руки на груди.

Взгляд мужчины перестал быть равнодушным, глаза за толстыми стеклами очков сверкнули.

— Вы же понимаете, что это чистейшей воды формальность. — Он пододвинул листок ко мне по обшарпанному деревянному столу.

— Ну вот и оставьте свою формальность себе, — сказала я, отодвинув бланк обратно к нему. — А я, пожалуй, пойду!

— Мы не можем вас отпустить, пока вы не подпишете!

— В таком случае я останусь здесь. Прямо в этой комнате. Буду ждать, пока сможете, а потом, когда выйду, пойду прямиком к журналистам и расскажу, как один высокопоставленный сноб сначала применил ко мне магию, потом угрожал пытками и допросом мне и моей матери, а после отправил вас ко мне и вы держали меня в этой комнате, чтобы я подписала отсутствие претензий!

У мужчины натурально отвисла челюсть. Честно говоря, я не представляла, кто он такой и какую должность занимает. К моему допросу он не имел ни малейшего отношения, равно как и к словам, от которых у меня до сих пор слегка подрагивали пальцы, но он однозначно имел отношение ко всему, что здесь происходит!

— Так что? Могу я идти? — поинтересовалась я.

— Одну минуту, эри Армсвилл.

Мужчина выскользнул за дверь, в коридоре раздались голоса. Я даже прислушиваться не стала, склонившись над пьесой, которую... Пресветлый! Они же забрали ее из «Корона д'Артур»! Забрали! После того, как эри Люмец взяла ее у меня и пообещала передать антрепренеру лично в руки!

До точки кипения я дойти не успела, потому что дверь распахнулась, едва не сорвавшись с петель. Разумеется, с таким эффектом явиться мог исключительно его светлость.

— Подписывайте, — резко произнес он, подвигая ко мне листок и чернильницу.

Я посмотрела ему в глаза — темные, как ночь, и сказала:

— Нет!

Крылья его носа дрогнули.

— Чего вы хотите? Денег?

В его взгляде прямо читалось все, что он обо мне думает. Впрочем, что там во взгляде — все в нем, начиная от мужских скул и резкой линии подбородка, от широких плеч, от кончиков начищенных ботинок до самой его макушки, не просто говорило, а свысока сообщало о том, что я для него всего лишь безродная девица, от которой легко откупиться деньгами.

— Мне было бы достаточно извинений, — сказала я. — Но поскольку признавать свои ошибки вы не приучены, можете засунуть их себе в свою наисветлейшую задницу!

Не дожидаясь ответа, я подхватила сумку, пьесу, пальто и вышла за дверь.

— Эри Армсвилл! воскликнул было ожидающий за дверью мужчина, но потом только махнул рукой: — Выход — сразу за поворотом, направо.

Пропустили меня беспрепятственно, и я вылетела в сгущающиеся сумерки. Огляделась: здание, в котором я оказалась, было из тех, что вполне могло бы оказаться как банком, так и особняком не особо увлекающихся декором горожан. Среднестатистическое, безликое, даже без крыльца, на улице полно таких же домов.

Время! Сколько же сейчас времени?!

Должно быть, не меньше шести, а то и половина седьмого! Эри Люмец давно уже ушла. Подавив желание пнуть дверь, из которой я только что вышла, тряхнула головой.

Ничего! Отвезу пьесу завтра, девушка все равно сказала, что антрепренера сегодня не будет. Значит, ничего страшного не случилось — просто поеду туда прямо с утра. Глубоко вздохнув, снова огляделась.

Хорошо бы еще узнать, в каком районе я оказалась и сколько мне добираться до гостевого дома, где я остановилась. Точнее, за сколько...

Похоже, завтра я тоже без обеда, а заодно и без ужина. Или до театра доеду, а обратно дойти пешком?

Ладно, завтра наступит, завтра и решу. Да и вообще, может, и к лучшему, что все так получилось — возможно, удастся уговорить эри Люмец попросить антрепренера посмотреть пьесу пораньше. А если совсем повезет, то и получится переговорить с ним лично. Все-таки представлять свою пьесу совсем не то же самое, что просто оставить ее на рассмотрение.

Так, а теперь...

— Эри Армсвилл.

От раздавшегося за спиной голоса я подпрыгнула на месте.

— Пойдемте. — Его светлость шагнул на улицу. — Я вас отвезу.

Не дожидаясь моего ответа, он направляется к мобилезу. Да, теперь я его узнала — эту блестящую хромированную машину, по цвету напоминающую горький шоколад, щедро сдобренный зеркальной глазурью и украшенный золотым завитком эмблемы производителя, как торт лаконичным узором.

Гьерд, а есть все-таки хочется.

Но еще больше хочется никогда его больше не видеть, поэтому я направляюсь в противоположную сторону. Эта улица немногочисленная, она вообще какая-то серая и безликая, особенно в подступающих сумерках. Похоже, сейчас уже все семь, а то и половина восьмого.

Домой хочу!

— Эри Армсвилл! — доносится раздраженное сзади.

Его серанство меня догоняет.

— Да что с вами не так?!

— Со мной все так, — отвечаю, ускоряя шаг. — Просто не имею привычки садиться в мобильезы к незнакомым типам, которые угрожали мне пытками.

— Я не угрожал вам пытками!

— Правда? — Я останавливаюсь и разворачиваюсь: — А сейчас вы меня еще и преследуете! И прекратите пялиться на мое декольте.

Кажется, он лишается дара речи, потому какое-то время просто смотрит на меня. То ли пытается подобрать слова, то ли думает, как меня придушить, чтобы никто не увидел. Лично я бы поставила на второе, но я уже слишком устала, чтобы бояться. Вот там, в допросной, — да, меня здорово впечатлили его слова, особенно когда он заговорил о маме!

К слову, если быть честной, смотрел он чуть повыше декольте, то есть на мою шею. Но одно от другого недалеко ушло!

— Я. Не пялюсь в ваше декольте, — отдельно, по слогам, произносит он. — Садитесь в машину, эри Армсвилл, или...

— Или? — Я складываю руки на груди, поверх пьесы. И к счастью, потому что с каждой минутой мне все сильнее хочется его треснуть, а пьесу жалко. Не хватало еще трепать ее о всякие головы.

— Послушайте, чего вы добиваетесь?

— Я? С той самой минуты, как я вышла из этого здания, я добиваюсь того, чтобы вы от меня отвызались. Но до вас, кажется, туго доходит! А впрочем... мне не кажется.

Его светлость сверкает глазами так, что, по ощущениям, может взглядом материализовать воздушную схему. Если бы это было возможно. Вся магия в принципе активируется схемами: чаще всего ее нужно чертить — на бумаге, на дереве, на земле, на камне, в общем, на любом материале — и только после этого активировать. Разные заклинания — разные схемы, а дальше все зависит от вложенной в нее силы мага.

Маги высшего уровня, например, способны создавать серебряные и золотые, и есть еще алые. Это такая мощь, которая по сути своей созидать не способна, только разрушать и уничтожать. Поэтому она и называется запретной. Поэтому все, что под ней создается, — преступление. Что же касается воздушных схем, сильные маги тоже способны их создавать, но не глазами, а начертанием силовых линий в воздухе. Правда, удержать такую схему стабильной гораздо сложнее, чем нарисованную.

Его светлость смотрит на меня, потом резко разворачивается и уходит.

Туда ему и дорога!

Я продолжаю свой путь приблизительно в сторону остановки (по крайней мере я надеюсь, что в сторону остановки, пока что мой маршрут гордо именуется «подальше от его светлости как можно скорее»), когда буквально перед поворотом дорогу мне с рычанием перекрывает мобильез. Буквально перекрывает, чудом не зацепив подол моего платья. Его светлость распахивает дверцу:

— Садитесь!

— А не приказывать вы не пробовали?!

Судя по выражению его лица, зубы он сжал так, что сейчас от них останется зубной порошок. Я уже собираюсь его обойти, когда он цедит:

— Эри Армсвилл, я прошу прощения.

У меня урчит в животе. У меня так урчит в животе, что, по ощущениям, сейчас вот-вот переключит урчание двигателя.

— Ненавижу вас, — сообщаю я, устраиваясь на сиденье. — Ладно, везите. Только быстро.

На меня посмотрели так, что мне захотелось стать маленькой и врости в сиденье. Но я не вросла. Наоборот расправила плечи и так гроыхнула дверцей, что у меня заложило уши. Со стороны его светлости что-то упало.

Кажется, второй раз за пять минут он напрочь лишился дара речи.

— Что? — поинтересовалась я под тяжелым, пристальным взглядом.

Такой не то что в мягкое кресло, в брусчатку закатает.

— Куда? — спрашивает его светлость с такими интонациями, что мне сразу становится понятно: «Какую — это здесь, бежать — вон туда». Но мне бежать особо некуда, либо еда, либо проезд, поэтому я складываю руки на груди и сообщаю:

— Гостевой дом «Розовый куст».

— Что?!

— Гостевой дом «Розовый куст», — повторяю я. — Если у вас со слухом плохо, могу на листочке написать. Хотите?

Вместо ответа рычит мотор (а может, рычат они одновременно с его светлостью, просто мотор громче). Мобильез срывается с места и спустя некоторое время вылетает на набережную. Темнеет, уже зажглись магические фонари, их свет распыленными кляксами растекается над парашетом и отражается в темной прозрачной глади Ницары, самой большой материковой реки в мире. На нее и я смотрю — все-таки как безумно красиво! Перевернутая столица, подсвеченная огоньками, вытянутая на глянцевои холсте.

Жаль, я рисовать не умею, мое самое большое достижение — портрет матушки крупным планом, который я нарисовала в школе. Когда его увидела учительница, она обвела себя святым кругом, потому что решила, что я изобразила Претемного в парике. С тех нор у меня психологическая травма.

У учительницы, видимо, тоже.

— Где находится «Розовый куст»?

Я так увлеклась своими мыслями, что в реальность мобильеза его светлости выпала на полном ходу.

— Что?

— Ваш «Розовый куст». Где он находится? Я не обязан знать расположение каждой ночлежки в Барельвице.

Нет, все-таки от серана его светлость отличает одна существенная черта: даже серан не может быть настолько сераном!

— Не ночлежки, а гостевого дома, — поправила я. — Барген, шестьдесят восемь.

— Барген.

Последнее пробормотали себе под нос таким тоном, каким можно было бы поинтересоваться: что я вообще делаю, зачем и как меня сюда занесло? У-у-у, сноб проклятый! Улица Барген — это, конечно, не центр города, но вполне достойное место за те деньги, что я могу себе позволить.

Пока я размышляла на тему снобов, один из них коснулся пальцами схемы — совсем крохотной, рядом с рулем, и... ничего не произошло. Его светлость снова ткнул в крохотный круг, но круг на него не отреагировал. И правильно, я бы тоже не отреагировала, если бы в меня так бесцеремонно тыкали!

— Узор путеоводителя поврежден, — пояснили мне. — Поэтому, не будете ли вы так любезны сообщить мне, где одностороннее движение в той части города?

— У меня все движение одностороннее. Я пешком хожу.

— Ах да. Как же я мог забыть.

— Да у вас вообще с памятью проблемы. И с причинно-следственными связями заодно!

Я отвернулась, рассудив, что и так достаточно времени потратила на общение с этим... с этим!

Который мне пытками угрожал. И пьесу мою изъял. И вообще, если бы я знала, где там одностороннее движение, всенепременно сказала бы! Потому что чем быстрее я избавлюсь от его общества, тем лучше!

К счастью, заговаривать со мной больше не пытались, а встали аккуратно перед поворотом, сразу за которым через два дома располагался «Розовый куст». Видимо, для того, чтобы не светиться рядом с «ночлежкой», а особенно рядом со мной. Я подхватила сумку и пьесу с колен, свободной рукой повернула ручку, и вылетела из мобилеза.

— Эри Армсвилл, вы ничего не забыли? — поинтересовались мне в спину, явно намекая на благодарность.

— Я? Нет. На всякий случай могу проверить сумку, если хотите, — мало ли, вдруг ваши коллеги решили оставить себе что-нибудь на память!

Ответа я дожидаться не стала, с гордо поднятой головой и широко расправленными плечами направляясь в сторону гостевого дома. Портье оторвался от чтения книги только для того, чтобы выдать мне ключ, самый обычный, с деревянным брелком и выбитым на нем номером комнаты. Я знала, что сейчас в богатых гостевых домах используют ключи с магическими схемами-близнецами. То есть на замок и на ключ наносится одна схема, и открыть замок можно только этим ключом, но где уж мне до богатых гостевых домов!

Вспомнился пренебрежительный взгляд его светлости, и желание треснуть его пьесой вспыхнуло с новой силой.

— Хорошая моя, — погладила верхний листочек. — Не бойся, завтра я тебя отвезу обратно эри Люмец. И никогда не буду бить тобой всяких... его светлостей!

Вошла в комнату и, только положив пьесу на стол, вспомнила, что забыла зайти в небольшую пекарню в конце улицы — за своим законным ужином, ради которого я каталась на мобилезе. Да что же такое-то, а!

Топнув ногой, развернулась и застыла.

В моей комнате, сверкая глазами, сидел золотой лев.

ГЛАВА 4

Райнхарт

Не день, а гьердов подарок!

Сначала бомба, потом алая схема. Потом рыжая девица, которая хамит как дышит. И как шоколадный лев на именинном торте — отказала схема навигации в мобильезе, в результате я долго кружил по узким улицам захудалого райончика вместо того, чтобы сразу отправиться домой.

Кто вообще придумал назвать гостевой дом «Розовый куст»? У них хотя бы кто-нибудь останавливается с таким названием? Или только цветочницы-драматурги?

Я явно был не в себе, когда решил, что девица из какой-то глубинки, без капли магии и с ядовитым, как жала орийских пчел, языком хочет меня убить. Естественно, хладнокровно и расчетливо, а не после допроса. Жажда огреть меня чем-то тяжелым так и горела на хорошеньком личике Алисии Армсвилл, когда я велел ей подписать отказ от претензий.

А как она разозлилась из-за матери! Если бы кто-то угрожал мне моей семьей, я бы тоже хотел этого кого-то втоптать в брусчатку. Разница между мной и Алисией была в том, что я мог это сделать, а она нет. Но при этом нарывалась на урок... вежливости.

Она просто на него напрашивалась!

Но отсутствие хороших манер — не преступление. Эри Армсвилл просто оказалась не в то время не в том месте. Даже вопрос об авторстве был лишним. Хватило одного взгляда на то, как она прижимает свое творение к груди, чтобы понять, насколько ей дорога пьеса. Это стало последним штрихом к железным фактам, что сегодня я просчитался.

А еще ведь гордился тем, что разбираюсь в людях и могу с первого взгляда определить, какой передо мной человек! Но видимо, все эти нападения ударили по мне сильнее, чем я думал. Не помню, когда в последний раз терял над собой контроль и давал волю чувствам.

Это недостойно герцога.

Недостойно будущего монарха.

Я будто обезумел.

Все дело в том мальчике. Он напомнил мне совсем о другом ребенке. Мальчика с площади Рэстридж отыскал, с ним все в порядке, в отличие от...

Я сжал зубы и свернул на Королевский проспект. Желание оказаться дома и вычеркнуть этот день из памяти стало первостепенным. Забыть об очередном покушении и о том, что тот, кто его запланировал, до сих пор на свободе и владеет магией достаточно искусно, чтобы создавать запретные схемы.

Я хотел забыть обо всем, но об эри Армсвилл забыть не получалось.

Это было просто невозможно.

Смотреть на Алисию было сплошным удовольствием, но только когда она молчала и когда молчал я. Когда же мы заводили разговор, я начинал жалеть, что не приказал отвезти ее домой кому-нибудь из подчиненных Рэстриджа. Так было бы безопаснее: для нее и для моих нервов.

Природа явно позабавилась, наградив такую яркую и чувственную женщину серановским упрямством и мастерством доводить мужчин до львиного рычания! Наше знакомство закончилось не начавшись, и я до сих пор не мог определиться, что испытываю по этому поводу: облегчение или сожаление. В любом случае, завтра отправлю в «Розовый куст» розовый куст. В качестве извинений, как сказала рыжая. Цветочницы же любят цветы?

У нее даже пьеса называется «Бал цветов».

Значит, точно понравится.

На этой мысли я остановился возле кованых ворот, что вели на территорию моего городского особняка, и активировал схему ключа. Точнее, попытался активировать, но она даже не вспыхнула.

Что за гьердова напасть?

Сначала мобильез, теперь это. Я сделал нас, чтобы разобраться с этой штукой, но ворота уже начали расходиться в стороны.

Остановившись у крыльца, я взлетел по ступеням.

— Добро пожаловать домой, ваша светлость.

Дворецкий чинно шагнул ко мне, забирая пальто.

— Робсон, прикажи разобраться с воротами, схему заедает, а мне некогда этим заниматься. И пусть Кир посмотрит мобильез.

— Будет сделано, ваша светлость. Как прошел день?

— Вчера было лучше.

— У вас гости. Леви Элеонор ждет вас в малой гостиной.

Элеонор здесь?

— Давно?

— Два часа, ваша светлость.

— Хорошо.

Вернее, ничего хорошего.

Потому что если Элеонор здесь, значит, она в курсе покушения и наверняка успела себя накрутить. И правда, стоило зайти в гостиную, как замершая возле окна Эле преодолела расстояние между нами и бросилась мне на шею.

Она не плакала. Элеонор никогда не плакала даже маленькой, но лучше бы залила слезами и мою рубашку, и всю эту комнату. Потому что стерпеть то, как сестру трясет в моих объятиях, было сложно. Поэтому я прижал ее к груди, а потом осторожно отстранился и поинтересовался:

— Ну-ну, что на этот раз?

Серые, будто грозовое небо, глаза сверкнули.

— Себ рассказал, что тебя снова пытались убить.

Я сдвинул брови.

— Тебе рассказал?

— Не мне, матери. — Элеонор опустила взгляд. — Но я отправила к ним маджера и подслушала.

— Не самый достойный поступок для молодой леви.

Она наконец-то улыбнулась, искренне и дерзко.

— Да вы настоящий зануда, ваша светлость! Зиг говорит, что можно вести себя как мне захочется, если никто этого не видит.

Я мысленно выругался. Мысленно, потому что те слова, что всплыли в сознании, были недостойны герцога Барельвийского и созданы не для нежных ушей леви и уж тем более моей сестры.

Мы с Элеонор связаны родством по отцу, а они с Зигвальдом — по матери. У меня появился брат, когда мой ныне покойный отец женился во второй раз. Все наше детство с Зигом прошло в соревновании друг с другом, поэтому друзей из нас не получилось. Любовь к младшей сестре — единственное, что нас объединяло, и каждый из нас заботился о ней как умел. Но, как по мне, советы Зига не годятся для Элеонор.

— Расскажи, чему еще тебя учит Зигвальд.

— Не дожدهшься! — рассмеялась Эле и вдруг снова стала серьезной: — Я очень переживала за тебя.

— Зря. Ты же знаешь, что меня не так просто убить. Пока жив мой маджер, и вовсе невозможно.

Она закусила губу, будто сомневалась в моих словах, но потом уточнила:

— Значит, все в порядке?

— В полном.

Если не считать, что я не могу выкинуть из головы одну рыжую цветочницу, из-за которой упустил настоящего преступника, так вовсе лучше не бывает.

— Все, хватит про заговоры, — отрезаю я. — Хотя бы дома я могу расслабиться?

— Можешь, — пристыженно говорит Эле.

— Лучше расскажи, как научила своего маджера подслушивать.

Маджеров, сотканных из самой магии защитников, могут создавать только маги седьмого уровня и выше, и даже при определенном ресурсе не все на это решаются. Потому что не только его создание требует колоссальных усилий, маджер постоянно подпитывается силой мага. Но в случае любого нападения на хозяина, маджер защитит его ценой собственной жизни. И создается он для защиты, а не для подслушивания чужих разговоров.

— Это просто, — отмахивается Элеонор. — Он почувствовал, что мне жизненно необходимо узнать, с чем пожаловал к матери королевский советник. Иначе умру от любопытства!

Да, маджеры у женщин иногда ведут себя странно. Как, впрочем, и сами женщины. Сначала отказываются, чтобы их подвозили, а потом соглашаются, но делают вид, что своим согласием делают большое одолжение.

— Показать его? — предлагает Эле. — Я уже научилась вызывать его просто так и не прыгать с лестницы.

— Ты прыгала с лестницы?!

— Только для того, чтобы он появился!

Ее щеки розовеют, а у меня появляется дикое желание закрыть лицо ладонью. Впрочем, следом за ним возникает желание запретить начинающему экспериментатору пользоваться магией. Хотя в случае с Эле — скорее продолжающему.

Элеонор исполнилось восемнадцать полгода назад, и магистр, обучающий ее, только недавно разрешил сестре создать маджера. Поначалу она не всегда его контролировала, но, кажется, дело сдвинулось с мертвой точки.

— Показывай и возвращайся домой, — добавляю в голос строгости. — Мать, наверное, тебя обыскала.

— Зачем меня искать? Она знает, что с маджером со мной ничего не случится.

Эле крепко зажмурилась и закусил губу, а когда раскрыла глаза, у ее ног появилась рысь с песочного цвета шерстью, большими ушами с кисточками и желтыми глазами. Маджер моргнул и почесался задней лапой. Кошка кошкой, если не пытаться причинить вред его хозяйке.

— Умница, — похвалил я. — Но я все равно прикажу, чтобы Кир тебя проводил.

Элеонор знает, что со мной спорить бесполезно, поэтому делано вздыхает и чешет маджера за ухом. Для нее это забава, пусть так и остается.

Потому что сегодня я узнал, что даже маджер не гарантирует полной безопасности. Мы привыкли полагаться на них, привыкли, что они выигрывают для нас время, бросаясь вперед. Но тот, кто создал алую схему, смог обмануть не только меня, но и моего защитника. Первое, что сделаю завтра, заставлю поднять все записи о запрещенных заклинаниях. Нужно узнать, что еще я упускаю.

А сегодня...

Сегодня у меня осталось несколько часов на отдых, поэтому я поручил безопасность Эле своему камердинеру. Кир — не только мой секретарь и помощник, но еще и сильнейший боевой маг, преданный нашей семье.

Поручив Элеонор ему, я направился в сторону своих комнат.

Оказавшись в ванной, отвинтил краны с водой на максимум и принялся стягивать одежду. Рубашка и брюки отправились в кресло. Погрузившись в теплую воду, я закрыл глаза.

Зря. Потому что перед мысленным взглядом опять нарисовалась эри Армсвилл, и, спорю хоть на весь свой дом, в воздухе снова промелькнул аромат цветов. Розовых. Кустов.

М-да, так у меня точно не получится расслабиться, а завтра лучше подняться пораньше.

Кстати, о пораньше. Я начертил схему разбудителя в воздухе — несложную, но действенную, чтобы завтра не проспать, и отправил импульс.

Но ничего не произошло. Только воздух качнул занавески.

Какого гьерда?!

Я повторил схему, но тщетно. Тщетной оказалась и попытка проверить свой резерв. Потому что...

Его попросту не было.

Во мне не было магии.

Ни капли.

ГЛАВА 5

Алисия

Я тоже села. Правда, мимо стула, больно ударившись копчиком о дощатые полы.

Лев не пошевелился, только глаза сверкнули и перья на крыльях чуть приподнялись, когда он втянул носом воздух.

Мама.

Нет, не так...

Мама!

Лев смотрел не мигая, и я тихонечко поползла в сторону двери. Не забывая при этом смотреть на него. Взгляд льва наконец-то сдвинулся с одной точки — он следил за мной. В этот момент я осознала две вещи: первую — что пьеса осталась на столе, рядом с которым я села мимо стула, и вторую — кажется, его светлость решил таким образом избавиться от свидетельницы... в смысле, его позора! То есть даже если его лев меня не сожрет, у меня будет разрыв сердца — вероятно, таким был ход его мыслей. А если разрыва сердца не будет, лев меня все-таки сожрет.

Но без пьесы я не уйду!

Осторожно, не сводя напряженного взгляда со льва, поползла обратно. Интересно, как действуют магические львы? Они сначала откусывают голову, или...

В этот момент у меня чуть не случился разрыв сердца, потому что лев двинулся в мою сторону. Готовая защищаться до последнего, я взмыла ввысь. Запуталась в юбках, чуть не упала, схватилась за стул, когда лев плюхнулся прямо в двух шагах от меня и занял полкомнаты. Посмотрел мне в глаза и выразительно произнес:

— Ур-р-р-р!

После чего перевернулся на спину и заурчал так, что затрясся старинный умывальник. Вместе с умывальником трянуло и меня, правда, ненадолго: если это и был способ избавления от свидетельницы, то какой-то чрезвычайно странный.

— Мм... здравствуй, — сказала я.

Лев дернул задней лапой и заурчал еще громче. Кажется, убивать меня он не собирался, поэтому версия с избавлением от свидетельницы рассыпалась в труху. А я уже почти успела посыпать голову пеплом из-за того, что согласилась сесть в мобильез к незнакомому его светлости, который сумел выведать, где я живу, а потом подослал ко мне...

Кстати, зачем он его подослал?

— Ты точно не кусаешься? — поинтересовалась я.

— Ур-р-р-р!

От второго «ур-р-р-р» что-то упало с полки.

— Ладно. Тогда давай-ка ты просто пойдешь домой? — Я осторожно, бочком, попыталась протиснуться к двери и поняла, что не могу: потому что одно крыло распласталось по стене, а второе — по полу. Вот это второе и представляло собой существенное препятствие, потому что прыгать через него в длинной юбке проблематично!

— Домой! — повторила я и для верности указала на дверь.

Лев заурчал еще громче. А мне надоело!

Вот честное слово — надоело! Сначала меня сажают в непонятную страшную комнату, угрожают мне и моим близким, а потом вообще подсылают льва!

Нормально так, да?

Нет, не нормально.

— Крыло убери! — скомандовала я — без особой, впрочем, надежды, уже готовая идти по перьям.

Не пришлось: крыло взмыло ввысь. Точнее, взмыли они оба, а потом схлопнулись, превращая льва в гигантскую котообразную магическую устрицу. Я посмотрела на все это безобразие, подхватила юбки и пошла к двери. За спиной что-то смачно громыхнуло и скрежетнуло — обернувшись, я увидела, что лев вскочил на четыре лапы (довольно резво для такой махины!) и сейчас явно собирается направиться следом за мной.

Представив свое эффектное появление внизу (между прочим, у них даже табличка была — с животными нельзя, не уверена, что для магического льва сделают исключение), остановилась.

— Сидеть!

Ну а что, один раз сработало, может, и второй раз сработает?

Лев недовольно рыкнул, но все-таки сел.

— Вот так. Хороший мальчик. Тут и сиди. Или вообще иди домой к его светлости. Да?

— Ры!

Ну ры так ры.

Я сходила за булками, а когда вернулась, лев по-прежнему сидел на месте. Заметив меня, еще и начал с лапы на лапу переминаться, как гигантская кошка. Глубоко вздохнув, я устроилась за столом и стала жевать, но под пристальным взглядом золотых глаз кусок в горло пролезал очень сомнительно. Хотя, может статься, дело в том, что надо было сходить за водой. Воду можно было попросить у портье, но, когда я представила, что надо снова спуститься, а потом еще раз подняться, решила, что обойдусь.

Тем более что усталость уже взяла свое. Руки и ноги стали тяжелыми, голова тоже.

Представить, что я буду спать в комнате с незнакомым львом, мне бы раньше и в голову не пришло, но, похоже, буду. Потому что уходить он точно не собирался, снова разлегся, занимая собой все пространство, и постукивал кисточкой по полу.

Под это постукивание я умылась, расчесала волосы, заплела косу. Потом сбегала в общую душевую в конце коридора, а когда вернулась, лев по-прежнему был на месте. Разве что к двери повернулся и, стоило мне войти, глубоко вздохнул.

— Ладно, — сказала я. — Хочешь оставаться — оставайся.

Можно подумать, я могла его прогнать. А если бы даже и могла, сил во мне осталось только на то, чтобы дойти до окна и распахнуть его настежь. В комнате натопили так, что дышать становилось нечем. Надо будет сказать портье, чтобы завтра убавил котел, а то я тут вкрутую сварюсь.

С этой мыслью под постукивание кисточкой по полу я и заснула.

А когда проснулась, льва в комнате уже не было.

Зато стало еще жарче.

Наверное, на улице потеплело, оно и к лучшему. После нашей южной зимы даже столичная весна показалась мне слишком суровой.

Я быстро умылась и собралась, взяла пьесу, и уже через полчаса была на улице. Ближайшая остановка располагалась на оживленной улице через два квартала от «Розового куста», вот только какой именно номер магобуса мне нужен, я понятия не имела. Ладно, язык до Барельвицы доведет!

— Подскажите, пожалуйста, что идет до «Корона д'Артур»? — поинтересовалась я у пожилой женщины, стоявшей у самого края мостовой.

— «Корона д'Артур»? А что это, доченька? — прошамкала она.

— Это...

— Главный столичный театр, — ответили за меня. Молодой человек, разбирающийся в столичных театрах, оказался высоким и широкоплечим. Светлые волосы слегка вились и доходили до этих самых плеч, но вот глаза были очень холодными. Как сказала бы моя героиня, они напоминали горный хрусталь, но я моей героиней не была, поэтому просто подумала, что они напоминают выцветшие льдинки.

— Отсюда вы ни на чем не доедете, эри...

Я похлопала глазами. Почему-то у меня не было ни малейшего желания сообщать ему свою фамилию, особенно под таким пристальным взглядом. Он меня как будто насквозь просматривал, тоже мне, физиономист!

— Хотите, я вас провожу? — осознав наконец, что моего имени он не дождется, поинтересовался он. С некоторым раздражением, которое я уловила весьма отчетливо.

— Нет, эрн, благодарю. — Я улыбнулась. — Мне будет достаточно того, что вы просто расскажете, где останавливается нужный мне магобус.

— В этих улочках довольно легко запутаться...

— Эри! — неожиданно воскликнул стоящий рядом мужчина. — А и не надо вам никуда идти. Садитесь здесь на четырнадцатый, а через несколько остановок — я скажу вам, где выйти, — можно будет пересечь на «единичку». Он ходит по центру, не совсем рядом с «Корона д'Артур», конечно, но к нему вообще сложно подъехать. Да и пешком прогуляетесь немного, погода сегодня чудесная.

Погода и правда была чудесная: в противовес вчерашнему дню ярко светило солнце, а лужи сверкали так, что было больно глазам. Мне даже самой погулять захотелось — погулять и подышать воздухом, полюбоваться на Ницару и старый город, где почти каждый камешек в центре — исторический. Но потом, все это йотом. Сначала нужно отвезти пьесу эри Люмец, а там кто знает — может, удастся пообщаться с самим антрепренером.

— Благодарю! — Я улыбнулась мужчине. — Так и поступлю.

Он разулыбался в ответ, чего не скажешь о ледяном красавчике.

— Так вы потратите гораздо больше времени, — сообщил он, глядя на меня в упор. Пальцы на его правой руке шевелились, как если бы он был пауком, наматывающим паутину на лапки. Грубоватый перстень ловил солнечные блики и словно их пожирал, разгораясь еще ярче. — Пойдемте со мной, эри.

Последнее он произнес с нажимом, перстень на солнце полыхнул алым, и в этот момент я увидела свой магобус! Четырнадцатый!

Ура!

Мужчина, который мне о нем рассказал, отступил, пропуская меня на подножку. Я отдала монетку кондуктору и шагнула в салон, где следующим вошедшим меня впечатало в предыдущего, и вот так, упакованные слоями, мы мягко (или относительно, мостовые здесь были не очень) покатались по столице. В распахнутые окна врвался весенний ветерок, но мне казалось, что он напоминает наш летний полуденный бриз. Вроде и дует, а толку от него почти нет: разогретый южным солнцем, он настолько теплый, что иногда от него даже горячее дышать.

От духоты то и дело темнело перед глазами, а учитывая, что на следующей остановке набилось еще больше народу, мне оставалось только вцепиться изо всех сил в поручень, прижимать к себе пьесу и глубоко дышать. В жизни не падала в обмороки и не собираюсь! Даже в столичном магобусе из-за духоты. Особенно в столичном магобусе из-за духоты. Как говорила Илли, моя лучшая подруга, если падать, то в объятия какого-нибудь красавчика.

Под красавчиком Илльяна подразумевала кого-то вроде молодого человека на остановке, она любила блондинов.

Ну и глаза у него!

Бр-р-р!

Вот подумала о нем — и сразу стало холоднее. Правда, ненадолго, потому что спустя мгновение мне уже захотелось снять не только пальто, но и все, что под ним. К счастью, обещавший мне подсказать остановку мужчина, кивнул:

— Ваша! Выходите, эри!

Я протиснулась к выходу, а спустя пару минут уже втискивалась в такой же, только еще более плотно забитый магобус, где меня сплющило сразу с четырех сторон. Защищая самое бесценное (пьесу), я думала только о том, чтобы эта поездка поскорее закончилась, и размышляла о возможности путешествия на магических крылатых львах. Что в принципе было фантазией чистой воды — потому что, во-первых, лев испарился в неопределенном направлении, а во-вторых, я бы ни за что не села на эту махину, которая машет крыльями и летает. Но вот так, если подумать, на нем можно передвигаться или нет? Что вообще собой представляют магические львы?

Вторая поездка была более долгой, но упасть мне не грозило при всем желании. На этот раз меня настолько плотно подпирали со всех сторон, что, даже если бы я реально свалилась в обморок, заметили бы это не сразу. Как бы там ни было, на волю я вырвалась живая и счастливая от близости долгожданной встречи с эри Люмец (и, возможно, с антрепренером).

Запертый главный вход меня не остановил, и я направилась к служебному. Благо вчера выходила именно через него.

— Заполните карточку! — потребовал седовласый усатый мужчина в униформе.

— Я вчера была у вас, вы можете проверить...

— Так положено! — пресекли мои попытки сэкономить время.

Я решила, что мое время мне тоже дорого, поэтому все заполнила и помчалась по коридору, украшенному настенными магическими светильниками, оформленными как подсвечники. Что ни говори, а роскошь в «Корона д'Артур» была во всем, начиная от красных ковровых дорожек под ногами (даже в служебных коридорах) и шелковистых завитков на обоях. Которые так и манили погладить их рукой, потому что действительно напоминали шелк.

Ух, какая же красота!

Я постучала в уже знакомую дверь с тяжелыми резными ручками, вошла.

— Эри Люмец, добрый день!

Секретарь, стоявшая у шкафа с распахнутыми дверцами, обернулась. Глаза ее расширились.

— О... эри Армсвилл...

— Я зашла вернуть свою пьесу. — Я улыбнулась и шагнула к столу. — И, возможно, я бы могла сама переговорить с антрепренером о ней?

— Эри Армсвилл, боюсь, это невозможно... — Секретарь смотрела в пол.

Я тоже туда посмотрела — может, она уронила что-то и ей нужно помочь?

На полу ничего не обнаружилось, поэтому взгляд мы подняли одновременно.

— Ничего страшного, — ответила я. — Думаю, я могла бы переговорить с ним уже после рассмотрения пьесы, и...

— Вы не поняли, эри Армсвилл. — Эри Люмец глубоко вздохнула. — Я не смогу принять у вас пьесу. Совсем.

То есть как — совсем?!

— Почему?!

— Потому что вчера... — Она понизила голос и посмотрела на меня в упор. — Вы, должно быть, все понимаете.

Потому что вчера пьесу забрали идиоты из Следственного управления, которое все надо разогнать поголовно?! А заодно их светлость, я не знаю, как он разгоняется, но окажись он сейчас здесь...

— Эри Люмец, — я постаралась придать своему голосу как можно больше спокойствия (что в сложившихся обстоятельствах было крайне сложной задачей), — вчера со мной произошло страшное недоразумение...

Я хотела сказать «странное», но «страшное», кажется, больше подходит.

— Вчера, когда было совершено нападение, я оказалась не в то время и не в том месте. Я просто пыталась спасти ребенка, понимаете? И бросилась туда. А кое-кто...

... «С ватой вместо мозгов»...

— Будучи крайне возбужденным...

Нет, это не то.

— В общем, меня ошибочно обвинили в том, чего я не совершала. Пьесу мне вернули и даже извинились, но, вне всяких сомнений...

— Эри Армсвилл, — эри Люмец вздохнула и расправила несуществующие складки на платье, — вчера, когда к нам приехали люди из секретного сыска...

— Откуда?!

— Из Тайной канцелярии. — Она вновь опустила глаза, а потом снова взглянула на меня. — Эрн Горах, заместитель антрепренера, и так пребывал в не самом лучшем расположении духа, но когда все это случилось... Последний раз он так кричал, когда его бывший секретарь опрокинул на него чайник с кипятком, засмотревшись на щиколотки Лючии Альхэйм. Словом, вашу пьесу не станут рассматривать, даже если я ее возьму. Мы не можем так рисковать репутацией театра, вы понимаете? Мне очень жаль.

В том, что эри Люмец действительно жаль, сомнений не было. Равно как и в том, что теперь меня даже поломойкой в «Корона д'Артур» не возьмут, не говоря уже о драматурге. Вот только в последнем эри Люмец точно была не виновата, все произошло из-за того, что один... самовлюбленный серан решил, что мне есть какое-то до него дело! Да если бы он мне сейчас попался, я бы собственноручно нахлобучила ему на голову ту схему и укомплектовала пьесой. А после пошла бы на рудники, да, но с гордо поднятой головой!

— Мне тоже очень жаль, эри Люмец. — Это все, на что меня сейчас хватило, чтобы выйти вместе с пьесой за дверь, мысленно посылая на голову его светлости все схемы, которые только можно себе представить.

Нет, он не самовлюбленный серан, он... я даже слов не могла подобрать, а все, что могла, употреблять в приличном обществе было не положено! Хотя какое мне дело до приличного общества. Тем более что оно мне теперь не светит. А все из-за него, из-за него, из-за него!

Ну и что мне теперь делать?

«Ехать домой», — подсказал внутренний голос.

Похоже, он прав. Денег у меня осталось на несколько дней, и не сказать, чтобы много. Поэтому сейчас мне самая дорога на вокзал, за билетами на ближайший поезд до Гриза. Городка, где я родилась, выросла и, похоже, буду всю жизнь составлять букетики, пока не состарюсь. А мои пьесы горой перейдут к детям... если, разумеется, они когда-нибудь у меня будут. Потому что все знакомые мне мужчины, пытающиеся за мной приударить, испарялись с моих горизонтов, как только узнавали, что я нишу и собираюсь переезжать в Барельвицу.

Вот даже не знаю, им столица не по вкусу была или грамотная жена?

Все, за исключением одного...

Ладно! Что толку сейчас об этом думать. Надо возвращаться и уже дома решать, что делать. Возможно, через пару лет в «Корона д'Артур» забудут об эри Армсвилл, за пьесой которой приходили из Тайной канцелярии, потому что один серан (чтоб его собственный лев сожрал!) возрешил, что мне сдалась его персона!

За эмоциями я даже не заметила, что уже пролетела полквартала, а дальше... Дальше мне надо было возвращаться, потому что вокзал совершенно точно в другой стороне. Или нет? Я не настолько хорошо ориентировалась в столице, но знала, что из трех городских вокзалов (Северного, Южного и Центрального) Центральный ближе всего. К счастью, на нем можно было купить билеты и на южное направление тоже, и не надо было тащиться на другой конец города.

Мимо Центрального вокзала мы, кажется, даже проезжали на магобусе. Да, точно — мне в другую сторону. Развернувшись, я зашагала обратно. Пришлось опять пройти мимо «Корона д'Артур», мимо широких ступеней, с которых вечерами, должно быть, льется яркий свет, а из-за дверей, из роскошного холла, доносится шуршание платьев и голоса. Сердце сжалось, и я мысленно отвесила себе подзатыльник.

Не время вешать нос, Алисия!

Вот когда твою пьесу все-таки возьмут, тогда будешь ныть, сколько пожелаешь, хоть по десять раз на дню. А пока — идем на вокзал!

— Скажите, я правильно иду на Центральный вокзал? — уточнила у пожилого эрна, рассматривающего скульптуру на небольшой площади перед музеем.

Он оторвался от созерцания, окинул меня не менее оценивающим взглядом и сообщил:

— Да.

После чего вернулся к своему первоначальному занятию. А я продолжила путь, решив, что буду уточнять правильность направления на каждой улице. Лучше так, чем опять свернуть куда-нибудь, где на какую-нибудь светлость будут нападать. Чтоб ему...

Я поймала себя на том, что мысленно несколько раз обрушила на голову его светлости горшки с глициниями, а в завершение полила водой из вазы, из которой посыпались розы с несрезанными шипами. Пьесу это, конечно, не спасло, но мне стало полегче. Ненадолго. До той минуты, когда я снова уточнила, куда мне идти, и перед глазами потемнело.

На этот раз причины падать в обморок не было никакой, но жар во мне стремительно нарастал. Простудилась, что ли? Я постояла у железной ограды какого-то особняка (на случай, если придется за что-то схватиться), глубоко подышала и пошла дальше.

Да, Алисия, в этот раз ты собрала все, что только можно и что нельзя! Ехать на поезде с простудой — удовольствие ниже среднего.

Центральный вокзал представлял собой здание, не уступающее по красоте «Корона д'Артур». Высокое, с белокаменными башнями и огромными часами, отмеряющими время по всем семи часовым поясам Лиграссии. На площади перед ним людей было бесчисленное множество: носильщики, зазывалы-владельцы частного извоза, обещающие отвезти в любую точку Барельвицы дешево. Постоянно подъезжали экипажи и мобильезы, лавируя по достаточно широкой улице. Служители вокзала и полицейские следили за тем, чтобы ни кареты, ни мобильезы не задерживались на месте дольше положенного.

Я как раз подходила к главным дверям, когда их распахнули двое мужчин и навстречу мне шагнула девушка в мехах. Из-под них струился атлас серебристо-голубого платья, на груди сверкало кольцо. Шелк светлых волос ниспадал на шубку — несколько густых, туго завитых прядей из высокой прически. В целом выглядела она так, как будто собиралась в «Корона д'Артур».

— Дочка! — К ней приблизился невысокий мужчина с залысинами, в дорогом пальто с меховым воротником. — Как добралась?

— Ужасно, папа! Ты представляешь?! В вагоне-ресторане закончилась сиранская икра!

Какой ужас.

Они все проплывали мимо меня: светловолосая, ее отец и сопровождающие, которые везли тележки с... честно, я не представляю, сколько там было чемоданов. Семенящая за ней женщина в возрасте, которая до этого разве что ей в рот не заглядывала, почему-то посмотрела на меня. Как мне показалось, крайне осуждающе.

— Пойдемте скорее! — пробормотала девушка и вздернула носик. — Я так устала... у них, кажется, и охладительные схемы не работали толком.

— Я обязательно напишу в Главное управление, дорогая! — пообещал ее отец. — Как минимум они вернут нам деньги...

— Ох, но разве кто-то вернет мне мое спокойствие и бессонную ночь?

Я глубоко вздохнула и вошла в двери, которые для меня любезно придержал один молодой человек. Кассы располагались в главном зале, к ним я и направилась, когда у меня опять потемнело перед глазами. Я пошатнулась, и мир крутанулся влево.

— Эри! Эри, что с вами? Вам плохо?

Я очнулась с сознанием того, что меня поддерживают под руку. На сей раз эри, рядом с которой стояли двое малышей.

— Вы чудом не упали, — произнесла женщина. — Я едва успела вас поддержать.

Ну чудесно! Я еще и чуть не свалилась, и ничего не почувствовала при этом. Сейчас покупаю билеты, а обратно беру экипаж. Тем более что билеты возьму на ближайший поезд и...

— Благодарю, — ответила я.

Женщина улыбнулась.

— По-моему, вам лучше немного посидеть. Вы такая бледная. Вон там есть скамеечки. — Она указала в сторону зала ожиданий, а после подхватила детей за руки и поспешила к выходу, где располагались перроны.

Я проводила ее взглядом, приложила ладонь ко лбу.

А когда отняла, с пальцев сорвались золотые искорки.

Мама!

Золотые искорки рождались на моей ладони, их становилось все больше, и жар от них шел такой, что я чувствовала себя как жаркое в чугунном котелке. Захлопнула ладонь, зажмурилась, приоткрыла один глаз — свечения становилось все больше, больше и больше. В ужасе я сунула руку в карман пальто, и там что-то зашипело.

И задымилось!

Нет!

Я выдернула руку из кармана, как раз в тот момент, когда вокруг завизжали. Я бы с радостью присоединилась, но голос неожиданно сел, потому что с одной стороны на меня надвигался уже знакомый лев. А с другой — не менее знакомый его светлость.

ГЛАВА 6

Райнхарт

Если до этой минуты у меня еще оставались сомнения, что эри Армсвилл просто мимо пробежала и перебежала мне дорогу, то теперь они искрами осыпались с ее ладоней. У девушки, у которой вроде как не было магии (по версии тестирующего из Тайной канцелярии), сейчас магия очень даже была.

— Стоять! — скомандовал я, когда она заметила меня и отшатнулась в сторону скамеек ожидания.

Бежать ей было некуда, поэтому я попросту направился к ней. Чтобы в следующую секунду мой маджер прыгнул вперед и преградил мне путь к девице. Лев оскалился и зарычал так, что нашу троицу на вокзале заметили все, кто ее до этого еще заметить не успел.

Мой маджер! Собственноручно созданный!

Я вообще-то потратил несколько месяцев, чтобы отрастить льву крылья. А теперь что? Он на меня рычать собирается? Гьерд бы побрал всех девиц, перебегающих дороги! И маджеров-предателей тоже!

Вышеупомянутая девица пошла красными пятнами и зашаталась, будто собиралась вот-вот лишиться сознания. Подозреваю, что не от стыда или от духоты вокзала.

Из-за моей магии, которую она не могла переварить.

— Эри Армсвилл, нам надо поговорить.

— Не надо! — сообщила она.

А потом на удивление резво метнулась вглубь вокзала. Маджер помчался за ней, под крики всех, кто попадался ему на пути. К счастью, в сторону народ отскакивал быстро, а мы так и бежали: она, подхватив юбки одной рукой, за ней лев, и замыкал процессию я.

В тот момент, когда сзади раздался полицейский свисток, девица вылетела за какую-то дверь, которую чуть не снес маджер, устремившись за ней. Мы оказались в пустующем просторном помещении, где явно намечался ремонт — об этом свидетельствовали обшарпанные стены и полузатертые схемы обеспечения светом. Дальше бежать было некуда.

— Эри Армсвилл, отзовите маджера, — прошу я. Ладно, просить я не умею, особенно в подобных ситуациях. Но, памятуя о том, что от этой девушки можно ждать чего угодно, приходится смягчить голос.

— Кого? — переспрашивает она.

— Льва. Вы нервничаете, нервничает он.

Вообще-то план был прост. Найти ту, к кому перешла моя магия, и увезти ее с собой для частного разговора. Но то, что вместе с магией к ней перейдет и маджер, я не учел. Особенно тот факт, что сейчас лев на ее стороне.

— При чем здесь я? — поинтересовалась рыжая и ойкнула, когда ее ладони снова заискрились. — Просто заберите его!

— Я бы с радостью, но для этого мне нужно приблизиться к вам.

— Не стоит! — Она вздернула нос. — В прошлый раз, когда вы ко мне приблизились, меня арестовали!

Я бросился было к ней, но маджер яростно взмахнул крыльями и чуть не сбил меня с ног.

— Отзовите льва! — прорычал я.

— Это ваш лев, сами его и отзывайте!

— Сейчас этот лев не мой.

— Он не немой! Я слышала, как он рычит!

Наш донельзя содержательный разговор прерывает появление наряда полицейев. Точнее, полицейи буквально врываются к нам и замирают, с открытыми ртами обозревая наше трио.

— Никому не двигаться! — воинственно требует один из них, очевидно главный. И почему-то смотрит на меня.

Кажется, мое терпение окончательно идет трещинами.

— Я и так не двигаюсь. — Я стягиваю перчатку, указывая ему на фамильный перстень на среднем пальце.

Полицей тут же как один бледнеют и склоняют головы.

— Ваша светлость, прошу прощения, — говорит их главный.

— Кто вы такой? — интересуюсь я.

— Офицер Лароуз, ваша светлость.

Роуз? Цветы меня преследуют!

— Офицер, выйдите и уведите своих подчиненных. Не мешайте мне.

— Конечно, ваша светлость.

— Подождите! — выкрикивает девица.

— Выполняйте, — приказываю я.

Полицеев будто сдувает ветром, и мы снова оказываемся с эри Армсвилл наедине. Маджер не в счет.

— Вернемся к нашему разговору, — предлагаю я и направляюсь в сторону рыженькой цветочницы, обходя ее и льва по кругу.

Ее львиные глаза распахиваются широко-широко, а потом гневно прищуриваются.

— Не хочу я с вами разговаривать! Я вас видеть не хочу!

— Представьте себе, я тоже. Но вы кое-что у меня украли. То, что я очень хочу себе вернуть.

— Совесть? — хмыкает она. — Вы, между прочим, тоже у меня кое-что украли!

От подобного заявления я даже останавливаюсь.

— Что?!

— Это! — Она потрясла кипой бумаги, в которой я признал пьесу. — Вы забрали мое будущее!

— Не говорите ерунды. Я вернул вам ваше сокровище.

Глаза Армсвилл яростно вспыхивают, и не только глаза.

От предельной концентрации магии полыхнули бумаги.

— Нет! — вскрикивает девушка, сбрасывая пьесу на пол и сбивая с нее пламя. Но одновременно с этим на ней самой загорается пальто.

— Осторожно! — Я устремляюсь вперед, но меня вновь отбрасывает могучим крылом.

К счастью, Армсвилл выпутывается из дымящейся тряпки и швыряет ее на пол, а маджер тут же затаптывает неудавшийся костер одним движением мощной лапы.

Правда, теперь на ней остается лишь платье, и я хмурюсь. Хмурюсь, потому что если мы задержимся здесь еще на несколько минут...

— Куда вы смотрите?

— Раздумываю, как скоро вы таким образом лишитесь всей одежды.

Она задыхается от возмущения, но потом складывает руки на груди.

— Прекратите! — не то просит, не то приказывает она.

— Прекратить — что?!

— То, что вы делаете. Со львом. С искрами.

— Это не я делаю, эри Армсвилл. Это делаете вы сами. Потому что не можете совладать с магией.

— Я не обладаю магией!

— Не обладали, — уточняю я. — Теперь обладаете. Моей.

Рыжая открывает рот и закрывает. И так несколько раз, пока она все-таки не интересуется:

— Это такая шутка?

— Я похож того, кто любит шутки?

— Я не настолько хорошо вас знаю.

— Хотите узнать меня получше?

— Нет! — отрезает она не раздумывая, а я чувствую, что внутри снова закипаю. Потому что мне порядком надоели все эти танцы вокруг фонтанов. Будь у меня магия, я бы спеленал рыжую парализующей схемой и увел с собой. Но будь у меня магия — в этом бы не было надобности!

— Придется, если хотите жить.

— Что?!

Слегка тронутая загаром кожа Армсвилл резко бледнеет, даже румянец сходит со щек.

— Вчера мы с вами попали под древнюю и запретную схему обмена сил. Моя магия перешла к вам, а ваша должна была перейти ко мне.

— Но у меня нет магии, — повторяет она уже не так уверенно.

В том и дело. Даже маг из Тайной канцелярии подтвердил это.

— Поэтому вы должны были умереть на месте. Но почему-то до сих пор живы. Хотя это лишь вопрос времени.

— Времени?

— Да. Вы либо сгорите, потому что ваше тело просто не сможет принять могущество моей магии. Либо до вас доберутся создатели схемы. Вряд ли им понравилось, что вы нарушили их планы.

Глаза девушки расширяются и становятся еще больше. Видно, как маска ее уверенности трескается и осыпается. Она сглатывает, беспомощно озирается на маджера и тянется, чтобы обхватить себя руками, но в последний момент передумывает — сжимает кулаки и вздергивает подбородок:

— С чего вы решили, что это ваша магия?

— А чья еще?

— Не знаю... Может, того мага, который хотел вас убить.

— Это моя магия, эри Армсвилл. Потому что я ее чувствую.

— Почему я должна вам верить?

Упрямая девица!

Это раздражает и восхищает. Но больше раздражает. Я еще должен уговаривать ее спасти собственную жизнь! Не знаю, как получилось, что организатор покушения еще ее не нашел. Я потратил всю ночь, чтобы разобраться, какую схему применил неизвестный маг, а когда понял, в чем дело, опасался, что попросту не успею найти Армсвилл первым.

Но как оказалось, это полбеды.

Киваю на ее руки:

— Вам мало этого? — А потом на маджера: — Или этого? Какие еще доказательства вам нужны?

— Почему я должна верить в то, что вы хотите мне помочь?

— Не обольщайтесь, я здесь не ради вас, а ради собственной силы.

Девушка поджимает губы.

— Так забирайте ее!

— Это запретная магия. Считаете, что схему для передачи сил можно найти в каждом учебнике?

— Снова потащите меня в Тайную канцелярию?

Опять этот вызов. Еще немного, и я действительно ее потащу.

— Нет. Это дело касается только нас с вами.

— Значит, никто не узнает, что я пойду с вами?

— Никто.

— Я вам не доверяю. Из-за вас у меня одни неприятности.

В глазах Армсвилл снова вспыхивает отблеск магии, ладони искрят.

Поэтому, несмотря на рычание маджера, я шагаю вперед.

— У нас нет времени, чтобы разбираться с симпатиями и антипатиями, эри Армсвилл. Мне плевать, доверяете вы мне или нет. К вам перешла сила, которую я унаследовал по праву крови и которую развивал на протяжении всей жизни. Сейчас она затаилась, но в любой момент может полыхнуть сильнее всех схем взрывов разом. Догадываетесь, что будет с вами?

По ее лицу пробегает тень, и в какой-то момент я опасаюсь, что слегка перегнул. Если она сейчас лишится чувств в стиле впечатлительных леви, это только все усложнит — маджер будет защищать ее до конца. Но Армсвилл меня удивляет, она снова сжимает кулаки, с вызовом смотрит мне в глаза и интересуется:

— Как это исправить?

Я протягиваю ладонь.

— Я все объясню, но не здесь. Поговорим в более подходящем для этого месте.

— Нет, объясните все здесь!

— Вы вообще меня слушали? — Я хмурюсь. — Вы бомба с часовым механизмом.

— Я поняла, — с нажимом произносит она. — Поэтому объясняйте быстрее.

Маджер пытается меня отеснить, но я не двигаюсь в места.

— Нужно время, чтобы разработать схему обратного процесса. Просчитать риски, чтобы не навредить ни вам, ни окружающим. Я искал вас, а не решение.

— Вы же только что сказали, что я могу взорваться в любую минуту?!

— Сказал, но с этим я тоже могу помочь.

— Как?

— Дайте руку.

Она тянет ко мне ладонь, но между нами возникает золотое крыло.

— Уберите маджера, — приказываю я. — Он магический защитник. Как видите, он не позволяет мне к вам приблизиться.

— Он чувствует в вас угрозу?

— Он чувствует, что вы считаете меня злодеем. Просто перестаньте так считать.

— Легко вам говорить!

На этот раз у девушки вспыхивают не только ладони. Ее кожа начинает сиять, загораются будто раскаленный металл волосы, а с рук срывается настоящий огонь. Она вскрикивает.

— Прекратите сопротивляться, гьерд вас заберет! — рявкаю я.

И маджер опускает могучее крыло. А я, перехватив хрупкие запястья, притягиваю Армсвилл к себе

за талию и впиваюсь поцелуем в полные губы.

Ощущение такое, что в меня ударяет молния, потому что магия врывается в меня бурным потоком, сносящим все на своем пути и грозящим спалить уже нас двоих. Сжечь и испепелить. Но я не позволяю ей этого, сильнее сминаю девичьи губы, впуская в себя всю эту силу. Девушка дергается, пытается вырваться, но тщетно. У нее просто нет сил сопротивляться магии, которая проходит сквозь ее тело. Стоит ей расслабиться, это окончательно позволяет усмирить поток и просто выпить его до конца. Впитать в себя, как впитали кожа и волосы Армсвилл аромат цветов.

От ее губ я отрываюсь неохотно, провожу пальцами по нежным щекам и пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Мы оба пытаемся, потому что грудь Армсвилл высоко вздымается, она смотрит на меня широко распахнутыми глазами, а потом высвобождает ладонь с явным намерением...

Я перехватываю ее запястье почти у своего лица.

— Контролируйте свои рефлексы, — приказываю, прищуриваюсь. — Чем больше вы идете на поводу у своих эмоций, тем вероятнее возникновение нового всплеска магии. Тогда нам придется запереться в спальне.

На мгновение я чувствую себя как прежде: моя магия звенит в теле, наполняет каждую клетку. Но почти тут же начинаю ощущать, как она устремляется обратно к рыжей.

— В спальне?!

— Да, чтобы забирать излишки магии, нужен близкий контакт. Это древний и самый верный способ мгновенной передачи магической силы.

ГЛАВА 7

Алисия

Пару минут я моргаю, пытаюсь осознать, что только что сказал этот... этот. А потом интересуюсь:

— Простите, что?!

— У вас со слухом плохо?

В этот момент я понимаю, что спасенная от магии пьеса все-таки достаточно тяжелая. И ей, наверное, ничего не будет, если пару раз опустить ее на голову этого... этого!

— Вы с ума сошли, если решили, что я буду с вами спать!

— Спать со мной я вам и не предлагаю.

Интересно, если я скажу льву: «Съешь его!» — это будет покушение или уже убийство? Как быстро действуют эти самые... как он его назвал? Маджеры!

— А что вы мне предлагаете? — язвительно интересуюсь я, стараясь восстановить дыхание. Оно, зараза такая, никак не хочет восстанавливаться. Шутка ли, когда тебя на заброшенных складах лапают всякие высокопоставленные хамы.

— Я вам предлагаю поехать со мной. Спокойно. Без истерик.

— Это кто тут истерик? — спрашиваю я, мысленно мечтая о том, чтобы оказаться во вчерашнем дне и за юбки оттащить себя от того места. Развернуть в другую сторону, да хоть в недавно вскрывшуюся реку прыгнуть, только не на него!

Магия.

Которая может меня убить.

Да тут кто хочешь истериком станет!

Потому что если меня не убьет магия, меня убьют эти другие, которые хотели убить его, или я его убью, и меня посадят, а потом меня убьет магия. Куда ни кинь, одни сплошные убийства и плохой финал. А я, между прочим, ненавижу драмы! У меня даже пьеса со счастливым концом!

— Так, Алисия...

— Ры!

Это сказал маджер. Видимо, в моем отношении к его светлости что-то снова поменялось, а в его глазах снова промелькнуло раздражение.

— Я отвезу вас к себе, и мы продолжим разговор. Согласны?

Согласна ли я? А у меня есть выбор?

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Везите. Но если вы попытаетесь меня тронуть еще раз, я попрошу маджера откусить вам...

Мой взгляд однозначно упирается в то, что я хотела сказать. Не специально, к слову, потому что у его светлости там бугор. Его светлость, кажется, тоже это осознает, потому что суровеет лицом. То есть багровеет. Слегка.

— Что вы себе позволяете?! — рычит он.

— Не больше, чем себе позволяете вы!

Он вздыхает. Глубоко. Потом запахивает полы пальто с таким звуком, что они хлопают друг о друга, как крылья гигантской бабочки или льва. Почему-то мне представляется, что именно так хлопают крылья этого льва. Милого.

— Мы с вами должны спокойно выйти из здания вокзала и сесть в мобилез. Для начала уберите льва, — командует он.

— Как?!

Он что, думает, я всю свою жизнь только и делала, что львов убирала?

— Подумайте о том, что с вами все хорошо. Что он вам не нужен, и представьте, что вы его отпускаете. Как будто рвется невидимая цепочка.

Да, всего-то.

— А если у меня не получится?

— Получится! — почти рычит его светлость. — Делайте!

— Хм... гм...

Я смотрю на льва, который смотрит на меня, и мне совершенно не хочется его отпускать. Ну милая же киса! К тому же защищает меня ото всяких... его озабоченностей. То, что он прикрыл пальто, вовсе не означает, что он избавился от своих гнусных намерений. Которые, впрочем, при других обстоятельствах могли бы оказаться не такими уж гнусными — внешностью его светлость природа не обделила. Широкие плечи, глаза как угли и волосы темные, зачесанные назад. Такие, густые...

А-а-а-а! О чем я вообще думаю?!

Лев издает громогласный рык и начинает наступать на эрцгерцога.

— Вы что подумали?! — рычит этот.

Так я тебе и сказала, что я подумала.

— Ничего. Просто у меня не получается справляться с вашей магией!

— Дышите глубоко, Алисия.

— Не называйте меня Алисия!

— А как мне вас называть?

— Эри Армсвилл. — Я стараюсь говорить так, как наша учительница в школе для девочек.

Это вообще самое несексуальное, что только можно представить. Не учительница, в смысле, а ее голос. Хотя и учительница тоже.

Лев останавливается, складывает крылья. Поворачивается ко мне.

Я глубоко вздыхаю и представляю себя в цветочном магазине. Вот я составляю букеты, напевая себе под нос, и думаю о том, как приду домой и буду писать пьесу. Вот ко мне приходит эрина Раллберг и говорит, что мы будем делать композиции для свадьбы дочки мэра, и я в восторге! Потому что это позволит мне поехать в Барельвицу и отвезти свою пьесу к антрепренерам. Мне спокойно и хорошо, и никакие львы мне не нужны...

— Пойдемте!

Приказ вырывает меня из моих мыслей, но когда я открываю глаза, льва рядом уже нет.

— Пожалуйста, — сообщаю я.

— Не за что, — отвечает он. — Дайте мне руку, эри Армсвилл.

— Обойдетесь.

— Дайте руку. Я не хочу, чтобы вы сыпали искрами, как неисправная схема.

— Мне холодно.

— Что?!

— Мне холодно. Мое пальто сгорело.

Его светлость снова что-то рычит, потом набрасывает мне на плечи свое.

— И пьеса. Понесите ее, пожалуйста. Я не хочу, чтобы она сгорела.

Судя по выражению его лица, стукнуть пьесой меня хочет уже он. Тем не менее возвращается за тем, что осталось от моего пальто, перекидывает через руку и подхватывает пьесу. Я подавляю желание скосить глаза вниз, чтобы убедиться, что садиться с ним в машину безопасно.

После чего все-таки позволяю ему взять себя под руку и в таком милом виде мы выходим в гудящий вокзал. Странно, дорогу, как сюда бежала, я почти не помню, зато сейчас отмечаю и высокие стены, и шум перрона за дверями с толстеными стеклами, и ожидающих пассажиров на скамейках.

— Как вас зовут? — спрашиваю я.

— Что? — Он вскидывает брови.

— Как вас зовут? Как мне к вам обращаться?

— Вы шутите? — Теперь он еще и моими словами говорит!

— Я же должна знать, с кем имею дело!

— То есть вы меня не знаете? — хмыкает он.

— Нет. Вчера мне сказали, что я совершила покушение на эрцгерцога Барельвийского, но на этом все.

Кажется, его светлость теряет дар речи. Который к нему возвращается уже на выходе из вокзала.

— Вы что, в самом деле меня не знаете?

Я пожимаю плечами:

— Я не интересуюсь политикой.

Он смотрит на меня с таким видом, как будто я сказала невероятную глупость:

— Газет вы тоже не читаете?

— Нет, с чего бы? Там иногда пишут страшную ерунду.

— Ерунду?

— Страшную.

Его светлость замолкает: видимо, на осознание того, что его магия в женщине, которая не интересуется политикой и не читает газет, ему нужно время. Мне же нужно время, чтобы принять то, что во мне есть. То есть... смогу я вообще это принять?! У детей магия просыпается в детстве, мягко и плавно, раскрывается крупными силами. Постепенно, чтобы научиться работать со схемами и с потенциалом можно было спокойно. Тем не менее начиная с самого детства магически одаренных детей направляют в другие школы. Если родители способны оплатить обучение — отлично. Если не способны, тогда все сложнее. Ребенка тестируют, проверяют уровень магии и оценивают потенциал, после чего принимается решение — либо ему оплачивают обучение из казны, либо магию запечатывают.

Последнее, на мой взгляд, крайне жестоко, но, если возможности учиться нет, достаточно сложно управляться с магическим потенциалом. Особенно нестабильным он становится у подростков, поэтому без обучения — никак. Заканчивающие школу маги поступают в университеты или отправляются на военную службу, это что касается мужчин. Девушек же просто выдают замуж: считается, что для них достаточно школьного обучения. Вот, кстати, еще одна серьезная проблема нашего общества. Если магический дар проснулся у девочки, а ее родители не в состоянии оплатить для нее школу, ее просто сразу запечатывают.

— Витааете в облаках, эри Армсвилл? — жестко интересуется его светлость, открывая передо мной дверь мобильеза. — Пора избавляться от этой привычки. Вы же не хотите устроить самовозгорание на глазах у публики, потому что в очередной раз задумались про цветы?

Я с тоской смотрю на пьесу в его руках (жаль, что нельзя ею огреть этого сноба), а потом просто сажусь в машину. Почему из всех, от кого мне могла достаться магия, мне она досталась от него?!

Мобильез трогается, и мы быстро проплываем мимо здания вокзала, оставляя его позади. Здесь улица широкая, но и поток экипажей, мобильезов и городского транспорта тоже огромный. Стоит нам проехать совсем чуть-чуть, как машина встает за каретой, занявшей сразу треть улицы.

— Прежде чем мы приедем...

— А куда, кстати, мы едем?

Его светлость награждает меня тяжелым взглядом.

— Ко мне.

— К вам домой?!

— К сожалению.

— К чьему? — уточняю я.

— К нашему общему, я полагаю. И поскольку мы с вами вместе оказались в столь неловкой ситуации, мне придется как-то вас представить обществу и моей семье.

Я даже замираю после такого заявления.

— Будете моей арэнэ.

— А?

— Арэнэ, — повторяет эрцгерцог. — Надеюсь, что это такое, вам объяснять не надо?

Точно не надо, но насчет этого я предпочла бы оставаться в блаженном неведении. Потому что сейчас мне захотелось не только огреть его пьесой, но заодно и в самом деле попросить льва откусить ему что-нибудь. У меня даже пальцы закололо, ладони снова заискрились, а сзади раздался какой-то грохот, шум, после чего я услышала жалобное:

— Ры!

— Гьердова пасть! — рявкнул эрцгерцог.

Пасть там действительно была. Скомпановавшись на задних сиденьях (насколько позволяли габариты), лев грозил заполнить собой все пространство. Это я поняла, когда мне на голову легло магическое крыло, а его светлости на голову положили хвост.

— Уберите! — прорычал высокопоставленный сноб.

— Я не буду вашей любовницей!

— Вы считаете, что это смешно?

— Я не собираюсь портить свою репутацию исключительно потому, что вы не в состоянии уследить за своей магией!

— Ничего с вашей репутацией не случится. Арэнэ — не любовница.

— А кто?!

— Муза. Возлюбленная. Называйте как хотите.

— Ну вот я и назвала — любовница!

По правде говоря, арэнэ была не совсем обычной любовницей. Так называли женщин, крайне образованных и утонченных, которые в силу своего происхождения не могли претендовать на замужество с состоятельными мужчинами, но составляли им компанию. Они могли поддержать беседу на любую тему, с ними не стыдно было выйти в свет, но... но... я никогда не представляла себя арэнэ. Хотя бы потому, что это совершенно другая жизнь. У арэнэ никогда не будет семьи — на них не женятся, и никогда не будет счастливой жизни. Несмотря на роскошь и богатство, которыми их окружали покровители, они все равно оставались всего лишь женщинами для утех и приятного времяпрепровождения.

Нет, это точно не мое.

Нет!

— У вас нет выбора, эри Армсвилл, — сообщили мне, отбрасывая магический хвост магического льва за спину.

— Выбор есть всегда.

— Неужели?

— Да. Я настаиваю, чтобы вы вообще как-то меня представляли, но быть вашей арэнэ не собираюсь!

— И что вы предлагаете? — поинтересовался его светлость. — К моему величайшему сожалению,

взять вас невестой мне не позволяет положение.

В его голосе было столько сарказма, что я пожелала льву сесть ему на голову.

— К моему величайшему облегчению, взять меня вам не грозит вовсе, — процедила я.

— Уберите льва!

— Ваш лев, вы и убирайте.

В таком благоприятном расположении духа мы и продолжали путь (вместе со львом) в напряженном молчании. Не знаю, кто из нас напрягался больше, но я даже по сторонам особо смотреть не могла. Только на свои руки, которые, к счастью, сейчас не искрили, да на льва, который каким-то образом умудрился устроиться на заднем сиденье и сейчас громко сопел.

Дорога показалась мне бесконечной, поэтому я ненадолго закрыла глаза. Под мерное постукивание колес о брусчатку сама не заметила, как провалилась в сон.

Глаза я открыла оттого, что мы остановились.

Первое, что я обнаружила, — льва не было рядом.

А второе... города тоже не было. Мобильез стоял на подъездной дорожке перед возвышающимся над нами замком.

Я поморгала. Замок не исчез.

Зато появился его светлость, который открыл для меня дверь мобильного и подал мне руку.

— Куда вы меня привезли?

— К себе домой.

— Домой?! Это у вас дом такой?

— Дом у меня в городе. Но в Барельвице у меня нет такой библиотеки, которая позволит мне как можно скорее разобраться в нашей ситуации.

Я приняла его руку и вышла из машины.

Перед величием замка, честно говоря, все остальное как-то терялось. Это монументальное сооружение, должно быть (судя по характерным башенкам), возвели еще во времена Даргейна-завоевателя, если не раньше. Высокие арочные окна и колонны, величественная лестница, ведущая к главным дверям. Я задрала голову, чтобы оценить пять этажей великолепия, протянувшегося справа и слева, в окружении бесконечных дорожек, тропинок, парковых зон и фонтанов.

— Эдельз Грин, — сообщил его светлость. — Построен восемьсот лет назад.

— Я поняла, — ответила я, возвращая голову в исходное положение, потому что она уже начинала кружиться. — Если я сгорю здесь, никто не заметит, а мой пепел потом просто сметет в совочек одна из двухсот семидесяти ваших горничных.

Его светлость кашлянул. Хотя мне показалось, что у него уголки губ дрогнули.

— У вас интересное чувство юмора, эри Армсвилл.

А кто сказал, что оно у меня есть? — Я потерла друг о друга замерзшие ладони.

За городом было гораздо холоднее, но я с какой-то радости представила, как здесь красиво поздней весной и летом.

— Пойдемте, — кивнул эрцгерцог. — Мне нужно еще кое-чем заняться, пока вы обустриваетесь.

Обустриваюсь?

— Я не собираюсь здесь обустриваться! — возмутилась я.

— Вы же не думаете, что я оставлю вас в городе?

— Что значит — не оставите?

— Это значит, что если вы будете жить в моем городском доме, вам придется общаться с моей семьей, а я этого не хочу. Чем меньше вопросов вызывает ваше присутствие, тем лучше.

— Чудесно.

— Я рад, что мы с вами наконец-то пришли к согласию. Раньше начнем — раньше закончим.

— То есть существует вероятность, что мы со всем разберемся уже сегодня?

На меня посмотрели сверху вниз.

— На разработку схемы белого уровня уходит от одного дня до недели, — сообщил его светлость тоном занудного лектора в магуниверситете. — На разработку схемы, которая понадобится нам с вами, — от четырех месяцев до полугода.

Четыре месяца?!

Никогда в жизни я еще не была так близка к тому, чтобы позорно хлопнуться в обморок. И я бы даже упала, если бы мне пообещали, что по возвращении все это забудется как страшный сон, но вряд ли. Поэтому я предпочла бодрствовать и ступила все-таки на лестницу, по которой до меня, должно быть, ходили исключительно именитые особы королевских кровей.

Вы снова чем-то недовольны, эри Армсвилл?

Издевается, особун королевских кровей.

— Нет, я в восторге от того, что мне придется терпеть ваше общество четыре месяца.

Его светлость сдвинул брови.

— Четыре — при учете того, что я сегодня же найду и разберу принцип создания запрещенной схемы.

— А вы можете его не найти?!

— Библиотека моего рода крайне обширная, но все же не безграничная. Запрещенных схем в готовом виде не существует, только отдельные элементы.

Я бы скисла, но в этот момент перед нами распахнули двери. Просторный холл, залитый светом от нескольких люстр (выделялась из них одна, центральная, состоящая из такого количества хрустальных деталей, что считать их можно было не один день), предсказуемо оказался пустынным. Не считая дворецкого, поклонившегося моему спутнику, и его помощника — такого же отстраненно-учтливового, не изменившегося в лице, даже когда его светлость отдал мое горелое пальто, в окрестностях никого больше не было.

Я не уверена, что тут вообще кто-то был.

Не считая двухсот семидесяти горничных, разумеется.

— Комната для эри Армсвилл готова, ваша светлость, — сообщил дворецкий.

— Замечательно. Я лично ее провожу.

Мои вещи!

— Мои вещи, — напомнила я, когда мы двинулись к следующей лестнице. Она уводила на второй этаж, раскидав свои широкие ладони вправо и влево и подставляя гигантские пальцы, чтобы мы могли по ним подняться.

— Ваши вещи?

— Все мои вещи остались в «Розовом кусте»!

— Документы, надеюсь, при вас?

— Да, они в сумке.

Вот и отлично. Все остальное пусть в «Розовом кусте» и останется.

Я чуть не споткнулась.

— Мне нужны мои вещи!

— Они вам не нужны. Моя арэнэ не будет ходить в кошмарных платьях с кошмарными декольте.

С кошмарными?!

— Если бы ваш взгляд постоянно не прилипал к моему кошмарному декольте, я бы расценила это как оскорбление, — хмыкнула я. — Но поскольку ваш ограниченный мужской ум не способен отделить элементарное физическое влечение от желания запаковать меня в непроницаемый футляр, из которого будут торчать только шея и уши, я оставлю ваши комментарии без внимания.

— Не сомневаюсь, что вы ничего без внимания не оставите, эри Армсвилл, — хмыкнул он.

— Мне нужны мои вещи.

— Хорошо. Вам их доставят. Но ходить в них вы не станете.

— А в чем, с вашего позволения, мне ходить?!

— С моего позволения завтра к вам приедет портниха. До того вы будете отдыхать в своей комнате, чуть позже вам подадут ужин, а вечером я к вам приду.

Я не успела сообщить ему, что буду ждать с чем-то тяжелым и несгораемым, например с кочергой, когда его светлость ядовито заметил:

— Обсудить детали нашего взаимовынужденного сотрудничества. Поскольку ваш весьма развитый женский ум с не менее развитой фантазией уже нарисовал себе перспективы в красках, вынужден вас огорчить: при должных умениях и, если станете меня слушаться, к крайним мерам нам прибегать не придется. Чему я в сложившихся обстоятельствах несомненно рад.

Последнее его светлость произнес с раздражением.

В эту минуту я обнаружила две вещи: во-первых, что мы стоим у какой-то двери. А во-вторых, что я слегка покраснела.

— Чудесно! — повторила я, рывком отнимая у него пьесу и сумку. — В таком случае я буду соблюдать все правила!

Не дожидаясь ответа, рванула дверь на себя и шагнула вперед, намереваясь захлопнуть ее перед носом этого... этого!

— Эри Армсвилл, это моя комната. Ценю ваше желание перейти к обсуждению прямо сейчас, но ваша дверь — соседняя.

Я отпрыгнула назад. Так резво, как если бы там находилась змея, которая может меня укусить.

— Это вам. — Он раскрыл ладонь, на которой лежала крохотная золотая пластинка с выгравированной на ней схемой. Я впервые видела постоянную схему на металле и уж тем более впервые видела артефакт. Артефакты стоили безумных денег исключительно потому, что они работали сами по себе, без присутствия мага, и заложенная в них схема не только работала для каких-то целей, но и самовосполнялась магически.

— Что это? — переспросила я, потому что его светлость так и не отдал пластинку мне. Нахмурившись, смотрел на лежащий на его ладони кругляш с аккуратной дырочкой, в которую вполне можно было продеть золотую цепочку. Мой голос словно вытолкнул его в реальность.

— Это деактиватор магии. Применяется для подростков, когда обучение магии проходит самую опасную фазу. Сила ребенка с десяти до шестнадцати очень нестабильна, и может быть всякое. Случись с вами что-то серьезное, он примет удар на себя.

— Но тогда мне вовсе не нужно...

— Нужно, — отрезал он. — Мою силу деактиватор не выдержит, он попросту сгорит. Но до того, как что-то случится с вами, я уже буду рядом. У меня есть вторая часть, эта схема зацикленная.

Зацикленная?

— Что это значит?

— Это значит, что магия перераспределяется между двумя схемами, находящимися на расстоянии. До вечера, эри Армсвилл. — Его светлость вложил кругляш мне в ладонь. — Куда бы вы ни шли, что бы вы ни делали, не расставайтесь с ним.

Его светлость развернулся раньше, чем я успела ответить, и направился в сторону, откуда мы пришли. Я проводила его взглядом и, пожав плечами, толкнула уже правильную дверь.

ГЛАВА 8

Райнхарт

Четыре месяца.

Четыре месяца.

Четыре...

Эти цифры я взял не с потолка. На разработку последней оранжевой схемы я потратил именно столько времени. Оранжевой, но не красной. Алые требовали больше внимания, сосредоточенности, мастерства, а иногда и просто удачи. И времени. Много-много времени.

А в моем случае еще и множества погибших нервных клеток.

Почему из всех возможных людей моя сила должна была перетечь именно в Армсвилл?! В эту невыносимую, дерзкую, яркую, грубую... цветочницу! Да, не спорю, что девица красива, и, если бы мы встретились при других обстоятельствах, я бы обратил на нее внимание. Возможно. Особенно если бы эри Армсвилл молчала! Когда она молчала или дремала, как сегодня в мобилъезе, то превращалась в другого человека. Как показал поцелуй на вокзале, физически мы совместимы. Настолько совместимы, что мне пришлось мысленно разбирать зеленые схемы и вспоминать отчеты Себастиана, чтобы хоть немного приглушить собственное желание... продолжить начатое.

И я разбирал схемы и вспоминал отчеты ровно до тех пор, пока не оставил цветочницу возле ее комнат. Был велик соблазн подтолкнуть ее в спальню и проверить насколько качественно работает древний ритуал. В конце концов, альбому, в котором я это отыскал, больше веков, чем моему фамильному замку, и он не рассыпался только благодаря магии. Мало ли, может это устаревшая информация?

Но я мысленно напомнил себе, что прежде всего меня должна беспокоить безопасность.

Магии.

Девушки.

Моей магии в девушке.

Поэтому лучше и относиться к ней, как к сосуду магии. И как к арэнэ. Хотя с последним было все сложно. Все, что могло быть у меня с Алисией Армсвилл, — это пара ночей и приятные воспоминания, а теперь ждет совместное проживание под одной крышей.

Я не просто так привез цветочницу в фамильный замок. Прежде чем представить ее своему окружению, — а мне придется это сделать, потому что моих обязательств перед Леграссией никто не отменял и сидеть здесь безвылазно или оставить искрящую магией Армсвилл одну совсем не вариант, — я должен убедиться, что смогу относиться к ней как к своей фаворитке. Научиться этому. Потому что представить ее своей арэнэ — единственный выход.

Если я хочу сохранить похищение магии в тайне.

А об этом точно никто не должен знать.

Тот, кто все это затеял, еще на свободе и наверняка считает, что его план не удался, но вряд ли отступится. Уже одно только создание запретной схемы говорит за себя. Как и желание заполучить именно мою силу. Он готовился и вряд ли рассчитывал торжественно сгореть. Значит, уверен в себе и считает, что способен выдержать такой поток магии.

Я сжал кулаки, стараясь уловить в себе хоть каплю магии, почувствовать ее, как чувствовал всю жизнь.

Тщетно.

Благодаря этой гьердовой схеме вся магия перекочевала к девушке, которая даже не представляла, кто я такой.

Не читает газет! Кто вообще в наше время не читает газет?!

Правда, хорошая новость была в том, что моя сила ее сразу не убила. Она не убила ее даже на следующий день. Можно сказать, нам обоим повезло: Армсвилл — потому что я нашел ее раньше,

чем она воспламенилась, мне — потому что благодаря этому я еще могу вернуть себе магию.

Если перестану думать о цветочнице и займусь делом!

Я сжал монету артефакта и положил ее в карман пиджака: так я смогу быть уверенным, что, случись что с эри Армсвилл, я почувствую это сразу — артефакт отзовется на активацию второй части.

А потом отправился в библиотеку.

В Эдельз Грин она занимала зал высотой в три этажа и была даже больше той, что в королевском дворце. Все эрцгерцоги Барельвийские обладали огромной силой, поэтому любили создавать схемы и сохранять их для потомков. За восемь столетий помимо свитков и книг, альбомов с начертаниями набралось столько, что отец даже планировал расширить библиотеку, отхватив большой кусок от бального зала. Останавливало его только то, что мачеха была против: ей бальный зал был нужнее магических схем.

Переступив порог библиотеки, я окинул взглядом полки, набитые книгами и альбомами с потолка до пола. Обычно это не вызывало проблем: с помощью поисковой схемы можно было найти все что угодно. Но сейчас я не мог создать даже магический свет. Поэтому придется делать все по старинке.

Без магии.

Чтобы того, кто это сделал, горничная смела в совок в самое ближайшее время.

Чувство юмора у эри Армсвилл точно было. Правда, думать о ней мне не полагалось, а полагалось думать о том, как разобраться со всем этим до коронации, до которой осталось полгода.

У меня есть полгода на то, чтобы вернуть себе магию и найти того, кто все это сделал. И тогда даже двести семьдесят горничных его не спасут.

Да чтоб тебя!

Я сжал зубы и направился к каталогу.

Спустя несколько часов я в полной мере осознал, что лишиться магии — то же самое, что потерять глаза, руки и ноги, вместе взятые. Потому что я все время забывался и чертил схемы в воздухе: чтобы подтянуть к себе нужный альбом или что-то скопировать. Естественно, ничего не происходило, и естественно, меня это раздражало сильнее и сильнее. Как и то, что поиск нужных схем затягивался.

Я отыскал всего одну подходящую часть, но нужно было еще. Иначе создать схему обратной передачи магии будет не просто сложно, а практически невозможно. Не говоря уже о том, что создать ее было мало. Потом мне придется ее как-то активировать, и «придется» здесь ключевое слово. В противном случае народ Лэграссии лишится не только старого короля, но и нового. А этого я не допущу! Да, сейчас я без магии, но все мои знания, разум и интуиция при мне, значит, слабым я буду, только если сам позволю себе поддаться этой слабости.

Поэтому я принялся искать с утроенной силой и вынырнул из калейдоскопа рисунков, только когда начали слипаться глаза, а шея окончательно затекла от усталости. Тогда я поднялся и, разминаясь, подошел к окну. Оказывается, ночь давно опустилась на парк, окружающий замок. Деревья напоминали размытые тени, и только луна освещала многочисленные белые дорожки.

Время перевалило за полночь, а значит, беседовать с эри Армсвилл уже поздно: она наверняка спит. Или ждет? Узнать об этом я мог, только отправившись к ней, и нестерпимо захотелось именно так и сделать. Почему-то легко было представить рыжую в кружевах полупрозрачной ночной сорочки. Волосы разметались по подушкам, глаза прикрыты, рот слегка приоткрыт, грудь высоко вздымается...

А у меня схемы и утраченная магия!

И чем быстрее найду и создам решение нашей общей проблемы, тем лучше. Для всех.

Но выбросить из головы откровенное видение не получается. Какие схемы, если в спальне спит Армсвилл?

Зову дежурившего за дверью лакея и интересуюсь, как моя гостья.

— Эри поужинали и легли спать.

— Благодарю. Свободен.

Значит, спит. Это и к лучшему, потому что так они не натворят бед: и Армсвилл, и моя магия.

Так почему меня это так злит?

Впрочем, мне совсем расхотелось спать, что определенно к лучшему. Возвращаюсь к внушительной стопке на столе и беру следующую книгу.

«Утрата магии и как с этим смириться» Корнелиус Лоцци

Не собираюсь я с этим мириться!

С раздражением отпихиваю книгу на край стола и беру следующую.

«Древние нерийские обряды» Дло Ти До

Это лучше. Хотя бы потому, что здесь точно не будет дурацких советов про смирение.

Книга очень старая, и все обряды написаны в ней в стиле старинных сказок, но не стоит недооценивать сказки — порой в них больше смысла, чем в иных научных трактатах. И интуиция на этот раз не подводит: после одной из них сон и усталость окончательно выветриваются из головы.

Не может быть!

Не может...

У меня даже в сердце колет. Никогда не кололо, а тут будто сам гьерд кочергу приложил. Раскаленную.

Что за?..

До меня не сразу доходит, что дело не в сердце, а во внутреннем кармане пиджака, который все сильнее разгорается огнем.

Артефакт!

Армсвилл!

Я вылетаю из библиотеки со скоростью, которой бы позавидовал мой маджер, перепрыгиваю через ступеньки лестницы и оказываюсь возле спальни цветочницы в считанные минуты. Хотя у меня и этих минут нет.

Что опять натворила эта девица, если это вызвало новый всплеск?

Она вообще может посидеть спокойно? Или полежать.

Толкаю дверь и застываю на пороге. Потому что Армсвилл выглядит именно так, как мне и представлялось. На кровати, в белоснежных кружевах, с задравшейся во сне до самых бедер сорочкой, облепившей стройное тело. Волосы заплетены в две изящные косы, а с губ срываются тихие стоны.

Зрелище, испытывающее выдержку любого мужчины.

Если бы не одно «но» — пылающая с левой стороны кровать. Искры рассыпаются с пальцев девушки, порождая все новые островки пламени.

— Туши! — ору я на маджера, который с утробным рычанием вертится вокруг постели.

Лев то ли подчиняется мне, то ли сам догадывается, но разворачивает свои могучие крылья и хлопает одним по горящей постели с таким звуком, будто шторм подхватывает паруса. Как цветочница не просыпается от этого звука — загадка, но пламя гаснет лишь для того, чтобы с новой искрой вспыхнуть заново.

Я сдергиваю с себя пиджак, сбиваю пламя и бросаюсь к Армсвилл. Она стонет и всхлипывает во сне, даже не приходя в себя. Я падаю рядом с ней, притягиваю девушку к себе и завладеваю ее губами. Весь поток, весь огонь тут же вонзается в меня с яростью сорвавшего с цепи голодного пса. Гораздо более сильный и неукротимый, чем был днем. А взгляд пришедшей в себя цветочницы вонзается в меня: ничего не понимающий, испуганный.

Она дергается подо мной, и я почти теряю поток, который грозит уже испепелить меня. Приходится сильнее раскрыться, сильнее раскрывая девушку под собой, почти терзая ее губы, но этого ничтожно мало. Слишком мало. Тогда я резко дергаю сорочку, которая расходится прямо на ней.

Алисия вскрикивает, когда я снова ее касаюсь, но я не позволяю ей возразить — снова запечатываю рот поцелуем и вжимаю всем телом в кровать.

Ее кожа горит под моими пальцами, жжется искрами, но я не останавливаюсь. Нельзя останавливаться. Потому что магия вот-вот прорвется наружу, и будет не до приличий и сантиментов. И прикосновение кожа к коже срабатывает. Гьердов древний ритуал срабатывает! Стоит нам сплестись в объятиях, поток впитывается в меня без остатка.

Укрощенный.

Послушный.

Сладкий.

Как девушка подо мной.

Не успеваю я об этом подумать, как получаю по лицу подушкой.

Причем изо всех сил, даже перья полетели. Она замахивается второй раз, но я опережаю: выхватываю из рук рыжей оружие и снова наваливаюсь на девицу, перехватывая хрупкие запястья и заводя их над ее головой.

— Эри Армсвилл, — рычу я, — где ваша благодарность?

— Благодарность за что? — охает она и пытается меня сбросить, но мне хватило и подушки, чтобы понять, что Армсвилл привыкла бить со всей силы. — За то, что порвали мою сорочку?

Мы одновременно смотрим вниз, туда, где в разорванном вырезе виднеется ее обнаженная грудь. Большая, но несмотря на это упругая, с нежной молочной кожей и розовыми сосками с торчащими вершинами. Это зрелище сбивает меня с мысли, заставляет позабыть, зачем я здесь и что собирался сделать. Может, конечно, дело в том, что я расположился между ее бедер, и наши тела соприкасаются в самом интимном смысле.

А я, гьерд меня заberi, мужчина из плоти и крови!

И единственное, что мне сейчас хочется, — провести языком по нежной шее Армсвилл, узнать, каков на вкус ее поцелуй, когда не приходится сражаться с магией. В ее взгляде я читаю ответное желание, ее дыхание сбивается, и мое тоже, поэтому я тянусь к ее губам.

— За то, что снова спас вас от самовозгорания.

Если бы не изматывающее укрощение собственной силы, то я бы назвал эти «спасения» крайне приятными...

Армсвилл уворачивается от поцелуя, снова гневно сверкает глазами и выдает:

— Вы обещали, что этого не будет! Пустите! Это насилие!

— Насилие?

А вот это гораздо бодрее подушки!

Я отпускаю Армсвилл и резко поднимаюсь с постели:

— Я вас не насиловал!

Она натягивает одеяло до самого подбородка и садится:

— А как назвать то, что вы ворвались в мою спальню, порвали мою одежду и обездвижили меня, чтобы... Чтобы!

— Договаривайте, что уж там.

— Чтобы воспользоваться мной.

То есть она не хотела, а я злодей?!

— Это смешно, — отрезаю я. — Большинство женщин Барельвицы мечтает оказаться на вашем месте.

— Сгореть заживо?

— Нет!

— Быть изнасилованными?

— Быть моей арэнэ!

— Я вообще не из Барельвицы!

Я уже почти близок к тому, чтобы швырнуть лампу о стену, но фраза Армсвилл меня отрезвляет.

— Но вы бы хотели здесь жить.

На что... На что вы намекаете? — Глаза девушки расширяются, а румянец на щеках становится ярче.

Я прищуриваюсь. Ну и как это расценивать? Говорит, не хочет «насилия», а думает только о том, что между нами произошло.

— На то, что я могу сделать так, чтобы вашу пьесу поставили в «Корона д'Артур» или в любом театре, в каком захотите.

Она вскидывает голову и сжимает кулаки, забыв про одеяло. Эри Армсвилл просто готова убить меня взглядом. Мало мне этого — утробным рычанием напоминает о себе притихший маджер.

— И для этого я должна...

— Всего лишь не противиться возвращению магии ее законному владельцу. Как видите, она у меня могущественная и с характером.

— Вся в хозяина, — цедит рыжая.

— В любом случае это были крайние меры, подобное больше не повторится. Если вы сами не попросите.

— Не дождетесь!

Армсвилл снова закапывается в одеяло, а я открываю в себе новые грани раздражения. Нужно как можно быстрее найти недостающие фрагменты и начать создавать схему, иначе эта девица доведет меня до греха!

— Если бы не вы, мою пьесу бы обязательно приняли, — сообщает она. — И примут!

— Не сомневаюсь, — хмыкаю я и велю: — Пойдемте.

— Куда?

— В мою спальню конечно же. Вы же не собираетесь спать на сгоревшей кровати?

Судя по виду эри Армсвилл — собирается. И ни запах древесины, ни проплешины на простыне и на одеяле ее не смущают.

— Вас отнести? — жестко интересуюсь я, и она все-таки сползает с кровати вместе с одеялом и, расправив плечи, направляется к двери. Следом за ней марширует лев.

Цветочница хорошо запомнила, где моя спальня, поэтому даже не дожидается, пока я открою дверь. Я же вызываю лакея и приказываю здесь убраться. Когда захожу в свои комнаты, горелое одеяло валяется на ковре, а Армсвилл уже окопалась посередине кровати.

— Двигайтесь.

Вот теперь девушка хлопает глазами, пока я стягиваю туфли и расстегиваю ремень.

— Что?!

Так как вернуться в библиотеку и продолжить изучение древненерийских обрядов мне не грозит, то можно забыть об этом до утра.

— Что — что? Я собираюсь здесь отдыхать. На случай если вы снова решите загореться или передумаете насчет...

— Я все поняла, — перебивает меня Армсвилл. — Одеяло мое, а будете храпеть или распускать руки, получите подушкой. Или лампой.

В подтверждение своих слов она взбила подушку, подтянула к себе одеяло и повернулась ко мне спиной.

В горке из одеял не было ничего сексуального и желанного, но в моей памяти и так уже отпечаталось достаточно, чтобы знать, что под этой горкой. Достаточно, чтобы желание продолжало бурлить в моем теле.

Усилием воли заставляю себя отвернуться.

Мне положено думать о своей находке. Если все про тот обряд правда, то мои шансы вернуть себе магию как можно скорее только что увеличились. Я хотел бы думать об этом, но думаю только о цветочнице, к которой достаточно руку протянуть...

Да, ночь обещает быть долгой.

ГЛАВА 9

Алисия

Мне было жарко. Невыносимо жарко. Скользил по коже легкий шелк рубашки: по обнаженной груди, чувствительной к ласке, по ключицам, по шее — так сладко, так остро, до сбивающегося дыхания и закушенных губ. Я комкала простыни, сжимая их пальцами в какой-то невыносимо-исступленной чувственности, но даже это не шло ни в какое сравнение с тем, как я отзывалась на ощущения от шелка, и, продолжая его прикосновения, скользили по коже губы... его светлости?!

— А-р-р-р-р! — это взвыл лев, которому я заехала пяткой в бок. Вскочив, он так хлопнул крыльями, что меня чудом не сдуло с кровати, а вот его спящей светлости на лоб упало перышко.

— Прости! — крикнула я. И добавила, глядя на подскочившего его светлость: — Это я не вам.

— Что случилось? Вы опять чуть не спалили кровать?! — раздраженно поинтересовался он.

— Вам виднее! Ой, нет, не виднее. Вы, кажется, спали.

— Я задремал от силы на полчаса. — Он снял перо со лба и указал льву на пол: — Брысь!

Лев, разумеется, не пошевелился, а я только плотнее закуталась в покрывало. Не представляю, что на меня нашло: щеки горели, как вчера кровать. Хотя я не видела, как горит моя кровать, но подозреваю, что было ярко. И жарко. Жарко было и мне сейчас, и вот совершенно не факт, что от покрывала, с которым я не собиралась расставаться. Потому что напрягшиеся соски царапали плотную ткань.

— Вы почему такая красная? — поинтересовался его светлость, заглядывая подо льва. Это был единственный способ смотреть друг другу в глаза.

— Потому что мне жарко.

— Так вылезайте из покрывал!

— После того, как вы лишили меня сорочки?

Его светлость вздохнул:

— Ладно. Хотите, я отвернусь?

— Хочу!

— Ваше платье. — Он указал в сторону моего наряда, который в весьма недурной сохранности пребывал на кресле. — И на всякий случай: ваша постель загорелась, потому что вы любите покурить в кровати.

— ЧТО?!

Я как раз вставала, и от таких новостей чуть не запуталась в покрывалах.

— Это самое простое, что можно сказать по поводу пожара в вашей комнате.

— Нет.

— Что — нет?!

— Я не буду курить!

— Я не заставляю вас курить. Я просто говорю, что вы могли...

— Не могла! Придумайте что-нибудь еще.

— Что, например?

— Не знаю. Но вы же эрцгерцог, обязательно что-нибудь придумаете.

К тому моменту, как наш диалог достиг апогея, я уже добралась до кресла. Подхватила свой наряд и ретировалась в ванную комнату, где быстро выпуталась из кокона, переоделась в свой наряд (достаточно бодро переживший и ночь, и все, что с ним было до того). Единственная складка собралась на подоле, в самом низу — и в этом, к слову, преимущество недорогих тканей! Чтобы их

память, требуется нечто гораздо большее, чем поездка на мобильезе за город.

А в кринолине вообще в мобильез не влезешь.

Сама не знаю, почему я об этом подумала, но вот с лифом у меня возникли проблемы. Моя сорочка, которая сейчас была разорвана до талии, была с плотной резинкой. Эта плотная резинка поддерживала грудь и не позволяла ей просвечивать через ткань. Сейчас же, когда я влезла в платье и застегнула его на все пуговицы, помимо декольте у меня еще и отчетливо обозначились соски, и две выпуклости.

Я ополоснула лицо. Постояла у раковины. Глубоко подышала.

Соски не хотели принимать привычное состояние.

Я еще глубоко подышала.

Походила туда-сюда.

— Эри Армсвилл! С вами все в порядке?

Нет! Вы порвали мою сорочку, и теперь я не могу выйти в приличное общество. В неприличное тоже. Да даже в ваше не могу!

— Да.

— Да?

— Все у меня превосходно.

— Покажитесь!

— Зачем?

— Затем, чтобы я знал, что с вами все в порядке! Покажитесь, или я войду!

Я высунула голову из-за двери, и, честно говоря, зря. Потому что полуобнаженный его светлость в этот момент застегивал штаны.

Надо отдать должное, сложен он был хорошо. Широкие плечи и грудь, узкие бедра. Сразу видно, что досуг его светлость проводит не в кабинете с газетой: четкий рельеф мышц намекал скорее на то, что с физической подготовкой у него все в норме. Я поймала свой взгляд на штанах. То есть там, где заканчивался эрцгерцог и начинались штаны. То есть... в общем, именно там, где его руки должны были уже эти штаны застегнуть!

— Эри Армсвилл?

Вот тут я почувствовала себя странно. Никогда не думала, что так тяжело поднять глаза до уровня глаз. Они просто как магнитом обратно притягивались, или как грузиками, вроде тех, что цепляют на рыболовные крючки. С той лишь разницей, что по весу напоминали якоря.

— Вы это нарочно сделали? — поинтересовалась я, добравшись взглядом до герцогского подбородка.

— Что именно?

— Вот это! Позвали меня, чтобы покрасоваться?!

Я наконец достигла герцогских глаз. Которые сейчас показались еще темнее.

— Я вас позвал заранее, эри Армсвилл. Потому что обычно вы никогда не делаете то, что вам говорят!

Его взгляд скользнул по моему лицу, хотя мне почему-то показалось, что большей частью — по моим губам.

— Все со мной в порядке! Довольны?

— Более чем. — Голос у него спустился до таких низин, что, по ощущениям, его светлость готовился зарычать, как его лев. — Если ванная вам больше не нужна, я бы хотел умыться.

Вторил его словам громкий «р-р-р-лизь». Я перевела взгляд на льва, который сидел в центре спальни и вылизывал лапу.

— Как его зовут? — поинтересовалась, чтобы сгладить неловкость.

— Никак. Это маджер, у них нет имен.

— Совсем?

— Совсем. Ванная, эри Армсвилл!

Я сложила руки на груди, что временно спасало ситуацию, и выскользнула из-за двери. Его светлость подхватил рубашку и прошел мимо меня, выставив ее перед собой как белый флаг. Правда, флаг обычно держат над головой, а он держал его на уровне живота, но я предпочла не размышлять почему. Устроилась в кресле прямо напротив льва и покачала головой:

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называла?

Лев даже вылизываться перестал. Выразительно моргнул и наклонил голову.

— Юрай? Антей? Лимар?

— Р-р-р-р!

— Райдан?! Райфальв?! Райнхарт!

— Что?! — Дверь ванной распахнулась так резко, что чуть не сорвалась с петель. Теперь оттуда, повторяя мой маневр, выглядывал его светлость. Голова его светлости и кусочек шеи — вид на них открывался благодаря проему между стеной и дверью.

— Ничего. Я придумываю вашему льву имя. Что вы скажете по поводу Райнхарт?

Его светлость потемнел лицом:

— Вы издеваетесь?!

— Нет. А что?

Дверь с оглушительным треском захлопнулась. Я пожала плечами, когда она распахнулась вновь.

— Райнхарт.

— Да. По-моему, чудесное имя.

— Премного рад, что вы так считаете, — язвительно произнес он. — Потому что так зовут меня.

На этот раз дверь закрылась окончательно, оставив меня наедине со львом. Спустя короткую паузу из-за нее донесся шум воды.

— Ладно, не будем повторяться, — заметила я, когда мне показалось, что молчание между мной и львом слишком затянулось. — Эдер? Что ты думаешь насчет Эдера?

— Р-р-р-р!

— Отлично. Мне тоже нравится!

Лев глубоко вздохнул и улегся на пол. Кисточка на хвосте подрагивала, рассыпая вокруг него крохотные золотистые искры. Я смотрела на него и думала, что передо мной, пожалуй, самое удивительное создание, которое я когда-либо встречала. Его светлость сказал, что это магический защитник, но почему они не дают маджерам имен?

Я протянула магическому зверю руку, и он потянулся носом к моим пальцам. Потянулся величественно, как положено льву, а потом легко подкинул мою ладонь головой. От прикосновения к нему кожу на руке словно защекотало, и я рассмеялась:

— Ты чудесный!

Лев отозвался довольным урчанием, утробным, но совершенно не угрожающим. Я опустилась рядом с ним на колени и запустила руки в магическую гриву. По ощущениям, она напоминала легкие искрящиеся нити, которые легонько поглаживали кожу. А вот его кожа на ощупь была просто горячей.

— Вы что делаете?!

Мы со львом подскочили одновременно: я от неожиданности, он, видимо, из-за моих чувств.

— Глажу льва, — сообщила я.

Его светлость уже выглядел почти как его светлость — взгляд жесткий и тяжелый, прямой. Не хватало только пиджака и ботинок, а еще от воды темные густые волосы немного вились.

— Зачем?

— А вы никогда его не гладили?

— Это не животное, эри Армсвилл. И не домашний питомец. Это маджер, он сгусток магии, воссозданный на схеме в определенное животное. Он ничего не чувствует, кроме ваших эмоций. И ему совершенно безразлично, как вы его зовете. Он создан для того, чтобы защищать носителя магии.

— Это я уже слышала. Но ласка еще никому не вредила. И имена тоже.

— Пресветлого ради. Сейчас мы с вами позавтракаем, а после спустимся в библиотеку. Деактиватор, к счастью, уцелел — потому что ваша магия разгоралась постепенно, но мне будет спокойнее, если вы будете рядом.

— Я могла бы помочь, — заметила я. — Если хотите. Могу...

— Мне будет достаточно, если вы просто тихо посидите за столом и ничего не сожжете. — Это было сказано так, что помогать ему мгновенно расхотелось.

— Как скажете, — заметила я и, когда его светлость направился к дверям, сообщила: — Но мне потребуются бумага, перо и чернильница.

— Для чего?

— А вы как думаете? У меня есть родные, которые обо мне беспокоятся, и знакомые, перед которыми у меня обязательства. В частности...

— Владелица цветочной лавки, я помню. Будут вам бумага, перо и чернильница.

Его светлость вышел, а я подавила желание запустить в дверь туфелькой.

Сноб!

— Как ты его вообще терпишь? — поинтересовалась я у льва.

— Р-р-р!

Вот и я так думаю. Правда, озвучивать свою мысль я не стала: уселась на пол рядом со львом и в ожидании высочайшего приглашения на завтрак снова принялась гладить шелковистую магическую гриву.

Библиотека была большой. Да что там, она была просто огромной. Хотя в этом замке огромным было все: начиная от галерей, через которые мы шли, и заканчивая коридорами, комнатами и столовыми... В столовой, к слову, где его светлость читал газету, доставленную, видимо, с помощью почтовой магсхемы, чтобы с ним поговорить, нужно было повышать голос. Но судя по тому, что он уткнулся в газету, говорить ему не хотелось, а мы с Эдером в обиде не были. Только один раз я заработала очень жесткий взгляд и резкое:

— Маджеры питаются магией, — когда попыталась протянуть льву кусочек рогалика.

— Это был эксперимент, — не растерялась я.

— Экспериментировать будете со своим львом.

— У меня льва не будет, — напомнила я. — Потому что у меня нет магии.

— Зная вас, на старости лет вы заведете обычного.

Больше в столовой мы не разговаривали, я рассматривала старинные гобелены, на которых были изображены натюрморты, видимо, призванные возбуждать аппетит, изредка бросала взгляды на занавешенное окно, из-под плотно закрытых портьер которого пыталось пробиться яркое весеннее солнце, и думала, о чем написать матери и эрине Раллберг. То есть когда я уезжала, я, разумеется, говорила, что везу пьесу, поэтому проще всего было написать, что мою пьесу приняли и что мне придется задержаться на неопределенный срок.

Лгать я никогда не любила, поэтому куча скомканных листов росла на моем столе с каждой минутой. Часть из них падала на пол, и ими играл лев. С шуршанием подбрасывал лапой в воздух, чтобы поймать зубами. Листы растворялись в магии, а я раздумывала над тем, что будет с рукой человека, если он клацнет ее зубами.

— Вы не могли бы вести себя потише, эри Армсвилл? — оторвавшись от изучения какого-то очередного трактата, поинтересовался его светлость.

— Это не я, это Эдер.

— Перестаньте кидать льву бумагу! — В его голосе явно читалось раздражение. — И прекратите называть его по имени.

— Вы сказали, сидеть здесь, я сижу, — заметила я. — И смею заметить, ничего еще не сожгла.

— Поразительно.

Его светлость вернулся к изучению схем, а я — к письмам. По-прежнему тщетно, строчки не ложились на бумагу. В конце концов мне надоело пялиться в очередной исчерканный лист, и я поднялась. Прошлась вдоль стеллажей с книгами — бесчисленных, как могло показаться на первый взгляд. Высотой они были этажа в три, лестницы, по которым нужно было подниматься, чтобы достать ту или иную книгу, были замкнуты между специальными подставками для ног. Довольно широкими, чтобы можно было комфортно стоять, но, когда я представила себя там, у меня потемнело перед глазами.

Страх высоты — это, пожалуй, единственный страх, с которым мне так и не удалось справиться.

Мы со львом ходили между свитков, фолиантов и альбомов, порассматривали корешки. Не знаю, почему его светлость называл маджера сгустком магии, но, когда я останавливалась, порой скрипнув какой-нибудь доской под ногами, лев тоже останавливался. Вглядывался в длинные ряды книг, один раз даже поставил лапы на полку.

Удивительно, но книгам магия не причиняла вреда, а чем больше я вглядывалась в умные глаза маджера, тем больше понимала, насколько была права, когда дала ему имя.

— Невероятно, правда? — спросила я его, окидывая взглядом пахнущее книгами пространство.

Лев негромко рыкнул.

— Интересно, тут есть что-то про вас? Про маджеров?

Эдер мотнул головой. Он что, меня понимает? Маджеры, если верить его светлости, считывают эмоции того, кого защищают. А если не верить...

— Книги! — сказала я. — Про вас.

Лев развернулся и вальяжной, присущей королевскому зверю походкой скрылся за поворотом. Я обернулась: его светлость сидел за столом, по-прежнему полностью поглощенный схемами. Не уверена, что он заметил бы, если бы я прямо тут загорелась, посреди зала. Но кстати, искры из меня больше не сыпались. То ли магия напрямую была связана с моими эмоциями, то ли что-то еще, но сейчас я не чувствовала ни жара, ни легкого покалывания, с которым обычно во мне рождались искры.

Поэтому поспешила за львом. Тот обнаружился в самом конце прохода, сидел перед полками и смотрел вверх.

Ой, нет. Только не вверх.

Или вверх?

Лесенка была основательная, и я решительно взялась за края. В конце концов, со своими страхами надо бороться. Тем более что если я не буду смотреть вниз, то и пугаться мне будет нечего, правда? Я поднялась до второго уровня, но на втором уровне стояли какие-то справочники по растениям, которые позволяли ускорить активацию схемы. Там же были книги-описания по воссозданиям схем на земле и последствиям их неправильного применения.

«Как Сурджан Ронейский армию мертвецов поднял» — гласило название одной из них. Я так и не поняла, это была сказка или научный трактат, но решила не выяснять, полезла дальше. Тем более что, когда я смотрела на книги, страшно и правда не было.

«Маджеры: классификация, краткая история, способы создания».

Вот оно!

Я ступила на небольшой карниз, потянувшись за книгой.

— Эри Армсвилл! — раздалось рычание снизу.

— Ай!

Оглянулась я слишком резко: высота оказалась высокой, и у меня закружилась голова. Лев и его светлость кувыркнулись перед глазами, а следом за ними кувыркнулась я.

Прямо в руки эрцгерцога.

ГЛАВА 10

Райнхарт

Я по привычке выставил руку вперед, но конечно же схема левитации не сработала. Даже маджер не сработал, хотя должен был! Он должен был ее поймать, но эри Армсвилл врезалась в меня со скоростью наполненного мощью боевой схемы снаряда. Сильно и с огнем. Я успел ее подхватить, но у самого из-за столкновения затылка с полом искры из глаз посыпались. Меня накрыло пышными юбками с головой, а следом еще прилетело чем-то тяжелым.

— Какого гьерда вы деретесь? — рявкаю я, сдирая с лица ткань и собираясь испепелить эри Армсвилл взглядом.

Правда, испепелить не получается, взгляд цепляется за край нижних юбок, задранных до самой талии, за панталоны, за пышную грудь, которая теперь маячит аккуратно над моим лицом, и за заостренные вершины сосков, которые — я готов поклясться — просвечивают сквозь плотную ткань платья. Именно эта грудь во всем виновата! И грудь, и тонкая талия, и необыкновенный аромат цветов. Армсвилл целиком и полностью виновата в том, что я не способен сосредоточиться ни на новостях — можно было держать газету вверх тормашками, я бы все равно не запомнил ни слова, — ни на нерийских обрядах. Строчки утекали, как вода, стоило посмотреть на рыжую, играющую черновиками писем с маджером. Но когда у меня наконец-то получилось погрузиться в чтение, она умудрилась исчезнуть.

Безумная женщина!

Я собирался найти ее и высказать все, что думаю о... тут моя фантазия полностью перехватывала инициативу, но я даже предположить не мог, что Армсвилл свалится на меня и оседлает. Да так, что больно будет уже не голове.

С такого ракурса эри Армсвилл выглядит донельзя привлекательной. И если развязать завязки от панталон, и приспустить ткань, то наше вынужденное времяпрепровождение в Эдельз Грин может стать приятным для нас обоих.

— Это не я, это книга, — обиженно отвечает девушка, а я уже смутно помню, о чем спрашивал.

Она подхватывает древний фолиант, который пережил падение только благодаря магической защите, и трясет им перед моим лицом. Будто этого мало, цветочница тут же пытается сползти с меня.

— Сидите смирно, — приказываю я и для верности удерживаю девушку за бедра.

— Хватит мне приказывать!

— Если я не буду вам приказывать, вы убьетесь.

— Я чуть не убила вас из-за вас. Снова!

Я становлюсь серьезным.

— Чувствуете магию?

— Мм... Нет. Я просто ушибла колено и локоть. Вы что, из мрамора? Человек вообще может быть настолько твердым?

Кажется, до Армсвилл доходит двойной смысл ее слов, потому что ее щеки вспыхивают. А я впервые за все наше знакомство жалею, что ее-моя магия осталась под контролем.

— Не будете лезть туда, куда не следует, — не придется падать. — Так как продолжать мы не собираемся, то я подхватываю ее под ягодицы и пересаживаю на пол.

— Если бы вы так не орали, я бы вообще не упала!

Армсвилл резко одергивает юбки, пряча от моего взгляда стройные ноги в кремовых чулках, и вместе с этим возвращается раздражение. Не знаю, что выводит меня из себя больше: мое теперь уже явное влечение к рыжей или сожаление по поводу того, что нельзя удовлетворить собственные естественные желания.

Мой образ жизни далек от монашеского, а мое происхождение всегда привлекало женщин. Именно поэтому у меня никогда не было арэнэ или фаворитки. У меня несколько любовниц, и выделить

какую-то одну означает наделить ее особой властью. Надо мной и среди знати. Но это не отменяет того факта, что каждая из них пытается стать единственной. Кто-то предлагает себя открыто, кто-то ведет свою игру, но неизменно обе стороны оказываются в выигрыше.

Армсвилл себя не предлагала и, кажется, не играла, поэтому я мог бы решить, что цветочница ко мне равнодушна. Мог бы, но ее взгляд в спальне, ее смущение говорило о другом. В конце концов, она ничем не отличается от других женщин, пусть даже пишет пьесы.

Она хочет меня не меньше, чем я хочу ее.

Я поднимаюсь и подаю ей руку, которую девушка принимает.

Так что вы искали? — интересуюсь, подхватывая с пола увесистый фолиант. — Маджеры? Вы серьезно?

— Должна же я знать, как за ним ухаживать, — кивает она на льва. Который стоит в нескольких шагах от нас и взволнованно бьет хвостом по бокам.

— Что же, это разумно.

Армсвилл подозрительно прищуривается:

— Это был комплимент?

— Это похвально, что вы хотите узнать о маджерах, раз он сейчас ваш. Я все время забываю, что вы ничего не смыслите в магии.

Большинство женщин действительно не интересуется магия. Они не создают маджеров, в этом нет необходимости, Элеонор — исключение. И уж тем более маджеры не появляются у магов так, как эри Армсвилл достался мой. Поэтому ее интерес приятно удивляет.

— Хочу знать, можно ли их кормить рогаликами.

Нет, кажется я ее переоценил.

— Я уже говорил вам. За завтраком.

— Еще вы говорили, что маджеры защитники. Почему он позволил мне упасть?

Хороший вопрос. Потому что если бы не я, эри Армсвилл могла себя что-нибудь сломать.

— У меня есть две версии. Магия в вас нестабильна, и иногда она сбоит, как неисправная магсхема. Но это вряд ли, потому что, как бы ни чувствовал себя маг, даже если он ранен или без сознания, маджер продолжает его защищать. Или же...

Армсвилл стоит так близко, что достаточно протянуть к ней руку, чтобы почувствовать мягкость кожи, шелковистость ее волос. В чем я не собираюсь себе отказывать: заправляю выбившуюся из прически огненную прядь волос ей за ухо. Девушка делает шаг назад, но наталкивается на лестницу, по которой взбиралась вверх.

Я не позволяю ей отступить дальше, притягивая к себе за талию.

— Вы мне доверяете. Доверяет и ваш маджер. Поэтому он позволил мне вас спасти.

Она глубоко вздыхает, так, что ткань платья туго натягивается на ее груди, а у меня в голове, будто магсхема, вспыхивает решение нашей общей проблемы, и я едва не усмехаюсь — настолько все просто. Магия будет под контролем, я перестану отвлекаться на желание не думать про Армсвилл, а она... Уверен, ей все понравится.

Я об этом позабочусь.

— Да, эри Армсвилл, — говорю тихо, — вы мне доверяете. Еще вас ко мне влечет, а меня влечет к вам. Так чему мы сопротивляемся?

Щеки девушки снова порозовели, губы приоткрылись.

— Вы сейчас на что намекаете?

— Напекаю?

— Вы правы, это даже не намек! — Ее голос дрожит от гнева. — Ваша светлость, я не знаю, чему сопротивляетесь вы, а я сейчас сопротивляюсь только единственному желанию — бросить в вас краткой историей маджеров!

Лев с ней согласен, потому что тоже умудряется на меня рыкнуть. Предательский сгусток магии!

— Это означает нет? — Мне стоит огромных трудов сохранить спокойствие. Пресветлый, эта женщина и спокойствие просто несовместимы! А во мне просто не осталось сил пытаться это совместить.

Она сбрасывает мои руки со своей талии и шагает назад, к маджеру.

— Это означает, что я здесь только потому, что хочу избавиться от вашей магии и вернуться к своей нормальной жизни.

— Непризнанного графомана из цветочного магазина?

Армсвилл бледнеет и сжимает кулаки.

— Это лучше, чем быть герцогской подстилкой!

— А королевской? Может, вам больше понравится этот статус?

Она замахивается, но моя реакция лучше, поэтому я перехватываю хрупкое запястье: достаточно с меня и подушки!

Армсвилл вскрикивает, и в то же мгновение меня сбивает с ног мощным телом маджера. Мы со львом катимся по полу и вскакиваем одновременно. Он нервно бьет хвостом, а вот я... Я готов уничтожить эту заразу собственными руками. Но дело не в нем.

Поэтому я выпрямляюсь и окидываю Армсвилл холодным взглядом.

— Что ж, я хотел предложить вам стать моей арэнэ по-настоящему, теперь придется довольствоваться лишь представлением. Но вы театр любите, сумеете сыграть свою роль.

Щеки девушки снова загораются, а голос дрожит, когда она обретает дар речи:

— Вы... Вы самый...

Какой я самый, я узнать не успеваю, потому что нас прерывает стук в дверь. Достаточно громкий, чтобы мы услышали его, даже находясь у дальних стеллажей. Я решительным шагом направляюсь к дверям, оставив за спиной это рыжее недоразумение.

— Войдите.

— Ваша светлость, — кланяется лакей, — приехала эрина Нерелль с помощницами.

Наконец-то.

— Замечательно, — говорю я. И это действительно замечательно, потому что еще одна минута наедине с Армсвилл — и это может закончиться чьей-то смертью. — Пусть дожидаются нас в южной гостиной.

Лакей кланяется и уходит, а я возвращаюсь к тому, откуда ушел. То есть к рыжей и предателю с крыльями.

— Приехала портниха. Пойдемте, представлю ей вас.

— Я не хочу, чтобы вы меня кому-то представляли.

— Придется. Вы же хотите новую сорочку? Или предпочитаете ходить без нее?

Армсвилл прищуривается, а потом складывает руки на груди.

— Хорошо. Представите. Своей невестой.

Сначала мне кажется, что я ослышался.

— Вы шутите?

— Нет. Или представляете меня невестой, или я сегодня же уезжаю.

Она не шутит. Точно не шутит. В ее взгляде ни капли сомнений, только решимость.

— Без меня вы не справитесь с магией и сгорите, — напоминаю я.

По лицу девушки пробегают тень, но отвечает она твердо:

— Пусть так.

— Вы блефуете?

— Нет. Я считаю, что мы оба заинтересованы в том, чтобы я осталась целой и невредимой. Это взаимовыгодное сотрудничество.

Мне срочно нужен лакей с какими-то не менее срочными новостями, потому что я готов воспламениться сам. От тщательно сдерживаемой ярости.

— Это не взаимовыгодное сотрудничество, — цежу я. — Вы — сосуд для моей магии. Я представлю вас своей арэнэ, и точка.

— Тогда ваш драгоценный сосуд с магией отправится в Барельвицу. И точка!

Рыжая шагает вперед, я шагаю ей наперерез. Она наклоняет голову:

— Вы не сможете меня удерживать. У меня есть Эдер!

Я морщусь:

— Я не могу представить вас своей невестой, эри Армсвилл.

— Почему?

Потому что это абсурд! Безумие!

— Потому что вы цветочница, и...

— Драматург.

— И драматург. Как эрцгерцог, я не могу объявить вас своей невестой. И уж тем более я не могу объявить вас невестой как будущий король.

Армсвилл широко распахивает глаза и замирает. Но только на мгновение.

— Вы сможете стать королем, если не вернете себе магию?

Она. Загнала. Меня. В. Ловушку.

Меня, эрцгерцога Барельвийского, обыграла какая-то девчонка из цветочной лавки. Немыслимо! Даже в тихом рычании маджера мне слышится смех. Правда, под моим взглядом лев тут же принимает бесстрастный вид, как и положено магическому защитнику.

Я понимаю, что могу либо запереться вместе с ней в Эдельз Грин, либо представить ее ко двору. Первое невозможно, а второе... второе, похоже, сейчас единственный выход, и я даже знаю, как это обратить в свою пользу. Поэтому сейчас смотрю на нее и киваю:

— Хорошо. Я представлю вас как свою невесту, эри Армсвилл.

ГЛАВА 11

Алисия

И почему мне кажется, что за этим согласием последует большое, грандиозное «НО»?

— С будущей королевы Леграссии спрос гораздо больше, чем с арэнэ эрцгерцога, — проинформировали меня. — Вас будут проверять, испытывать, следить за каждым шагом, вы будете у всех на виду. Поэтому вам придется во всем слушаться меня.

Вот и «но» вывалилось. Тяжеленькое такое.

— Что это значит?

— Это значит, моя милая эри Армсвилл, что вы будете делать и говорить то, что скажу я. Носить то, что скажу я. И к слову, нам придется еще заняться вашими манерами.

— Что не так с моими манерами?!

Меня окинули взглядом, тяжестью не уступающим «но». Сверху вниз.

— Все.

Вот же сноб недокоронованный! Когда я думала о том, что этот особун — королевских кровей, я даже не подозревала насколько! Пора мне, кажется, начинать читать газеты. Но если он вскоре станет королем, значит, Гориан Третий...

— Его величество тяжело болен? — спросила я.

— Это не вашего ума дело.

— Моего. Будущая королева Леграссии должна быть в курсе политической ситуации в стране.

— Я введу вас в курс дела, когда потребуется. А пока что — нас ожидают. Постарайтесь не ударить в грязь лицом, эрина Нерелль обшивает весь двор. Чтобы появиться в созданных ею нарядах, очередь к ней занимают за полгода.

— Судя по тому, что она так быстро приехала, вы, видимо, рассчитывали пошить себе новую коллекцию панталон?

Я прошла мимо его непререкаемой светлости, наступив ему на ногу. Лучше так, чем попросить Эдера укусить его за какую-нибудь выступающую часть тела. Нельзя же быть таким... таким!

— Куда вы собрались, эри Армсвилл? — догнало меня его эрцгерцогское величие. — Мы же с вами будущие супруги. Не стоит забывать, что в нашем с вами случае ни о каком расчете, по крайней мере с моей стороны, и речи идти не может. Посему...

Меня довольно резко притянули к себе. Устроив руку на сгибе локтя, так, что мое бедро тесно прижималось к его.

— И даже если станут говорить, что у вас в отношении меня чистый расчет — а станут, можете не сомневаться, — вам все равно придется изображать горячие чувства. Поскольку никто не поверит в то, что девушка вашего положения не сделает все, чтобы меня удержать.

— Вы не могли бы быть хоть чуточку менее мерзким? — хмыкнула я.

А после отвернулась.

Потому что над его словами однозначно подумать стоило. Арэнэ — любовница, которая просто находится рядом с его светлостью, до поры до времени. Иногда «до поры до времени» растягивается на всю жизнь, в истории были такие случаи, но так или иначе отношение к ней действительно совершенно другое. К ней не будет такого внимания, как к невесте. О ней не будут говорить, что она действует по расчету или что похуже. Роль арэнэ известна всем. А вот роль невесты...

Я вдруг подумала о том, что будет, когда все закончится. И как оно закончится.

— У меня есть еще одно условие, — сказала я.

— Не слишком ли много условий?

— Слишком мало, учитывая ваш характер. Мы с вами расстанемся по обоюдному согласию, решив, что не подходим друг другу в свете разницы в положениях.

— А вы действительно на редкость расчетливы, эри Армсвилл.

— Рядом с вами учусь соответствовать. — Я мило улыбнулась.

Хотя честно, мне хотелось его от души пнуть. Так гадко я себя не чувствовала очень давно: начиная с того момента, как мне заявили, что мы «сопротивляемся» приятному времяпрепровождению по какой-то несущественной причине, и заканчивая всем, что происходило сейчас.

Ладно, Алисия, выше нос!

В конце концов все это рано или поздно закончится, и наши пути разойдутся. И я даже имени этого высокомерного властного гада не вспомню! Ни разу!

Вместе со львом мы выдвинулись в сторону южной гостиной, где, как предполагалось, нас ожидают. Его светлость шел рядом так близко, что мне стоило невероятных усилий не попытаться от него отпрыгнуть. Эта близость действовала мне на нервы, равно как и отсутствие сорочки, и жесткость его бедра, прижимающегося ко мне. В библиотеке я чувствовала отнюдь не бедро, и мысли об этом совершенно точно были лишними. Равно как и о том, что меня разом бросило в жар, хотя мы были полностью одеты.

Почти полностью.

— Эдер! — шепнула я.

Лев послушно втиснулся между мной и стеной, его светлость слегка оттеснило к другой, занавешенной гобеленами. Не сказать, что близости стало меньше, но так я по крайней мере чувствовала себя намного увереннее. И все лишние мысли разом выветрились из головы, как будто их унес протянувшийся по бесконечным коридорам сквозняк.

Южная гостиная оказалась светлой, сразу возникло чувство, что сейчас поздняя весна. Солнце скользило по светлой обивке мебели и позолоте, путалось в невесомых занавесях, выглядывающих из-под портьер и искрящихся от яркого дневного света.

Портниха с помощницами пили чай, но обернулись к нам как по команде. Все поднялись и склонились в реверансах, выпрямились только лишь тогда, когда мы приблизились.

— Эрина Нерелль. Рад вас видеть.

— Ваша светлость. — Немолодая уже женщина улыбнулась. — Чему обязана? Вы так скоро меня вызвали...

— Ситуация отлагательств не терпит, дело действительно срочное. Позвольте представить вам эри Армсвилл. Мою невесту.

За спиной эрины Нерелль раздалось дружное «Ох-х-х!» — теперь наконец-то на меня обратили внимание. Несмотря на то что я и до этого гирькой висела на руке эрцгерцога. Взгляды были даже более пристальные, чем предназначавшиеся льву, на которого косились с легкой опаской. Меня же изучали, и изучали так тщательно, что я почувствовала себя ненаглядным примером, выставочным экспонатом или опытным образцом в магической академии.

Эрина Нерелль опомнилась первой:

— Невыносимо приятно с вами познакомиться, эри Армсвилл.

Невыносимо — это именно то слово, которое можно подобрать в данной ситуации.

— Взаимно. — Я улыбнулась, понимая, что надо в срочном порядке отлипнуть от его светлости, иначе как самостоятельную единицу меня никто не будет расценивать.

Когда я попыталась отлипнуть, поняла, что меня держат крепко. В смысле его светлость положил ладонь поверх моей руки и прошествовал к диванчику. На котором мы расположились уютной недосемейной гармошкой. За спинкой дивана уселся лев.

— Нам понадобится три платья, — сообщил эрцгерцог. — Домашнее и два выходных. К завтрашнему дню. После надо будет полностью обновить гардероб эри Армсвилл. Ее личный пострадал при пожаре.

— Какое несчастье! — Эрина Нерелль всплеснула руками.

— И белье. Тоже комплекта три. Для начала.

Самая молоденькая из помощниц густо покраснела.

— Белье тоже пострадало? — нахмурилась ведущая королевская модистка.

— Да. — С самым серьезным видом заявил этот гад, хотя от самодовольства разве что не светился. — Очень.

— Гм... что же... — Эрина Нерелль приблизилась. Лично мне было дико неудобно, что мы сидим, а она стоит, но его светлость это, похоже, совершенно не беспокоило. — В таком случае начатъ предлагаю с выбора тканей, а после нам потребуется снять мерки с эри Армсвилл. Ана!

Она хлопнула в ладоши, и дальше все пошло намного шустрее. Девушка, которую называли Аной, — белокурая, с собранными в тугой пучок волосами, притащила тяжеленный каталог, в котором были представлены ткани для белья. Сама эрина Нерелль приблизилась, чтобы рассказывать, откуда что взялось. В смысле ткани, и какой краской они покрашены, и как долго над ними трудились тысяча пятьсот таварийских прядильщиц.

Я чувствовала себя креслом. Точнее, подлокотником, потому что выбирал его светлость — все мои попытки открыть рот перекрывались короткими приказами:

— Нет. Это слишком. Это. Следующее. Чудесно.

И все в том же духе.

Чтобы не сказать что-нибудь лишнее, я изучала эрину Нерелль: вплетенные в темные волосы седые пряди придавали этой женщине не только возраста, но и достоинства. Она ничем не выказывала своего удивления, в отличие от помощниц, которые каждую свободную минутку (когда она не гоняла их принести образцы кружева или лент, которыми можно украсить белье) откровенно глазели на меня. Ну хорошо, не совсем откровенно, стоило мне взглянуть в их сторону, взгляд опускался в пол. Эрина Нерелль такого не выказывала, тем не менее в ее глазах то и дело проскальзывало что-то похожее на удивление (или изумление?), когда она смотрела на его светлость.

Когда с бельем было покончено, пришел черед тканей для платьев.

— Предлагаю выбрать ткани, которые вам нравятся. — Портниха перевела взгляд с меня на него и обратно, словно сомневалась в том, кто будет выбирать. — А с общим количеством нарядов и фасонами определимся уже позднее.

Каталогов тканей для нарядов было несколько. Помощница подвинула небольшой пуфик, на котором эрина Нерелль и устроилась напротив нас. Каталог держали две девушки, еще одна приготовилась листать. Для меня это все было настолько дико, что я чувствовала себя как на гвозде. Особенно на гвозде почувствовала себя, когда одна из помощниц уронила кружева, и я почти подскочила, чтобы ей помочь.

Почти — потому что меня незаметным рывком усадили обратно и наградили тяжелым взглядом.

— Шелка у нас самые разные, — начала эрина Нерелль. — Есть и ласонский, и маражжский, и таварийский, как вы уже могли убедиться. Но я бы все-таки сделала акцент на ласонском, для верхнего платья он подходит куда больше...

На сто пятидесятой странице каталога я перестала воспринимать информацию про то, что и с чем идеально сочетается. От обилия цветов, тканей и узоров просто рябило перед глазами. Единственное, что придавало сил, — кислый вид его светлости. Он, очевидно, не ожидал, что выбор нарядов для будущей невесты настолько утомителен.

Тем не менее слова мне по-прежнему не давали вставить, комментируя с уставной резкостью:

— Слишком яркое. Слишком тусклое. Это. Это. Это.

К тому моменту, как с меня начали снимать мерки, мне уже стало все равно, что на меня пошлют. В животе нещадно урчало, даже лев за диванчиком вытянулся во всю длину и угрюмо наблюдал за тем, что творилось за ширмой. Ширма, к слову, не спасла от шокированного взгляда одной из девушек, которая увидела, что на мне нет сорочки.

Как бы там ни было, когда эрина Нерелль с помощницами отбыли, мы с его светлостью пошли на обед. За которым почти не разговаривали, не считая коротких фраз в стиле «Приятного аппетита». Но если на меня еда подействовала бодряще, то эрцгерцог мрачнел с каждой минутой. Не спас его даже поданный после десерта крепкий фарх — бодрящий напиток, густой, с ярко выраженным

ореховым ароматом. Из орехов он и делался, некоторые любили его пить в качестве десерта (с добавлением сладких сиропов). Его светлость же явно предпочитал пожестче, потому что от аромата, доносящегося с другой стороны стола, глаза открылись даже у меня.

— В библиотеку, — скомандовали мне, когда обед был закончен.

В библиотеке все продолжилось в том же ключе: я села писать письма, его светлость — штудировать древние трактаты. Поскольку от моей помощи отказались, я больше не предлагала, но на двадцать пятом скомканном листе (сообщить о том, что я выхожу замуж за его светлость почему-то оказалось еще сложнее, чем про арэнэ) я сдалась и поняла, что с письмами сегодня не получится. Как раз в тот момент, когда я это признала, библиотеку огласило глухое «бум».

Я подскочила, повернулась к его светлости и увидела, что он упал носом в раскрытую книгу.

— Эдер?

Лев и ухом не повел, из чего я сделала вывод, что его светлость периодически падает лицом в книги, для него это нормально. Но все-таки решила удостовериться: мало ли что, Эдер теперь (временно) мой защитник. Приблизившись, обнаружила, что эрцгерцог спит. По крайней мере сопение из книги доносилось глубокое, а прядь волос, упавшая поверх страницы, то и дело взлетала и опадала.

К этой странице мой взгляд и прилип, но я ровным счетом ничего не поняла: там были сплошные схемы и подписи на пьэтрэ — мертвом языке, который изучали исключительно маги. По крайней мере сын нашего мэра, когда приехал на каникулы с друзьями из Эльгронского университета, ближайшего к Гризу, ходил и везде разговаривал исключительно на нем. Явно потешаясь надо всеми, кто их с однокурсниками не понимает. Потешался он до той самой минуты, пока какой-то моряк не двинул ему в челюсть: ему показалось, что тот отпустил скабрезную шуточку в адрес его спутницы. Эта история быстро облетела весь городок, а сын мэра больше не говорил на пьэтрэ. По крайней мере на улицах Гриза.

Как бы там ни было, на чем спит эрцгерцог, мне понять было не дано, а вот заголовок в раскрытой справа от него книге гласил: «Ритуал обмена магией — древние нерийские знания. Последствия и побочные эффекты».

Последствия и побочные эффекты?!

«Первый обмен магией был произведен в тысяча двести пятьдесят первом году до восхождения Пресветлого. Схему создал Габин Родажерский, более известный как Родажерский Кровавый, славившийся своими бесчисленными победами под знаменами Иагурии. У известного мага родился сын, не наделенный магией. Для древнего рода в те времена это был позор...»

Можно подумать, это сейчас не позор. Маг может родиться у тех, кто магией не обладает, но если в семье магов рождается ребенок без магии — это «ужас и катастрофа».

«...поэтому отец предпочел отдать свою силу сыну, который магией не обладал. Он все просчитал, и, если верить личным записям...»

В скобках шли ссылки на литературу и источники, которые приводились в конце книги.

«...у него все получилось. Тем не менее магия, которая спокойно вела себя у отца, в юном наследнике приживаться не захотела. Она...»

Дальше начинался локоть эрцгерцога. И не только локоть, он сам. Как можно быть таким... объемным?! Во сне он распластался поверх стола, сразу на четырех книгах, мешая мне узнать, что магия сделала с юным наследником. А я должна это знать!

Осторожно потянув книгу на себя, замерла. Его светлость не пошевелился. Я продолжила, вытягивая фолиант потихоньку, до тех пор пока локоть не кончился. Я подставила под него ладонь и одним рывком вытащила книгу.

Получилось!

Плавнo опуcтив эрцгерцогский локоть на стол, я прижала добычу к груди и, стараясь даже не дышать, отошла к огромному, в полтора этажа, окну.

«...вела себя странно, временами отказывалась подчиняться, временами вырывалась спонтанными всплесками. Тем не менее к пятнадцати годам (менее чем за два года исследований) магия полностью признала нового владельца, а юный наследник Родажерских смог занять почетное место при дворе и обучаться воинскому делу наравне со своими сверстниками известных фамилий.

Поскольку опыт был признан успешным, впоследствии его захотели повторить и использовать как в военном деле, так и в особых случаях. Неудачно: при попытке передать магию, используя схему Родажерского, подопытный взорвался...»

БАХ!

— Ик!

Я дернулась и медленно обернулась — прямо надо мной нависал его светлость, мгновением раньше захлопнувший книгу.

— Вы что делаете?! — зловеще поинтересовался эрцгерцог.

Проглотив очередной «ик» (предположительно, с собственным сердцем, которое уже подбиралось к горлу), я глубоко вдохнула и выдохнула:

— Читаю.

— Это я понял. Но я не припомню, чтобы я разрешал вам читать.

Я замерла. Ненадолго.

— А я не припомню, чтобы мне нужно было на то ваше разрешение.

— Теперь нужно. — Меня припечатали тяжелым взглядом. — Вы. Находитесь в МОЕЙ библиотеке. В МОЕМ замке. И вы лезете в то, о чем не имеете ни малейшего понятия, эри Армсвилл. Эти книги... — Фолиант сунули мне под нос. — Не для таких, как вы. Я достаточно ясно изъясняюсь?

— Ясно изъясняюсь — это тавтология.

— ЧТО?!

— Тавтология, — сообщила я. — А в остальном... диктовать, что делать, вы будете своей жене. Если, конечно, она у вас будет. С вашим характером.

Его светлость уронил на меня взгляд. Тяжеленный, как только не придавило — не представляю.

— Вы переходите все границы.

— Это вы переходите все границы. Вы постоянно меня оскорбляете, постоянно даете понять, что я так или иначе ниже вас. Вы слова мне не позволили вставить, когда выбирали за меня то, что носить мне! Теперь мне запрещается еще и читать — о том, что касается меня! Непосредственно. Меня и моей жизни...

— Вы, эри Армсвилл, — холодно перебил он, — невоспитанная, совершенно беспардонная девица, и, к моему величайшему сожалению, изменить это я не могу. Но я постараюсь. Лично займусь вашими манерами, потому что перед тем, как представить вас обществу в качестве своей невесты, я должен удостовериться, что вы не ляпнете что-то в вашем стиле.

Поскольку его светлость смотрел на меня сверху вниз, я вздернула голову.

— Может, я и невоспитанная, — произнесла, с трудом сдерживаясь. — По крайней мере так, как считаете нужным вы, зато я не сноб и не обращаюсь с тем, кто меня защищает, как с предметом интерьера. Я не считаю, что помочь уронившей кружево девушке ниже моего достоинства! Я действительно хотела помочь вам, чтобы вы быстрее разобрались с этими схемами, и я совершенно точно не хотела оказаться рядом с вами в качестве... да кого бы то ни было. Знаете, что я вам скажу?!

Я подошла ближе: так, что теперь нас разделял только фолиант.

— Изображать вашу невесту будет ну очень сложно!

— После того, как вы провели ночь в моей комнате и вся моя прислуга об этом знает? Несомненно.

В груди полыхнуло.

То, что с моих пальцев снопами осыпаются искры, я поняла, только когда Эдер вскочил на лапы. Мощные крылья льва раскинулись вверх и в стороны, а в следующее мгновение я увидела, что горю.

Пламя взметнулось по подолу, охватывая ткань и, казалось, меня целиком. Я превратилась в костер в одно мгновение... бы. Если бы не резко шагнувший ко мне герцог. Треск ткани слился с каким-то грохотом и шипением гаснущего под лапами Эдера огня, а в следующий миг меня уже опрокинули

на стоявший у окна диванчик.

Опрокинули натурально: то, что на мне не осталось платья, я поняла, когда гладкость парчовой обивки скользнула по спине. В ту же минуту, когда прохладный воздух ужалил нежную кожу между разведенных бедер в вырезе панталон.

— Вы! — прошипела я, сжимая кулаки. Которые его светлость мгновенно разжал, раскинув мои руки в стороны и вжимая их в несчастный диванчик по обе стороны от меня. — Отпустите, или...

— ИЛИ вы спалите здесь меня, себя, маджера и весь замок! — прорычал он мне в лицо, но я сама чувствовала, как огненная пульсация сквозь мои ладони втекает в него. Как жжет кончики пальцев, готовые превратиться в фитили свечей в считанные секунды, и... как жжет его взгляд, скользнувший по моей обнаженной груди.

Правда, последнее жжение было совершенно диким, будоражащим и неправильным. Не менее неправильным, чем то сумасшедшее острое чувство, пронзившее низ живота, когда его губы впились в мой сосок.

Я не должна была этого чувствовать, но я это чувствовала — эту обжигающе-острую ласку, отзывающуюся внизу, и огонь магии, готовый поглотить меня без остатка. От ладоней, которые он вдавил в плотную ткань, растекался жар, и этот жар бежал по моей крови, заставляя всхлипывать и хватать губами воздух.

Воздух тоже безумно жаркий, и он становится еще жарче, когда губы его светлости скользят по моей груди и ниже. По животу, к кромке ткани, где начинаются панталоны, и руки мои он ведет за собой. Сейчас уже сложно сказать, вжимают ли мои запястья в диван или я сама впиваюсь пальцами в его руки, между которыми бьется нарастающая магия.

А потом его губы накрывают самую нежную и чувствительную точку.

— А-а-ахх! — Этот стон не срывается с губ, он вырывается из меня, из груди, из всей моей сути, как та магия, до которой мне сейчас нет никакого дела.

Или почти никакого — она все еще во мне, пульсирует, бьется, накатывает волнами, огненно-жаркими, удушающими... и такими приятными, что сложно понять, где начинаюсь я и заканчивается она, или наоборот. От ласк, которые там внизу рождают пожар уже совершенно иного толка, дышать становится все сложнее. Поэтому я и дышу рывками, сквозь всхлипы и вскрики, кусая чувствительные губы и выгибаясь всем телом.

От острых, сводящих с ума ласк, надеясь, что это закончится как можно скорее, и отчаянно желая, чтобы это никогда не кончалось... но оно заканчивается, когда герцог слегка сжимает зубы, прихватывая ткань панталон. Которая врезается в нежную кожу, на контрасте с касанием его губ.

Кончается так остро, что я кричу, содрогаюсь всем телом и чувствуя, как тает в раскаленном воздухе магия, покидая меня без остатка. Сквозь пальцы, сквозь ставшее тяжелым на мгновение, а после невыносимо легким тело. Внизу живота по-прежнему сладко пульсирует, когда я натываюсь на темнящий взгляд его светлости.

Примерно там, где сладко пульсирует.

Поворачиваю голову — на полу валяется книга, рядом с ней остатки моего платья и лев. Впрочем, лев не валяется, он лежит, накрыв лапами голову. Или глаза. Мне хочется сделать то же самое — закрыться, спрятаться, убежать, но...

— Как вы себя чувствуете, Алисия?

Голос его светлости... королевского особуна звучит хрипло. Настолько хрипло, что от него мурашки по коже.

Как...

Как я себя чувствую?!

Он подает мне руку, но я вскакиваю, подхватываю ЭРЦГЕРЦОГСКИЙ фолиант, в ЭРЦГЕРЦОГСКОЙ библиотеке в ЭРЦГЕРЦОГСКОМ замке и из всех сил запускаю его в ЭРЦГЕРЦОГСКУЮ физиономию.

ГЛАВА 12

Райнхарт

К счастью, я успеваю отшвырнуть книгу раньше, чем она попадет в меня. Удар книгой не то же самое, что подушкой. Обитый металлом уголок врежется в запястье, царапая кожу, по опасный снаряд все-таки отлетает в сторону. Подальше от нас.

— Это становится дурной традицией! — рычу я.

— То, что вы сделали, тоже дурно!

— Еще скажите, что вам было плохо!

Кто мог подумать, что цветочница окажется такой чувственной и крайне громкой. Она отзывалась на каждое мое прикосновение. Рук. Губ. Языка...

Щеки Армсвилл вспыхивают будто полевые цветы.

— Еще скажите, что вам не понравилось, — парирует она, обхватив себя руками и оглядываясь. Очевидно, в поисках того, чем можно прикрыться.

Мне бы понравилось больше, будь мы на равных.

Царапину на запястье жгло, но это были мелочи по сравнению с тем, как мне сейчас безумно жали штаны. Стоны и всхлипы Армсвилл, воспоминания об ощущениях бархатистой коже под пальцами навевали лишь мысли о продолжении. Кровь до сих пор бурлила в моих жилах, напоминая, что я не железный, а женщина, которую мне до безумия хочется, совсем рядом. Только руку протяни.

И она тут же ее откусит!

Или как повезет. Здесь я действительно перегнул.

Я стягиваю свой пиджак, потому что понимаю — еще немного, и Армсвилл решит воспользоваться штормой, не зря же она на нее косится, и протягиваю его ей. Одеть цветочницу — вообще мудрое решение, потому что ее светлая, жемчужная кожа сбивает с мыслей.

— Возьмите.

Она выхватывает пиджак и закутывается в него.

— Вы сделали это нарочно.

— Что именно? Нарочно пытался сжечь свою библиотеку?

— Специально вывели меня из себя, чтобы воспользоваться этим ритуалом.

Мне что, делать нечего? Лучше бы просто затащил ее в постель. Без огня и прочих эффектов!

— Сражение с магией не то же самое, что секс, эри Армсвилл. Второе гораздо приятнее, особенно если делать это вместе. Но очевидно, вы из-за недостатка опыта не видите разницы.

— Снова пытаетесь меня оскорбить?

Она разворачивается и направляется в сторону дверей. Вот только куда она уйдет? Растрепанная, в одних панталонах и в моем пиджаке? Не считая того, что мы связаны Друг с другом.

— Алисия!.. Эри Армсвилл, подождите!

Я догоняю ее у самых дверей и перехватываю за локоть, игнорируя глухое, предупреждающее львиное рычание за спиной.

— У меня не было намерения вас оскорбить, — говорю я. — По крайней мере в том, что касается вашего опыта или его отсутствия.

По ощущениям, Армсвилл хочет взглядом прожечь в моей груди дырку: примерно там, где сердце, но она неловко поправляет пиджак, и я впервые замечаю, насколько она передо мной беззащитная. Обнаженная.

И дело вовсе не в сгоревшем платье.

— Я должен извиниться, — продолжаю я. — За то, что сказал про слуг. Это неправда. Они живут и работают здесь поколениями, никто из них не станет обсуждать происходящее в стенах Эдельз Грин. И тем более осуждать вас за то, что вы спасли мне жизнь.

Вот теперь на лице Армсвилл вспыхивает изумление, смешанное с недоверием.

— Еще примите мои извинения насчет чтения и знаний. Вы правы в том, что должны знать обо всем, что вас касается. И хотя ваши манеры оставляют желать лучшего...

— Вы опять?

— Вы бросили в меня третьим томом «Магических экспериментов». Пожалуйста, не вздумайте сделать так при дворе! Вообще перестаньте швыряться в меня чем бы то ни было.

— Я не могу этого обещать, пока вы ведете себя... так!

Моя невеста произведет при дворе фурор! Почему-то эта мысль сейчас не раздражает, скорее вызывает улыбку.

— Тогда я, со своей стороны, постараюсь не доводить вас до всплеска магии.

— Это так называется?

— Именно. Считаю, что нам стоит развеять боевые схемы и объединиться. Если мы хотим вернуться к своей обычной жизни.

Армсвилл поправляет съехавший с плеча пиджак и кивает:

— Я согласна.

Я подаю ей руку:

— Тогда как вы смотрите на то, чтобы перебраться в спальню? Чтобы вы могли переодеться... во что-нибудь, а я — немного отдохнуть. Сегодня я вряд ли смогу продолжать работу.

Она кивает, а я говорю:

— Пойдемте, я знаю короткий путь.

Я направляюсь к ближайшему стеллажу, вытаскиваю нужную книгу, и сработавший механизм заставляет полки отъехать в сторону. Это действительно самый короткий путь: отсюда можно быстро попасть в любую часть замка, в том числе и в мои комнаты.

Армсвилл приоткрывает рот, но тут же его закрывает и предпочитает молчать, пока мы поднимаемся по ступенькам. Начертанные на стенах схемы зажигаются и позволяют не спотыкаться в темноте. Винтовая лестница уводит вверх, здесь потайной ход разветвляется, и я сворачиваю налево. Чтобы дойти до конца коридора, надавить на камень и выйти прямо напротив моей спальни.

Пропустив девушку вперед, я захожу следом и достаю из шкафа собственную рубашку. Это лучше, чем ничего.

Пока Армсвилл удаляется в ванную, я стягиваю обувь и устраиваюсь на кровати.

— Завтра привезут первые платья, а пока попрошу найти что-то подходящее среди нарядов моей мачехи, которые она отвергла сразу после примерки и оставила здесь. И еще назначу вам камеристку и фрейлин.

— Фрейлин?! — Она появляется в комнате. Рубашка все-таки слишком прозрачна, и я мысленно делаю себе пометку как можно скорее откопать хоть одно мачехино платье. Иначе мыслить у меня не получится. — Это обязательно?

— Вы сами захотели быть моей невестой, Алисия. Теперь терпите.

— Вы снова называете меня по имени.

— Исключительно на правах жениха.

Армсвилл устраивается на кушетке возле окна, а у меня слипаются глаза.

Расположиться на кровати было не самой лучшей идеей: я это понимаю, когда снова начинаю проваливаться в сон. Потягиваюсь и собираюсь подняться, когда слышу:

— Вам нужно поспать.

— И пропустить момент, когда вы снова воспламенитесь?

Я все-таки сажусь, хотя все во мне этому противится: голова кажется невероятно тяжелой и притягивается к подушке.

— Будет лучше, если вы свалитесь к моим ногам?

— Не свалюсь.

— То есть в библиотеке вы просто притворялись?

Не притворялся.

Я действительно свалился, упал лицом в книги, а заодно и в грязь, потому что не смог контролировать собственное тело. Третьи сутки без сна, битва с магией и неутоленное желание сделали свое черное дело. Армсвилл права. Мне нужен сон.

— Между этими вспышками магии всегда проходило время, — добавляет она. — Так что, думаю, у вас есть несколько часов на полноценный отдых. Я же обещаю не спать и в случае чего сразу вас разбудить.

Это разумно.

— Только никуда не выходите отсюда, — приказываю я.

— В таком виде?

Армсвилл приподнимает брови и складывает руки на груди. Лучше бы не складывала!

— В таком виде тем более!

Я поднимаюсь, стягиваю покрывало с кровати и отношу его Алисии.

— Разбудите меня через два часа. Я распоряжусь, чтобы вам нашли платье.

— Буду вам благодарна.

Я все-таки возвращаюсь к постели и устраиваюсь на ближайшем к окну краю кровати, чтобы «в случае чего» сразу броситься к Армсвилл. Кушетка вполне удобна для проведения ритуалов... Стоит прикрыть глаза, как память вновь выкидывает меня в библиотеку, в те мгновения, когда Алисия отзывалась на любое мое прикосновение.

Как заснуть, если только о ритуалах и думается?

— Я посижу здесь, — обещает она. — Вместе с Эдером... Ой!

— Что?! — Я резко сажусь.

Армсвилл по-прежнему на кушетке, не искрит, но обеспокоенно озирается.

— Эдер! Он был с нами в библиотеке, а теперь куда-то исчез.

Я выдыхаю и снова опускаюсь на подушки.

— Хорошо, что он исчез.

— Почему?

— Значит, вы чувствуете себя в безопасности, и новая вспышка магии вам пока не грозит.

Это самая замечательная новость из последних, я действительно могу немного расслабиться и восстановить силы. Почти проваливаюсь в сон, когда сквозь дрему слышу:

— Вы не извинились за поцелуй.

— Это часть ритуала, я уже объяснял.

— До этого вам не требовалось целовать меня... там!

Вот в чем дело!

Я усмехаюсь: даже не открывая глаза, догадываюсь, что Алисия снова покраснела.

— За это я точно не собираюсь извиняться, — говорю. — Со всплеском магии или нет, я бы их повторил.

Что отвечает Армсвилл и отвечает ли она что-нибудь, я уже не слышу. Я падаю в сон, и мне снится то, как мы с ней сплетаемся телами на этой постели. И горим уже совсем не от магического огня.

Элеонор

— К вам с визитом ее светлость герцогиня Полинская.

Дина? В такое время?

Часы показывали половину девятого. Поздновато для гостей, но учитывая, что они знали друг друга с самых ранних лет, Элеонор была бы рада ее видеть даже глубокой ночью. Правда, до этого дня Дина не приезжала столь поздно. Это было на грани приличий, а Дина не делала ничего, что могло бросить тень на ее репутацию.

Что бы ни привело подругу к ней в такое время, причина наверняка существенная.

Поэтому Элеонор едва удержалась от того, чтобы не отчитать дворецкого за то, что сразу не пригласил Дину к ней, отложила в сторону роман и поднялась.

— Проводите ее ко мне, Бранс. Хотя нет... Я сама встречу ее светлость.

От парадного входа до Цветочной гостиной (той, куда приглашали всех благородных гостей, когда они заглядывали в их городской дом с визитами) было шестьсот восемьдесят шагов: Элеонор посчитала их, когда была ребенком. Взрослых шагов, она специально делала большой шаг. А учитывая, что Бранс уже прошагал столько и прошагает еще столько же туда и обратно, она за это время успеет сойти с ума от любопытства. Лучше самой встретить Дину!

— Наконец-то! — воскликнула подруга, когда Элеонор вошла.

Что еще раз подчеркивало ситуацию из ряда вон, в другой Дина никогда бы не повысила голос, выдавая свое нетерпение. И уж тем более на ее щеках не было бы румянца, какой возникает от быстрой ходьбы.

Элеонор не считала себя дурнушкой, ее многочисленные ухажеры неустанно твердили ей, что она прекрасна и изящна, но рядом с герцогиней Полянкой она была как одуванчик против розы. У Леопольдины светлые волосы, светлая, без единой веснушки кожа и большие ярко-голубые глаза. Больше всего Элеонор восхищала ее манера держаться по-королевски. Но сейчас глаза юной герцогини метали гневные молнии.

— Дина, что случилось?

— Ты у меня спрашиваешь? — Подруга шагнула к ней. — Это я должна спрашивать! Что случилось? Почему ты не сказала мне, что твой брат женится?

Элеонор даже на диванчик села от такой новости.

— Брат? Женится? Зиг?

— Райн! Весь двор... Нет, вся Барельвица гудит об этом! Эрцгерцог Барельвийский женится непонятно на ком.

— На ком?

— Я же говорю — непонятно на ком.

— Что за шутки?

— Шутки?! Эрина Неррель создает для нее гардероб!

Элеонор долго всматривалась в глаза Дины, чтобы увидеть там хоть искринку свойственной ей победной язвительности (признаться, розыгрыши такого толка подруга любила, а потом любила высмеивать «доверчивых простаков» — правда, обычно это касалось влюбленных в нее юнцов, никак не их дружбы), но так и не нашла. А значит, все действительно очень серьезно!

Как... как Райн мог ей не сказать?!

Они ведь говорили совсем недавно!

— Я не знала, — нахмурилась Элеонор. Как бы ей ни хотелось высказать все, что она думает, юной леви не принято показывать свои чувства.

— Теперь я вижу. — Дина сменила гнев на милость. По крайней мере сейчас этот гнев был направлен не на нее, а на неизвестную девицу, поскольку герцогиня примирительно опустилась рядом. — Сегодня эрина Неррель была в Эдельз Грин и видела ее. Говорит, что она красавица... Ну как красавица, со слов этой портнихи! И все! Больше ей похвастаться нечем.

— То есть как нечем?!

— Вот так! — Дина стукнула веером по колену с такой силой, что Элеонор мысленно поморщилась. — Ее никто не знает! Даже имени ее никто не знает. Какая-то эри Армсвилл! Ты знаешь, кто она такая?

Элеонор не просто не знала, она решительно ничего не понимала. Как такое возможно?! Особенно сейчас, когда все со дня на день ждали новости, что Райн попросит руки Дины?!

— Значит, так. — Подруга понизила голос. — Кем бы она ни была, я это выясню. А что касается остального... ты же мне поможешь? Я надеюсь, что ты мне поможешь, Эле, золотко. Потому что, кроме тебя, мне не на кого надеяться...

— Мама всегда на твоей стороне! — горячо возразила девушка.

— Ты так считаешь?!

— Разумеется! Она ждала вашей помолвки не меньше, чем я!

— О! — Подруга нежно улыбнулась. Так нежно, как умела только она. — Ты не представляешь, как я рада это слышать! Как бы там ни было, о помощи я прошу именно тебя. Ты же знаешь, как Райн к тебе относится. Он тебе доверяет, и нам нужно сделать все, чтобы не допустить этого брака. Чтобы эта девица уползла обратно в свою нору, из которой она вылезла!

Хлопнула дверь, и Элеонор вскинула голову: появление в гостиной Зига прервало их разговор. Приблизившись, брат взял тонкую руку Дины в свою и коснулся губами пальцев.

— Добрый вечер, ваша светлость.

— Ваша светлость. — Дина склонила голову.

— Прошу прощения, что помешал вашей беседе, леви.

— Ты не помешал, — поспешно сказала Элеонор и так же быстро добавила, пока брат не ушел: — Зиг, почему ты мне не сказал, что Райн женится?

Светлые брови Зига взлетают вверх. У брата вообще необычная внешность: он весь белый. Бесцветные волосы, бледная кожа, только красные глаза ярко выделяются на лице. Возможно, именно поэтому его образ давно сроднился с черным цветом и серебром. Серебра в нем — шейный платок, жилет и запонки. Даже рубашка черная.

— Райнхарт женится?

— Так говорят в свете, — объяснила Элеонор. — Но мы вообще не знаем, правда это или нет. Эрина Неррель, портниха, принесла эту возмутительную новость из Эдельз Грин! Представляешь?! Я не знаю, что и думать!

Зиг неожиданно улыбается:

— Не надо думать лишнего, сестрица. Завтра я лично отправлюсь в Эдельз Грин и все узнаю. Доброй ночи, Элеонор. Доброй ночи, леви Полинская.

Стоило ему выйти, как Элеонор повернулась к Дине.

— Вот видишь! Видишь! Брат тоже у нас в союзниках! — Она горячо сжала руку подруги. — Никто не допустит этого брака, Дина! Никто!

— Что бы я без тебя делала! — В глазах ее сверкнули слезы. — Ты ведь знаешь, я люблю твоего брата с детства! Искренне люблю!

Когда Дина призналась Элеонор в своих чувствах к Райнхарту (им тогда было по девять), она визжала от восторга. Женой брата должна стать Дина! Дина, которую она знала и любила, а не

непонятная девица, которую в глаза никто не видел. Девица, которая посмела забрать у них Райна!

Элеонор сжала кулаки.

— Знаю. И можешь ни на секунду не сомневаться, Дина, — если она только появится рядом с ним, появится в этом доме... мы ее встретим! Мы все!

Подруга глубоко вздохнула, а потом порывисто ее обняла, и Элеонор обняла ее в ответ.

— Знаешь-ка, что? Сейчас я попрошу заварить нам мятного чая, а после... оставайся у нас? Посекретничаем, как в детстве!

Дина снова похлопала веером по колену, но потом решительно покачала головой:

— Нет, золотко, я не могу остаться. Меня ждет папа, к тому же я не взяла сменного платья. Поэтому в другой раз. Чай, пожалуй, в такое время будет тоже лишним, я еще заеду на днях. И ты приезжай!

Не дожидаясь ответа, подруга поцеловала ее в щеку и вспорхнула с дивана, легкая и спокойная, как обычно. Останавливать ее Элеонор не стала, а вот до холла проводила лично, понимая, как Дина расстроена и чего ей стоит держаться спокойно после таких известий.

Ну ничего, она этого так не оставит!

Эта безымянная... эри Армсвилл еще пожалеет, что сунулась к Райну. Очень сильно пожалеет!

ГЛАВА 13

Алисия

Я проснулась оттого, что луч солнца игриво щекотал мне нос. В приоткрытое окно врвался теплый воздух, непривычно прогретый для такой ранней весны. Я повернулась на другой бок, плотнее закутываясь в одеяло. Потом снова на другой, потому что на солнце было гораздо приятнее, чем на непрогретой половине кровати, а потом...

— Ой! — Я подскочила и обнаружила, что лежу в герцогской постели. Самого герцога поблизости не наблюдалось, зато в приоткрытом шкафу висело платье. Видимо, его принесли, когда я спала, а спала я хорошо. Это становилось понятно на лету, потому что такой свежей и бодрой я не чувствовала себя с того самого дня, как в мою жизнь ворвались все эти магсхемы, покушения и особуны королевских кровей.

Справедливости ради особун был один, но в его спальне совершенно не наблюдалось часов. Это было не настолько странно, как то, что не наблюдалось его самого — вспоминая о том, как его светлость сопротивлялся отдыху под предлогом того, чтобы я не воспламенилась и не спалила ему вторую спальню.

Я отодвинула край одеяла и густо покраснела. Моя рыжая натура всегда краснела очень густо, в то время как у других нормальных людей на коже это могло вообще не проявиться, я шла яркими пятнами. А иногда вообще становилась похожа на томат в период быстрого созревания. Иными словами, мне надоело ходить в одних панталонах и герцогской рубашке. Хотя справедливости ради пахла она приятно — фархом и еще чем-то, едва уловимо вплетающимся в ореховый аромат мужской резкостью.

Так, все!

Мне нужно срочно переодеться.

С такими мыслями я направилась в ванную, где тщательно расчесала волосы (на столике перед зеркалом загадочным образом появилась женская щетка), умылась, привела себя в порядок и только после этого вернулась в комнату, преисполненная самых светлых надежд надеть платье.

Надеждам не суждено было сбыться.

— Ох-х-х-х... — донеслось до меня, и я резко обернулась. Стоявшая передо мной девушка в светло-голубом форменном платье держала в руках корсет и прикрывалась им, как щитом. На щеках ее (что я там говорила про других нормальных людей?) пламенели два ярко-красных пятна. Возможно, дело было в том, что она оказалась светловолосая и светлая настолько, что у меня впервые появилась соперница на поприще красноты.

А может быть, ей просто было непривычно видеть девушек в панталонах и мужских рубашках.

— Мм... леви... эри Армсвилл, — запинаясь, пробормотала она, старательно на меня не глядя. — Его светлость прислал меня, чтобы я вас разбудила и помогла вам одеться к завтраку. Меня зовут Нина, я горничная, но пока его светлость не нашел для вас камеристку, прислуживать вам буду я. Я знаю, как убрать волосы, и знаю, как помочь леви... эри... с нарядами.

— К завтраку! — вычленила я из всей информации нужную.

Желудок тут же отозвался бодрым урчанием. Учитывая, что вчера я не дождалась ужина и заснула — кстати, как это произошло, сама не заметила — вот я сижу, глядя на спящего его светлость, а вот я уже лежу, глядя на спящего его светлость. Под покрывалом тепло и уютно, кушетки на мой рост более чем хватает, а все тело тает в расслабленной неге, и кажется, что меня мягко и нежно обволакивает сон. Так же мягко и нежно, как его ладони, как его пальцы, сплетающиеся с моими...

Так, что я там говорила?

Завтрак!

— Буду вам очень благодарна, Нина. — Я улыбнулась.

Честно говоря, я действительно была очень рада помощнице, особенно когда увидела корсет. Потому что затянуть корсет самостоятельно... скажем так, у меня их никогда не было, а вот матушка носила. Чтобы ее затянуть, мне приходилось попотеть.

— Воспитанная эри должна носить корсет, — говорила она. — По крайней мере на людях.

— Лучше я буду невоспитанной, — отвечала я.

Как-то раз я принимала гостей в корсете. Мне тогда было пятнадцать, и, чтобы я выглядела «прилично», матушка меня затянула в один из своих. В итоге я весь вечер ходила, как будто проглотила палку, а второе же блюдо попросилось наружу, стоило мне съесть пару кусочков. С тех пор я этот печальный опыт не повторяла, но, по всей видимости, придется. Вряд ли невеста эрцгерцога может ходить без корсета.

Ну и потом, кто знает, может, я вообще похудела с того времени? В пятнадцать лет я любила булочки, а сейчас...

— Ваша сорочка, эри Армсвилл, — прервала ход моих мыслей Нина. — Временная. Леви Жанна ее никогда не надевала, ей показалось, что здесь слишком вызывающее кружево.

Леви Жанна, видимо, мачеха Райнхарта.

Кружево, к слову, оказалось совершенно не вызывающим. Тонким, подчеркивающим грудь невесомой ажурной полоской.

— Разве кружево нельзя было отпороть? — поинтересовалась я, когда нижнее платье легко облепило мое тело, лаской дорогой ткани коснувшись кожи.

Нина посмотрела на меня удивленно.

— Леви Жанна никогда не перешивает вещи. Она считает, что портних надо учить — если они не в состоянии сразу понять ее замысел, она урезает им жалованье втрое и больше никогда к ним не обращается. И всем рассказывает о том, как ужасно они ее подвели.

Очаровательная женщина.

Мне вдруг стало интересно, какой у нее был опыт сотрудничества с эриной Нерелль. Очередь к которой расписана на полгода вперед.

— А эрина Нерелль? — спросила я.

Нина хлопала глазами:

— Что — эрина Нерелль?

— Леви Жанна когда-нибудь отказывалась от ее нарядов?

— Нет. — Нина замахала руками, как будто сама мысль об этом показалась ей смешной. — Эрина Нерелль никогда не шила наряды леви Жанне.

— Нет?

— Нет! Она отказалась ее обшивать. Представляете?! — Девушка подалась ко мне и доверительно прошептала: — Такой был скандал!

Могу себе представить. Портниха отказалась шить наряды для герцогини! Хотя если так подумать, я бы тоже отказалась на ее месте.

— Леви... ой, эри Армсвилл. Корсет!

Это не корсет, это орудие пыток из серых столетий. Я поняла это еще тогда, когда Нина начала его зашнуровывать, а пространства для вдоха стало оставаться все меньше и меньше. Равно как и для того, чтобы в меня поместилась еда. Я даже подумала о том, что корсет изобрели, чтобы женщины меньше ели. Правда, при такой затянутости нужно думать не о том, чтобы что-то в себя запихнуть, а о том, чтобы из тебя что-то не выпрыгнуло.

Ик!

— Нина, а можно чуть ослабить шнуровку?

Но тогда на вас платье леви Жанны не застегнется! — Горничная заморгала. — Ой. Простите. Я хотела сказать, что... она любит тонкие талии.

Тонкие, а не стянутые в точку перелома. Если меня сейчас резко дернуть, одна часть меня останется внизу, а другая отвалится. Я подумала об этом с тоской, равно как и о том, что уже очень давно не садилась за новую пьесу. С другой стороны, ничто не мешает мне этим заняться, когда мы закончим с магическими схемами. То есть с библиотекой. То есть...

Я подумала, что «мы» — не совсем правильная формулировка, и глубоко вздохнула.

Хрусь!

К счастью, это были не мои ребра, а решающий рывок шнуровки корсета, после чего я почувствовала себя статуей.

— У вас чудесная фигура! — пробормотала Нина, снимая платье с вешалки. Оно оказалось темно-изумрудного цвета. Облегающий лиф, подчеркивающий грудь и запечатывающий ее под густой сеткой кремового кружева, пышная юбка, расходящаяся волнами тафты, отделка на рукавах.

Все это великолепие горничная надела на меня, застегнула, после чего отступила в сторону.

— Вы настоящая леви! — всплеснула руками девушка.

Ненастоящая, подумалось мне. И невеста я тоже не настоящая, хотя какая мне разница.

— Теперь прическа.

Прическа оказалась чуть ли не большим кошмаром, чем корсет. Меня тянули за пряди, вытягивали, накручивали, сооружая на голове подобие праздничного торта, при малейшем неловком движении способного завалиться набок и увлечь за собой блюдо-подставку. То есть меня.

Впрочем, то, что прическа не завалится, мне стало понятно сразу. Нина брызгала мои пряди каким-то раствором, который мгновенно высыхал на уложенных волосах. Создавалось такое чувство, что разобрать эту прическу потом можно будет, только обрезав волосы под корень.

— Это лучшее средство барельвийских модниц, — не без гордости сообщила горничная, — с его помощью прическа сохраняет форму весь день. Ни волосинки не шелохнется, вот увидите.

Надо будет спросить у его светлости, откуда в Эдельз Грин так срочно взялось лучшее средство барельвийских модниц. Хотя возможно, оно тоже было небрежно забыто мачехой, вместе с платьями. Я вдруг подумала о маме, которой зачастую приходилось перешивать старые наряды, чтобы сэкономить на новых тканях.

Как бы я хотела, чтобы моя пьеса имела успех... и чтобы мама могла себе позволить хотя бы десятую часть того, чем разбрасывается эта богатая женщина.

— Вот и все! Можно спускаться!

Желудок жалобно заурчал, сдавленный сплюснутыми ребрами и жесткими пластинами корсета. Я проигнорировала и его, и слегка покрасневшую горничную (видимо, урчать желудку в присутствии посторонних не положено), рассматривая себя в зеркале. Не будь я свидетельницей процесса, решила бы, что вижу своего двойника. У молодой женщины, затянутой в роскошное платье, не было ничего общего с Алисией Армсвилл, которую я знала.

Кроме начинки.

И мыслей: «Я похожа на красивую куклу».

Мне было настолько странно видеть себя в этом наряде, что даже возможность ходить в эрнгерцогской рубашке уже не смущала. К сожалению, в ней не спустишься к завтраку, а мое платье теперь годится только для того, чтобы им пыль протирать.

Кивнула и поднялась:

— Нина, проводишь меня? Я еще не настолько хорошо ориентируюсь в Эдельз Грин.

— Разумеется. — Горничная улыбнулась. — Вам нравится прическа, эри Армсвилл?

— Она чудесна.

Девушка покраснела от удовольствия, и я невольно улыбнулась.

Пока мы шли по коридорам, Нина без умолку рассказывала о том, как чудесно в Эдельз Грин поздней весной и летом (ах, эри Армсвилл, видели бы вы, как выглядит парк, когда все цветет) и что даже зимой встроенные схемы обогрева, которые активируются с первыми же холодами, не позволяют толстым каменным стенам морозить гостей и хозяев.

Знаете, бывает, леви Элеонор вбегает с прогулки — вся покрасневшая, и ей совсем необязательно сидеть у камина, чтобы согреться, можно привести себя в порядок и сразу идти в гостиную...

— Леви Элеонор?

— Да, сестра его светлости! — Нина ослепительно улыбнулась. — Леви Элеонор... она такая... совсем не похожа на свою мать! Чудесная и добрая девушка! Ох, что-то я совсем разговорила. Простите, эри Армсвилл, я обычно не настолько словоохотливая...

— Я рада, что ты мне обо всем рассказываешь. — Я снова улыбнулась. — И мне очень приятно с тобой говорить, Нина!

Горничная прижала руки к щекам, а потом резко остановилась.

— Как же это! Мы чуть столовую не прошли...

Впереди, у дверей, и правда стояли двое мужчин в ливреях. Стоило нам приблизиться, они распахнули двери. Первым, кого я увидела, оказался мужчина с волосами как снежная пелена. Его взгляд вонзился в меня: пристальный, острый, колющий.

А в следующее мгновение ко мне уже шагнул Райнхарт:

— Алисия, позволь представить тебе его светлость Зигвальда Фрома. Моего сводного брата.

То, что брат сводный, становилось понятно с первого взгляда. Во-первых, черты лица: от властной резкости Райнхарта в чертах стоявшего передо мной мужчины не было абсолютно ничего. Ни формой бровей, ни овалом лица, ни формой носа он на своего брата не походил. Его можно было бы назвать красивым, красивым той смазливой красотой, которая зачастую становится для мужчины пропуском в мир женщин всех возрастов, а для мужчины с королевской кровью — тем более. Можно было бы, если бы не одно «но»: опасная хищность, притаившаяся в изгибе губ, которые сейчас растянулись в улыбке.

Отразившейся в непривычного цвета рубиновой радужке.

— Брат, позволь представить тебе эри Армсвилл, мою невесту и будущую супругу.

— Безумно рад знакомству. — Я подавила желание отдернуть руку, когда его совершенно не светлый (на второй взгляд, на первый — вполне себе светлый, до кончиков выбеленных ресниц) светлость потянулся к моим пальцам. Прикосновение его губ вышло холодным, а в следующее мгновение яркая вспышка за спиной заставила Зигвальда вскинуть голову.

Я даже не сразу поняла, что случилось: когда пространство вспыхнуло, и в столовой на миг стало неуютно и очень-очень холодно. А потом сразу за спиной Зигвальда возникли две твари. Первая, выше человеческого роста, напоминала помесь змеи и птицы, покрытой плотной, сверкающей чешуей. Пальцы с когтями впились в ковры, оставляя в них глубокие борозды, а длинный, тянущийся за туловищем и лапами хвост, заканчивался острым жалом. Из клюва вырвалось не то шипение, не то клекот, ответом ему стало рычание.

Эдер выпрыгнул из-за моей спины раньше, чем я успела позорно хлопнуться в обморок.

Особенно когда второе существо — с лапами паука, телом волка и волчьим же оскалом вытянутой пасти подобралось, как перед прыжком.

— Очень наглядно, Зиг. — Голос Райнхарта прозвучал совсем рядом.

Он шагнул ко мне и взял меня под руку. Вот никогда бы не сказала, что буду рада близости эрцгерцога, но сейчас я была не просто ей рада, а несказанно рада. Подавив желание прижаться к нему до неприличия тесно, глубоко вздохнула и вернула его брату взгляд, похожий на тот, которым он награждал меня.

— Наглядность начал не я, — хмыкнул Зигвальд.

— Маджер нравится Алисии, поэтому в ее присутствии я часто его выпускаю, — сообщил Райнхарт. — Ты, видимо, тоже решил познакомить ее со своими?

Или, если я правильно понимаю природу маджеров, Зигвальд попросту мысленно наложил в штаны при виде Эдера, и выпустил своих тварей. Назвать их иначе не поворачивался язык.

— Совершенно верно.

— В таком случае предлагаю всем нам перейти уже наконец к завтраку. Алисия наверняка очень голодна.

Твари исчезли, Эдер перестал рычать. Только дергал кисточкой хвоста, пока мы шли к столу.

Присутствующие в столовой слуги, стоило нам рассестся, мгновенно приблизились, сняли крышки с расставленных на столе блюд. И так же безмолвно отступили, теньями сливаясь со стенами до того, как снова нам потребуются.

— Значит, Алисия, — произнес его белосветлость, глядя на меня в упор. — Вы выглядите просто сногшибательно, не говоря уже о вашем наряде. Уверен, это платье могло бы понравиться моей матери.

Я замерла, так и не расстелив салфетку.

— У вашей матери хороший вкус, ваша светлость, — произнесла я, стараясь не думать о том, откуда он знает о платье.

Райнхарт ведь не мог ему сказать об этом? Разумеется, не мог!

— Я сказал: могло бы, — сообщил Зигвальд и тут же утратил ко мне всякий интерес. — Райн, я хотел спросить: как так получилось, что о твоей невесте я узнаю от женщины, которую считает твоей невестой весь двор?

Райнхарт отложил приборы и внимательно посмотрел на брата.

— При дворе у всех хорошая фантазия, — произнес он. — Помнишь, как тебе приписывали любовную связь с камердинером графа Саэльского?

Лицо Зигвальда несколько вытянулось. Впрочем, несколько — это слабо сказано, его челюсть явно отвисла гораздо сильнее, чем полагается по этикету.

— Как бы там ни было, я полагаю, что теперь их фантазия будет направлена исключительно на предстоящую свадьбу. Потому что невеста у меня одна, и она рядом со мной. — Его светлость взял мою руку в свою и коснулся губами ладони. — Алисия.

Несмотря на присутствие его белосветлости, мне стало очень жарко. То ли от того, как Райнхарт произнес мое имя — глубоко и сильно, то ли от прикосновения губ к чувствительной коже. А может быть, от того, как он на меня посмотрел (не менее глубоко и сильно, чем только что обозначил мое положение), скользнув взглядом по тыльной стороне запястья, по губам. И, наконец, задержав его на моих глазах. Пожалуй, чуть дольше, чем это было допустимо.

В мои планы не входило так на него смотреть.

И уж точно в них не входило, чтобы так на меня смотрел он, но в эти мгновения я почему-то чувствовала только биение собственного сердца и его ладонь под своими пальцами.

Все закончилось так же быстро, как и началось: Райнхарт отпустил мою руку и вернулся к завтраку.

— Приятного аппетита.

Я же наконец-то вернулась в реальность, в которой Зигвальд уже относительно справился с тяжестью отвисшей челюсти. Подавиться первым же куском ароматной запеканки ему больше не грозило, а судя по тому, сколько он вылил на нее соуса, пройти она в принципе должна была хорошо.

Зато мои мысли почему-то вели себя совершенно непредсказуемо.

Скакали с рук Райнхарта, прикосновение которых я до сих пор чувствовала на своей коже, на то, как он произнес мое имя и как задержал взгляд на моем лице. Это же совершенно ничего не значило! Ровным счетом ничего, потому что между нами соглашение, и эта... его-моя магия — единственное, что нас связывает. Ладно, еще есть Эдер, чья кисточка до сих пор постукивала по полу за моей спиной (но уже тише), и... и...

Я все-таки расстелила салфетку и решительно взялась за приборы.

— Любопытно было бы узнать, как вы познакомились. — На меня Зигвальд по-прежнему не смотрел. — Пока эта история тоже не обросла фантазиями и домыслами.

— Странно, что еще не обросла, — невозмутимо отозвался Райнхарт. — Мы познакомились совершенно случайно. Алисия — начинающий драматург...

— Расскажите мне, как это произошло?

Вот теперь Зигвальд все-таки посмотрел на меня, но лучше бы не смотрел. В его глазах сверкнуло что-то едва уловимое, но придающее ему невыносимое сходство с его маджерами. Причем, по ощущениям, сразу с двумя.

— Мой брат достаточно скучно излагает ситуацию, а начинающий драматург, как мне кажется, гораздо лучше справится с этой задачей.

— О да. — Я покосилась на эрцгерцога, встретила внимательный, полный невозмутимости взгляд и неожиданно для себя улыбнулась. Почему-то его близость сейчас успокаивала. — В тот день я ездила в «Корона д'Артур», чтобы оставить антрепренеру свою пьесу. Весной мне всегда безумно хочется гулять, поэтому я решила, что стоит пройтись. Учитывая, что в Барельвице мне все незнакомо, я шла, с восхищением разглядывая фасады домов, отмечая барельефы и горельефы, всматриваясь в лица людей. Мое сердце пело от осознания того, что, возможно, уже завтра мою пьесу примут для нового спектакля и сам Гориан Третий откроет им новый театральный сезон. Я наслаждалась дыханием весны, скользящим по моему лицу, подхватывающим мои волосы...

— Все это, несомненно, очень интересно, — произнес Зигвальд, — но мне бы хотелось перейти непосредственно к сути знакомства.

— О. — Я приложила руку к груди. — Боюсь, что, если я сразу перейду к сути, вы не поймете, что же послужило причиной нашей глубокой связи, той связи, которая возникает между мужчиной и женщиной с первого взгляда и остается с ними на всю жизнь.

Я нежно улыбнулась Райнхарту и поняла, что он с трудом сдерживается: по крайней мере уголки губ у него подрагивали.

— Так вот, мои волосы подхватывал ветерок, а под пальто врывалась по-зимнему опасная прохлада. Я решила запахнуть его, чтобы не простудиться...

Зигвальд скрежетнул ножом по тарелке. Лицо у него было такое, словно соус, которым он щедро полил свой завтрак, оказался прокисшим. Но он точно не был прокисшим, я проверяла.

— Вы позволите мне съесть кусочек, до того как я продолжу свой рассказ?

Его белосветлость кивнул. По ощущениям, желая мне подавиться. Что касается меня, я наслаждалась воздушным, кремово-сливочным вкусом и, надо признаться, наслаждалась бы им гораздо больше, если бы не присутствие брата Райнхарта.

— Возвращаясь к простуде, здесь надо сделать небольшое лирическое отступление. Когда я только-только училась ходить, я сильно простудилась. У меня была очень высокая температура, и, по рассказам моей матушки, она не отходила от меня ни день, ни ночь. Бесконечно ругая себя за то, что позволила мне, несмотря на прохладный ветер, сидеть в коляске в легком платье с накидкой. Эта история меня многому научила, в частности, тому, что не стоит пренебрегать теплой одеждой и излишне доверяться первому весеннему теплу. Прошу прощения, запеканка остынет.

Я снова отрезала себе маленький кусочек.

— Мы можем отложить историю вашего знакомства до следующего раза? — Зигвальд посмотрел на брага, пока я выразительно медленно жевала. — Райн, я тут вспомнил об одном важном деле, не терпящем отлагательств. Надеюсь, ты уделишь мне время до моего отъезда? Я не знаю, когда ждать тебя в Барельвицу.

— С наибольшей вероятностью завтра. До завтра оно потерпит?

— До завтра вполне.

До конца завтрака мы все теперь хранили аристократическое молчание. Тишина в столовой прерывалась лишь негромкими благодарностями слугам, когда они разливали нам (то есть мне) чай и фарх (мужчинам).

После Зигвальд поднялся из-за стола как-то чересчур стремительно, на ходу сообщив, что «был рад знакомству», что касается Райнхарта, он поднялся и подал мне руку. Мы вместе вышли в коридор, и, только когда остались наедине, произнес:

— Благодарю, что не поддались на провокацию по поводу невесты.

Честно говоря, я просто не успела. Но не говорить же об этом ему, тем более что мне и повода-то никакого нет поддаваться. Я ему не невеста.

— Вы меньше всего похожи на мужчину, который согласился бы на мои условия, будучи обрученным. — Я пожала плечами. — И еще меньше на того, кто об этом умалчивал бы.

Его светлость посмотрел на меня как-то чересчур внимательно. Я бы сказала, гораздо внимательнее всех внимательностей вместе взятых, которые посвящал мне до этого.

— Мне нужно проводить брата, — произнес он. — Поднимайтесь пока к себе, я присоединюсь к вам

буквально через полчаса. Обсудим наше знакомство.

Я присела в реверансе (насколько мне позволял корсет) и склонила голову. Здесь это не требовалось, но чем быстрее я привыкну к правилам этикета, тем лучше. То, что мне сегодня устроил Зигвальд, — просто цветочки по сравнению с ягодками, которые созреют в Барельвице. Сегодня утром я поняла это как никогда ясно.

— Алисия, — донесся из-за спины негромкий голос Райнхарта.

Я обернулась.

— Вы чудесно описали вашу прогулку по Барельвице и ваши чувства.

— Возможно, потому что мне не пришлось ничего придумывать.

Я направилась в сторону (предположительно правильную) лестницы, чтобы подняться к себе. По хорошему, мне нужна была эта передышка, чтобы немного прийти в себя.

Не столько после встречи с Зигвальдом, сколько после осознания, что сегодня за завтраком нас с Райнхартом связывало нечто большее, чем магия и наша общая тайна.

ГЛАВА 14

Райнхарт

Я проводил Алисию взглядом и с сожалением направился в сторону холла. Зигу уже подали пальто, и братец явно меня ждал.

— Решил пойти по родительским стопам? — поинтересовался он.

— Знай я тебя меньше, счел бы это оскорблением и вызвал бы на дуэль, — парировал я.

— Дуэли запрещены.

— Когда это тебя останавливало?

Зиг усмехнулся:

— Против твоего маджера мои не устоят, так что мне повезло, что ты необидчивый.

— Только сегодня, и только потому, что мы родственники.

— Если серьезно, я здесь для того, чтобы тебя предупредить.

— И повеселиться за мой счет?

— Не без этого.

Сводный брат принимает поданную дворецким трость и ударяет ею в пол, будто церемониймейстер.

— Я не знаю, почему ты хочешь повторить судьбу своего отца, но вряд ли все обрадуются появлению этой Алисии.

Мне совсем не нравится, как он произносит имя моей невесты, пусть даже никакая она не невеста, для всех остальных она моя.

— Двор ждет, что ты женишься на принцессе Оланской или как минимум на герцогине Полинской. Но точно не на какой-нибудь сиротке из провинции. Акцент и манера речи ее выдают.

— Алисия не сирота.

— Не важно. Она — вызов. Леграссия не потерпит королеву без титула и имени, какой бы очаровательной поэтессой она ни была.

«Драматургом», — мысленно поправляю я.

— Леграссия или королевский двор в лице мачехи? Если я позволю их мнению влиять на мое, какой из меня король?

— Желающих занять твое место более чем достаточно, именно поэтому я тебя и предупреждаю. До встречи в Барельвице.

Зигвальд отбывает, а его слова все еще продолжают звучат в голове. Нет, не про невесту, с ней все и так понятно. Я не собирался жениться в ближайшее время. Конечно, как королю Леграссии, мне нужна королева, и однажды я бы выбрал ее по политическим соображениям. Алисия под эти соображения не попадает. А даже если бы и попадала — мы не совпадаем по темпераменту и разнесем дворец за пару дней.

Я думаю о его последних словах про желающих занять мое место.

Может ли за заговором против меня стоять Зигвальд?

Он сильный маг: при желании и усердии вполне мог создать алую схему. Достаточно знатен, но... Для того чтобы взойти на трон Леграссии, ему мало уничтожить меня, придется убить всю очередь престолонаследников, в том числе собственную мать.

По возвращении в Барельвицу надо будет все-таки поделиться своими мыслями с Себом. Королевский советник может осторожно проверить Зига. И не только Зига.

Пусть проверяет всех.

Потому что сейчас я отвечаю не только за свою жизнь, но и за жизнь Алисии.

Прежде чем подняться в свои комнаты, я заглянул в библиотеку. Во-первых, стоило вернуться к созданию схемы, во-вторых, я кое о чем вспомнил. О словах Алисии, что она должна знать обо всем, касающемся ее.

Алисия.

Как оказалось, мне не пришлось привыкать к ее имени. Удивительно, но оно шло ей гораздо больше, чем «эри Армсилл». И точно спустившуюся на завтрак леви нельзя было назвать цветочницей. В первое мгновение я даже не узнал щеголявшую в панталонах и моей рубашке девушку. То ли дело было в махином платье, то ли в замысловатой прическе, а может, вовсе в том, что меня сразило осознанием — теперь эта женщина моя невеста.

Фиктивная. Временная. Но моя.

Возможно, именно поэтому за завтраком хотелось бросить в Зига ослепляющую схему. Несмотря на все свои слова про безродность Алисии, его интерес к ней было сложно не заметить. Мне стоило радоваться, что даже Зиг не заподозрил подвоха, а значит, и другие легко поверят в мою увлеченность Алисией. Но вместо этого хотелось утащить ее наверх и закончить то, что началось в библиотеке. Безо всяких ритуалов. Наверное, даже к лучшему, что я потерял магию, иначе бы этот завтрак закончился вовсе не обсуждением впечатлений Алисии о Барельвице.

Захватив с собой нужные книги, я вернулся в спальню.

Алисия сидела на диванчике возле окна и чесала гриву маджеру, лежащему у ее ног. Видимо, делала она это мастерски, потому что прикрывший глаза лев довольно урчал. Даже крылья сложил, чтобы они не мешались.

— Снова волнуешься? — интересуюсь я.

— Нет. — Она качает головой.

— Тогда почему здесь маджер?

— Мне было скучно, и я его позвала.

— Просто позвала?

— Да.

Я покачал головой. Магам требовалось все их мастерство, чтобы «просто» призывать маджеров, а Алисия научилась этому за три дня? Девушка-загадка, вот она кто. Но возможно, скоро я найду ответ и на этот вопрос. Особенно на свежую голову.

Я проспал всю ночь!

Конечно же, ночью Алисия меня не разбудила, и я благополучно проспал до самого утра. Выспался, но это не отменяет того факта, что все это могло плохо кончиться.

— Для начала нужно прояснить некоторые моменты. Я понимаю, что ты уснула, но в следующий раз обязательно разбуди меня. Нам повезло, что ритуала хватило на всю ночь.

Краска мгновенно прилила к щекам Алисии.

— Как скажете, ваша светлость.

— Райнхарт, — поправляю я. — Можно Райн. Для всех я твой будущий супруг, так что привыкай называть меня по имени.

— Райн, — повторила она, и это так глубоко, что мой взгляд просто липнет к ее губам.

— Так лучше. Держи, — протягиваю ей один из фолиантов. — Книга, ради которой ты не побоялась упасть.

Алисия смотрит на меня недоверчиво, но все-таки забирает ее себе.

— Моя настольная в детстве.

— Вам нравилось читать про маджеров?

— Разве не заметно? — хмыкаю я, кивая на льва. — Пожалуй, я знаю про маджеров больше, чем любой маг во всей Леграссии. Если хочешь, могу тебе о них рассказать.

Ее глаза загораются, и я понимаю, что попал в точку.

— Я хотела узнать про Эдера, — объясняет она, когда я устраиваюсь на свободной части дивана. — Почему лев? Маджеры вашего брата не настолько красивы.

— А мой, значит, красивый? — усмехаюсь я.

— Да.

— Вообще-то он задумывался устрашающим.

— Ваш браг его боится.

— Хочешь сказать, что совсем не испугалась, когда он к тебе впервые появился?

Алисия задумывается на мгновение, но потом искренне смеется:

— Я решила, что он пришел меня съесть.

— Теперь ты знаешь, что он любит рогалики.

— И когда чешут за ухом.

Она снова потянулась к маджеру и погладила его, а грозный защитник сейчас выглядел укрощенным и умиротворенным, как домашний кот. Я же осознал, что мне не надоедает просто наблюдать за Алисией. За ее улыбкой, за тем, как тонкие пальцы ласково зарываются в густую львиную гриву, как она склоняется ниже, и я могу рассмотреть ложбинку между грудей.

Кажется, ритуалы от самовозгорания нужны уже мне!

— Так почему лев? — повторяет она.

— Маджера создает сам маг, он и выбирает его обличье и навыки. Дикie кошки всегда были символом нашей семьи. У моего отца был лев с ядовитым жалом вместо хвоста, у деда — двуглавый тигр. У младшей сестры маджер-рысь.

— А вам захотелось, чтобы он летал, — понимающе кивает она.

— Захотелось.

Я хотел, что мой маджер был особенным и непобедимым. А что может быть лучше в битве, чем лев, способный атаковать как с земли, так и с воздуха? Я хотел доказать, что достоин отца и всего рода эрцгерцогов Барельвийских. Мне было тринадцать, что тут скажешь в свое оправдание.

— Схема создания маджера достаточно сложная, а маджера с особенностями создать еще сложнее. Можно ошибиться и сделать, к примеру, крылья разного размера.

— Поэтому у вашего брата такие... необычные маджеры.

Намек на то, что уродцы Зигвальда вышли у него случайно, настолько прозрачный, что я не сдерживаю смеха. Отсмеявшись, все-таки отвечаю:

— Нет, у Зига просто специфическое чувство юмора.

Алисия не смеется, наоборот, резко мрачнеет.

— Им, наверное, неприятно быть такими.

Женщины!

— Я уже говорил, что они ничего не чувствуют, кроме эмоций их создателя. Единственное их желание — защищать его. Маджер — это буквально кровь и магия создающего его мага. Маджера нельзя сделать на заказ или подарить, случай с тобой — уникальный и необъяснимый.

— Откуда вам знать, что не чувствуют? Потому что так написано в этой книге?

Вопрос ставит меня в тупик. Потому что она спрашивает об очевидных вещах.

— Так написано во всех книгах, Алисия. Не говоря уже об опыте поколений и моем тоже.

— А что, если вы все ошибаетесь?

— Это вряд ли.

— Вы сказали, что мой случай особенный. Вдруг все дело в Эдере?

Внутри поднимается волна раздражения.

— Нет, — отрезаю я, — и давай закончим с этими разговорами. Завтра мы возвращаемся в Барельвицу, нам стоит обсудить наше знакомство и подробности нашей скорой помолвки.

Алисия складывает руки на груди и из восторженной девчонки превращается в холодную и безразличную леви. У меня тоже резко портится настроение.

— Как скажете.

— «Как скажешь», — поправляю я. — Моей будущей супруге позволена некая фамильярность в отношении меня даже на людях.

— Как выгодно быть *твоей* будущей супругой.

— Твой сарказм оценят при дворе.

Мы с минуту сверлим друг друга взглядами, а йотом я решаю продолжить. Тем более что обсудить нашу стратегию нужно заранее.

— Расскажем правду, так будет проще.

— Правду? — Она приподнимает брови.

— Почти. О нашем знакомстве отлично знают в Тайной канцелярии, а ставить их в известность о нашем магическом инциденте я не собираюсь. Итак, мы впервые встретились во время покушения на меня. Ты почти меня спасла, я опрометчиво принял тебя за преступницу. Когда стало понятно, что это не так, я извинился...

Алисия хмыкнула, но я сделал вид, что этого не слышат.

— Отвез тебя домой, мы разговорились. Познакомились, и я не устоял перед твоими прелестями...

— Прелестями?!

— Обаянием. Ты права, так звучит лучше. Словом, я понял, что разница наших сословий не позволит нам просто встречаться и запятнает твою репутацию.

— Тебе бы пьесы писать, Райн. Собирал бы аншлаги.

Я сделал вид, что этого тоже не слышал, равно как и откровенного сарказма, поднялся и прошелся по комнате.

— Я сделал тебе предложение на следующий день знакомства, и ты сразу же с радостью согласилась.

— Не сразу. Я раздумывала над ним весь день.

— Две минуты.

— Два часа!

— Хорошо. И то, только потому, что считала себя недостойной...

Теперь Алисия грозно сдвинула брови.

— Ничего я не считала. Просто мы только познакомились, а скоропалительные решения не в моем характере!

— В общем, ты сказала «да». — Я подвожу итог. — Для нашей легенды не хватает лишь этого.

Я достаю из кармана маленькую коробочку. Ее и другие украшения доставили еще до завтрака из лучшего ювелирного дома в Барельвице и всей Леграссии «Эльемель». Вообще-то я собирался вручить кольцо Алисии за завтраком, но появление Зига нарушило мой изначальный план.

Я распахиваю коробочку и достаю кольцо. Если честно, я тоже впервые его вижу. Вчера я отправил за драгоценностями Кира и попросил подобрать кольцо, достойное будущей королевы. Что ж, с задачей он справился — крупный бриллиант в центре вполне подходит моей невесте. Я удовлетворенно киваю, а вот Алисия замирает, уставившись на кольцо во все глаза.

— Это мне? — спрашивает она тихо.

— Да, чтобы ни у кого не возникло сомнений.

— Оно слишком красивое. Я не могу его надеть.

— Тогда я сделаю это сам.

Когда я склоняюсь к ней, ее глаза широко распахнуты, щеки вновь розовеют, а пальцы в моей ладони холодные и слегка подрагивают, но кольцо скользит по коже и подходит идеально. Настолько идеально, что даже удивительно. Желание провести пальцами по изящному запястью, до кромки кружева на локте, такое нестерпимое, что я убираю руки и выпрямляюсь.

— Можешь сказать, что я встал на одно колено, когда просил твоей руки.

От смущения Алисии не остается и следа, меня снова награждают яростным взглядом.

— Так и скажу!

— Еще стоит обсудить такой важный момент, как твою безопасность. Я так сильно влюблен и не хочу потерять тебя до свадьбы, поэтому пока заговорщиков не найдут, мы будем везде и всегда неразлучны. Это же объяснит нахождение моего маджера рядом с нами.

— Ваша светлость... То есть Райн. Что значит — неразлучны везде?

— Везде, моя дорогая невеста, значит, везде! На приемах. На советах. На деловых встречах. В постели.

— В постели?! — Алисия даже подскочила с дивана, а маджер раскинул крылья, чуть не смахнув с дивана меня. — Что, если кто-то об этом узнает? Что Мы спим вместе?

Я мог бы солгать. Мог бы, но какого гьерда?

— Зная мою мачеху, об этом станет известно в ту же ночь.

— Я на это не согласна! Я ваша... твоя невеста, а на арэнэ!

— Да, — киваю я, — об арэнэ я бы не стал так трогательно заботиться. А вот о тебе буду.

— Скажи еще, что мы будем вместе принимать ванну!

Стоило представить Алисию в ванной — влажную и в объятиях белоснежной пены, — по венам потекло пламя, сверху вниз, а мой план понравился мне еще больше.

— Неплохая идея.

— Плохая! — Девушка сверкнула глазами, лев недовольно зарычал. — В уборной тоже будем неразлучны?

Я даже поперхнулся от такого предположения.

— Нет, такие подробности чересчур интимны, чтобы посвящать в них кого-либо.

— Почему так? Вдруг мне станет плохо там, а тебя не будет рядом. Или ты поешь гороховый суп и не успеешь прийти мне на помощь.

— Я не люблю горох.

— Как же мне повезло! — Она вскинула руки в театральном жесте. — Теперь моя жизнь в безопасности.

Я вмиг оказываюсь рядом с ней с намерением встряхнуть ее за плечи, но маджер оказывается проворнее и преграждает мне дорогу. Кто бы знал, как это раздражает!

— Алисия, — рычу я, — мы вроде обо всем договорились!

— Мы договорились, что моя репутация не пострадает. На это я не подписывалась. Одно дело — делить одну комнату здесь, где об этом почти никто не знает. Совсем другое — чтобы об этом знали все.

Все!

Мне это все надоело! Надоело объяснять и доказывать, для чего нужна эта игра.

— Твоя репутация? Да твоя репутация взлетит до небес. Знатные женихи в очередь выстроятся,

чтобы на тебе жениться. Если кому-то и стоит переживать за репутацию, так это мне. Это я, будущий король, собираюсь жениться на цветочнице из провинции.

Глаза девушки широко распахиваются. Между нами падает тишина. Глубокая и неприятная.

Нарушает которую тихий стук в дверь. Не знаю, что меня злит больше — наш разговор, ведущий в никуда, или то, что его прерывают.

— Ваша светлость, — сообщает лакей, — приехала портниха.

Отлично. Наверное.

— Приехала портниха.

— Я слышала, — надменно кивает Алисия. — И готова ее принять. Кажется, так должна говорить будущая королева?

— Ты можешь говорить, что хочешь.

— Разве?

Она направляется к двери и на секунду замирает передо мной.

— Хорошо, что вы, ваше будущее королевское величество, не мой жених. Иначе я бы вам отказала.

Алисия почти шагает в коридор, но я перехватываю ее, прижимая к двери всем телом.

— Если бы ты была моей настоящей невестой, — жестко говорю ей прямо в губы, — я бы сделал все, чтобы отказать мне ты не могла.

— Но я не ваша невеста.

— Пока что ты моя.

Моя.

А очередь женихов подождет, чтобы их всех алыми схемами разметало!

Она глубоко вздыхает и все-таки отталкивает меня. В ту же минуту меня оттесняет ее хвостатый защитник. Который, как всегда, не вовремя.

Я предлагаю ей руку.

— Пойдем, узнаем, какие платья приготовила эрина Нерелль. Потому что сразу же после примерки мы возвращаемся в Барельвицу.

ГЛАВА 15

Алисия

Дом его светлости в Барельвице по размерам немного уступал замку. Расположенный в центре столицы за коваными воротами, ажурной решеткой которых я залюбовалась, даже несмотря на то что очень хотела спать, окруженный парком роскошный трехэтажный особняк явно выделялся на фоне даже откровенно дорогих домов рядом.

— Зачем вам еще дворец? — спросила я, когда ворота открылись, подчиняясь, судя по всему, действию какой-то скрытой магсхемы.

— Дворец?

— Ну да. Вы... ты же будущий король, у тебя будет еще дворец. Куда ты денешь все это?

Райнхарт несколько мгновений смотрел на меня, а потом рассмеялся:

— Не думаю, что с этим у меня возникнут проблемы.

Я хмыкнула и предпочла дальше молчать. Не то чтобы его смех звучал обидно... хотя нет, он звучал обидно. Не сказать, что я была из обидчивых, но имею же я право обидеться! Тем более что я ничего такого не сделала и не спросила.

— Алисия, ты надулась? — поинтересовался его светлость.

— Нет.

— Нет? А мне показалось...

— Тебе показалось, — сообщила я и отвернулась к окну.

Меня вообще достаточно сложно обидеть, вот, например, я уже почти привыкла к тому, что цветочница и герцог — не пара, а если пара, то временная. Тем более что у меня никогда даже в мыслях не было, что я стану невестой (пусть даже фиктивной) эрцгерцога. Но вот нечего надо мной смеяться!

Сумерки в городе совсем не то же, что сумерки в Эдельз Грин. Хотя, по правде, эдельзгринскими сумерками я особо не успела насладиться: мы с его светлостью то общались по поводу всяких ритуалов (не краснеть, Алисия, не краснеть!), то были заняты чем-то еще. Как бы там ни было, книгу про маджеров я взяла с собой и решила изучить на досуге.

Потому что Эдер вел себя совсем не так, как должен (если верить его светлости). Если верить его светлости, лев не должен заглядывать мне в глаза и класть голову на колени, так что, что бы он там ни говорил про поколения магов и бесчувственной энергетически-магической сути маджеров, все их поколения ошибаются. И я им это докажу! Вряд ли книга сумеет мне в этом помочь, но я хотя бы буду немного разбираться в том, как маджеры создаются.

Ну или в том, как позвать Эдера грамотно, не пугая остальное семейство его светлости.

Мобильез прохрустел по гравию и остановился на подъездной дорожке, перед самым крыльцом. Рассыпавшие свет фонари выкрасили белокаменные колонны жженой пастелью, я же думала о том, насколько этот дом не похож на те, что мне доводилось видеть раньше.

В Гризе (хоть он и портовый южный городок) даже особняк мэра выглядел не так помпезно, не говоря уже о домике, в котором жили мы с мамой. Я не успела в очередной раз мысленно пнуть себя за то, что так ничего и не написала ей, потому что его светлость вышел из мобильного, открыл дверцу и подал мне руку.

— Архитектура у вас, к слову, южная, — сказала я, выходя на дорожку.

— Верно. — Он улыбнулся. — Прабабка была без ума от моря, и прадед подарил ей этот особняк.

— А сами вы... ты ничего не построил? — спросила я. — Для себя. Так, чтобы это был полностью твой дом, от первого и до последнего камушка?

Кажется, мой вопрос поверг его светлость в некое подобие задумчивости, но ответа я так и не получила: навстречу нам по ступеням уже спускался мужчина средних лет. Стянутые в хвост темные волосы были перехвачены лентой, внимательный и в то же время безукоризненно вежливый

взгляд однозначно выдавал в нем дворецкого.

— Добрый вечер, ваша светлость.

— Добрый вечер. Алисия, это Робсон, мой дворецкий. Ты можешь обращаться к нему по любому вопросу. Робсон, позволь тебе представить эри Армсвилл. Алисия — моя будущая жена, все ее распоряжения должны исполняться незамедлительно. Сегодня она устала с дороги, но завтра нужно будет познакомить ее с остальными.

— Эри Армсвилл, — Робсон склонил голову, — рад знакомству.

— Взаимно, Робсон. — Я улыбнулась.

— Ваша светлость, хочу вас предупредить...

— Робсон, право слово, мы что, не родные? — На крыльцо вышла, а если быть точной, выплыла женщина в роскошном платье и с прической, высота которой заставляла меня всерьез опасаться за ее сохранность. — Райн, дорогой, представишь мне свою будущую супругу?

Мама!

То есть мачеха?!

То есть мама! Я не готова. И вообще, я хочу домой.

Все эти мысли пронеслись в моей голове в ту минуту, когда Райн произнес:

— Вам здесь не место.

Это было грубо. Нет, это было не просто грубо, это было оскорбительно, и улыбка женщины мгновенно померкла. Она сама мгновенно померкла, как будто внутри выключили свет.

Да, не такой я представляла леви Жанну, которая наказывает портних за неверно пришитые кружавчики.

— Райн, дорогой... — снова повторила она, как будто не знала, что еще сказать, а Райнхарт внезапно шагнул к ней, оставив меня за спиной.

— Вы немедленно покинете мой дом и никогда больше не переступите его порог. А если переступите — очень сильно об этом пожалеете. Я ясно выражаюсь, леви Виграсс?

Леви Виграсс?!

Я недоуменно взглянула на женщину, лицо которой сейчас исказилось, будто она собиралась плакать. Тем не менее она расправила плечи и вернулась в дом.

— Робсон, проводи гостью через черный ход. Алисия. — Мне протянули руку, которую я, к слову сказать, приняла не сразу.

Сама не знаю почему, перед глазами стояло лицо женщины, когда Райнхарт ее прогнал. Несмотря на показную уверенность, она нервничала. Я не заметила этого сразу, потому что нервничала сама, но теперь это стало более чем очевидно. Вся она, и ее прическа, и ее роскошный наряд, и ее напористое приветствие показались не более чем фасадом, за которым скрывалось что... или кто?

— Могу я спросить, кто она? — поинтересовалась я.

— Нет.

Ну разумеется.

— А что могу?

— Прости? — Райнхарт раздраженно посмотрел на меня.

— Я твоя невеста. И я не знаю о тебе почти ничего.

— Это не то, что тебе обо мне стоит знать. Эту тему мы закроем сейчас же, Алисия, и никогда больше к ней не вернемся.

— Кто бы сомневался, — хмыкнула я.

— Давай кое-что проясним. — Он остановился так резко, что я оказалась на ступеньку выше его. Робсон только что скрылся за дверями, поэтому на крыльце мы остались одни, и свет фонарей

отчетливо подчеркнул резкость его скул. Сейчас передо мной стоял гораздо больше его светлость Барельвийский, чем Райнхарт, который вроде как мой жених. — Ты — моя невеста только для остальных, и если я говорю, что тема закрыта, значит, она закрыта. Если я говорю, что надо что-то сделать — ты идешь и делаешь. Если я говорю, что тебе надо улыбаться — тебе надо улыбаться.

— Вы предельно ясно выразились, — заметила я. — Ваша светлость.

— Что? — Он нахмурился.

— Ну вы же уточняли у женщины, которую вышвырнули на моих глазах, ясно ли вы выражаетесь. Она не ответила. Зато отвечаю я: мне все предельно ясно.

— Ты даже не представляешь, что эта женщина сделала.

— И не смогу представить, если ты мне не расскажешь. Завтра я наверняка столкнусь с твоей семьей, а если не завтра — то послезавтра, на этой неделе или на следующей. И как мне прикажешь поддерживать версию о том, что я — твоя невеста, если я знаю о тебе только то, что ты — его светлость Барельвийский?

Я не стала дожидаться, пока он вернется в реальность с высоты своего королевского положения, развернулась и зашагала по ступенькам. Больше всего на свете мне сейчас хотелось натравить на него Эдера! Такое желание находило на меня с завидной регулярностью, но сейчас оно стало особенно острым.

Его светлость догнал меня у самых дверей, подхватил под локоть.

— Что, без вас мне запрещается ступать за порог? — поинтересовалась я. — А если я нарушу это правило, очень сильно об этом пожалею?

Райнхарт потемнел лицом, тем не менее толкнул двери, и мы вошли. В просторном холле нас встречал молодой мужчина: светловолосый, с коротко стриженными волосами.

— Я распорядился по поводу багажа и займусь мобильезом, — произнес он. — Приятно познакомиться, эри Армсвилл.

— Алисия, это мой камердинер, Кир. Он иногда пренебрегает нормами этикета.

— Чем делаю вашу жизнь, несомненно, гораздо более занимательной. — Кир подмигнул его светлости, но тут же сделался серьезным, взял мою руку в свою и поцеловал. — Я умею обращаться с женщинами, эри Армсвилл. Не пугайтесь.

— Даже не думала. — Я ослепительно улыбнулась. — Мне тоже приятно познакомиться, Кир.

У нас едва успели принять одежду, когда Райнхарт кивнул:

— Прошу. Ужинать мы сегодня будем в гостиной при моих покоях. Багаж разберу сам, его не так много.

— Понял. Все сделаем.

Кир испарился, и я посмотрела ему вслед.

— Очаровательный молодой человек.

— Ты так считаешь?

— Да. — Я улыбнулась. — Он мне нравится.

Райнхарт почему-то нахмурился, но я решила не обращать на это внимания. В конце концов, его светлость постоянно изображает грозовую тучу, а когда не исторгает гром и молнии, напоминает сгущающийся над морем шторм. Вот и пусть себе сгущается, а я буду наслаждаться жизнью и действовать по обстоятельствам. В конце концов они (обстоятельства) сложились как нельзя более благосклонно. Меня не прибило алой схемой, не прибило его светлостью, его светлость не прибило мной (когда я упала на него в библиотеке, и, как следствие, меня не прибиет магией), и у меня теперь даже лев есть. Очень милый, между прочим. Жаль, с ним придется расстаться...

Последняя мысль пришла ко мне в тот момент, когда Райнхарт распахнул дверь, пропуская меня вперед. В наши комнаты.

Багаж уже успели поднять — когда только успели — и зажгли светильники. Приглушенный свет расплескался по обоям, согревая виньетки винного цвета и раскаляя позолоту ножек и подлокотников. В тот момент, когда я собиралась заявить, что устала и его светлость может

ужинать в гордом одиночестве, из-за спины донеслось:

— Эта женщина — моя мать.

Что?

ЧТО?!

Я поворачиваюсь.

— Ты выставил из дома собственную мать? — Эти слова срываются раньше, чем я успеваю их остановить.

Взгляд Райана темнеет.

— Выставил. И больше она к нему не приблизится.

— Но почему?!

У меня такое в голове не укладывается. Я просто не могу поверить в то, что такое возможно, но оно возможно — только что произошло у меня на глазах.

— Когда мне было чуть больше года, ее застали с любовником. — Райнхарт говорит это мне, но смотрит сквозь, как будто я стала прозрачной. — После скандала, который последовал за разводом — отец отказался просто ее отослать, — меня несколько лет считали... как бы это помягче выразиться — не сыном своего отца. До семи лет, когда стал возможным ритуал кровной проверки с помощью магической схемы, раньше я бы этот ритуал просто не выдержал. Признаюсь честно, даже тогда в этом было мало приятного. Я достаточно полно ответил на твой вопрос, Алисия? Или ты все еще хочешь спросить, почему я выставил свою мать через черный ход?

Некоторые вещи лучше не знать, а некоторые — так вообще хочется расслышать. Недавно я думала о том, что мы с мамой жили более чем скромно... но лучше уж жить скромно, чем вот так.

— Мне очень жаль, — тихо сказала я.

— Мне тоже. Как бы там ни было, эта тема действительно для меня закрыта. В нашей семье имя моей матери под запретом, поэтому не думаю, что моя откровенность тебе пригодится.

— Твоя откровенность для меня очень важна. — Эти слова тоже были лишними, но я их все-таки сказала. Правда, не знала, что еще добавить, особенно когда взгляд Райнхарта потемнел еще сильнее. Он шагнул ко мне прежде, чем я успела вздохнуть, накрывая мои губы своими.

Это вышло неожиданно и совсем не похоже на то, что у нас было раньше — во время огненных самовозгораний. Не менее резкое, выбивающее дыхание из груди, и в то же время совершенно иное. Он как будто пробовал мои губы на вкус, скользя по ним языком и тут же осторожно прикусывая. Не в силах противиться этому странному чувству, я подалась к нему, отвечая. Вдыхая горьковато-ореховый запах и чувствуя жесткость его рта. На миг перед глазами — ослепительно-яркой вспышкой — пришли воспоминания о том, что случилось в библиотеке, и эти воспоминания, эти ощущения словно заново полыхнули в самом низу живота и краской на щеках, жаром прокатились по всему телу.

Я судорожно вздохнула, и ответом мне было хриплое рычание Райнхарта, которое оборвал стук в дверь.

Нас отбросило друг от друга с такой силой, что первое пришедшее мне на ум было: во мне снова проснулась магия. Но нет, никакой магии не было, я просто поняла, что мы оттолкнулись ладонями, одновременно, при этом губы пылали так, что воздух казался просто студеным.

— Войдите, — произнес Райнхарт. Точнее, почти прохрипел (настолько низким и глухим стал его голос), а следом едва слышно выругался. Я точно не поняла, что именно там прозвучало, но кажется, это было что-то связанное с гьердом.

— Ужин, — сообщил Кир, распахнувший дверь перед лакеями.

— Превосходно. Накрывайте.

Превосходно — это было не совсем точное слово. Сердце у меня до сих пор колотилось как сумасшедшее, я даже подавила желание прикрыть рот ладонью, чтобы никто не увидел, что творится с моими губами. Хотя сейчас мне казалось, что это видят все, и от этого голова кружилась еще сильнее.

Да что со мной вообще такое?!

Назвать себя стеснительной я не могла, никогда не была одной из тех девушек, что опускают глаза при виде мужчины или краснеют при слове «поцелуй». Но рядом с Райнхартом я скоро начну краснеть по поводу и без, потому что... потому что те поцелуи, которые показал мне он, совершенно точно заставляли щеки пылать.

Ужин накрыли быстро, лакеи ушли, а Кир приблизился, чтобы отодвинуть для меня кресло.

— Я справлюсь сам.

Вот сейчас голос Райна стал просто ледяным, но камердинер и бровью не повел.

— По-моему, тебе стоит отдохнуть с дороги, — не спасовал он, — приятного аппетита, эри Армсвилл.

Я улынулась:

— Благодарю.

Стоило за ним закрыться двери, как меня припечатали тяжелым взглядом.

— Пока ты моя невеста, Алисия, не стоит раздавать авансы моему камердинеру.

Я замерла, так и не расстелив на коленях салфетку.

— Возможно, там, где ты родилась, такое в порядке вещей. Но в высшем обществе такое неприемлемо.

— Что именно? — уточнила я. — Улыбаться и благодарить?! Зато в высшем обществе, очевидно, приемлемо постоянно указывать низшим сословиям на их происхождение. Что, несомненно, говорит о высшей степени аристократизма!

Как я вообще могла с ним целоваться?! Сейчас вопрос «что на меня нашло?!» стал еще более актуальным.

— И если уж вы так заботитесь о репутации и манерах, набрасываться на невесту с поцелуями тоже недопустимо. Не говоря уже о том, чтобы заставлять ее спать в вашей комнате.

— То есть я тебя заставляю? — процедил его светлость.

— А у меня есть выбор? — хмыкнула я. И, рассудив, что в этом разговоре пришла пора поставить точку, немедленно зажевала его собственноручно положенным себе на тарелку салатом. В конце концов, я, по словам его светлости, совершенно лишенная манер простолюдинка, поэтому могу делать, что хочу. Даже так!

Хрусь.

Хрусь-хрусь!

Салатный лист попался большой и сочный, и Райнхарта здорово перекосило.

— Прекрати это!

— Фто? — переспросила я, продолжая жевать. — Ум-м-м... фх-х-х... как фку-у-у-сссно!!! Как фумаете, фаша семья буфет от меня в фосторге?? А дфор?

— Алисия, — угрожающе произнес он.

Взгляд его потемнел до черноты, до такой черноты, что в комнате стало темно. Не только темно, но и невыносимо душно, а тело внезапно пронзила резкая боль. Внутренности скрутило так, как если бы их выжимали, как мокрую тряпку, дыхание прервалось. Райнхарт вскочил, выбрасывая вперед руку. За спиной полыхнула золотая вспышка, кажется, пришел Эдер. Я запоздало подумала о том, что так и не увидела лицо его светлости после того, как громко икну. Судорожно вздохнула и провалилась в густой непроглядный мрак.

ГЛАВА 16

Райнхарт

— С эри Армсвилл все в порядке. — Голос Кира возвращает меня в реальность и отрывает от созерцания зарождающегося за окном рассвета. — Доктора говорят, что успели вовремя. Яд тротуса очень быстро всасывается в кровь, минута промедления, и ее бы было уже не спасти. Но благодаря тебе она не просто выжила, сегодня к вечеру уже поднимется с постели, а к выходным сможет танцевать на балах.

Кир усмехается, но как-то невесело.

Мне бы выдохнуть с облегчением, но что-то не выдыхается. Потому что убийца жил в моем доме. Убийца, из-за которого чуть не погибла Алисия. Жизни моей рыжей несносной фиктивной невесте столько раз угрожала магия, что я уже сбился со счета и должен был привыкнуть. Но привыкнуть не получалось.

Одно дело — моя магия, и совсем другое — мерзавец, из-за которого пострадала она!

Едва стоило вспомнить побелевшее до цвета слоновой кости лицо, исказившиеся от боли тонкие черты, как мне хотелось немедленно отыскать заговорщика и уничтожить его собственными руками. Еще больше хотелось от души врезать себе за беспечность.

— Яд тротуса, говоришь?

— Да, — кивает камердинер. — Даже не схема. Яд. Я вообще не помню, чтобы его кто-то использовал со временем правления рода Борчелло. Потому что даже само изготовление именно этого яда опасно. Хотя, надеюсь, мерзавец, который это сделал, сам отравился!

— Сомневаюсь.

Кто бы это ни сделал, он вряд ли собирался рисковать собой.

— Что с лакеем, который отравил еду? — интересуюсь я, потирая виски, которые так некстати простреливают болью.

— Мертв. Принял дозу яда. Сейчас его светлость Марирский и Тайная канцелярия разбираются с тем, использовали ли на нем схему внушения, или он сделал все по собственной воле.

По собственной воле...

Кому вообще из моего окружения можно доверять?

Например, Киру.

Мы знакомы со времен обучения военной службе. Кир родился в очень бедной семье, но когда у мальчика обнаружился сильный магический дар, родители продали его в королевскую магическую школу, где он стал лучшим учеником. Мой камердинер — талантливый боевой маг, разбирающийся в самых сложных схемах. Он не раз и не два доказывал, что на него я могу положиться, как на себя. И я никогда не ставил под сомнение его преданность...

Но недавние события и новые знания вовсе ставили под сомнения все, что мне было известно до этого.

— Это моя ошибка, Райнхарт. — Кир, как обычно, чувствует мое настроение. — Я проверял еду на действие схем, но не на яды. Ты вправе отстранить меня от должности.

Я всматриваюсь в лицо человека, которого всегда считал своим другом. Хотя почему «считал»? Считаю до сих пор. Обычно улыбчивый Кир сейчас сосредоточенный и мрачный. Неужели решил, что я его отошлю?

— Нет. Будешь и впредь отдуваться на службе у меня и защищать меня и мою невесту в три раза бдительнее.

Плечи Кира слегка расслабляются, он кивает. Но во взгляде сверкает сталь — второй ошибки маг не допустит.

— И держи меня в курсе того, что удастся выяснить герцогу Марирскому.

— Сразу сообщу, когда станет что-либо известно.

— Хорошо. А сейчас — свободен.

Кир приподнимает бровь:

— Свободен? Тебе больше не нужна моя помощь?

— Нет. Я еще немного посижу здесь, — я киваю на диван, на котором, собственно, и сижу, — а потом отправлюсь спать.

Камердинер понимающе кивает и уходит.

Не знаю, что он там понимает, но мне совершенно не хочется никому показывать, что любая попытка встать с гьердова дивана роняет меня обратно на него. Боль пульсирует в висках, а слабость растекается по всему телу.

Однажды я уже испытывал подобное. При первой попытке создать маджера.

Магическое истощение.

У меня магическое истощение.

Которого у меня в принципе не должно было быть. Его не бывает у тех, у кого нет магии. Но когда Алисия вскрикнула и побелела лицом, я даже не задумался об этом. Просто по привычке, вбитой в меня годами, воссоздал замедляющую схему и влил в нее всю силу, которая у меня была. Схема не должна была сработать, у меня не было магии. Но она каким-то непонятным образом ко мне вернулась, плеснула в ладони и замедлила действие яда, затормозив все процессы в теле Алисии.

После я расплачивался за перерасход сил и сидел на диване, пока Кир и доктора спасали жизнь моей невесты. Расплачивался и расплачиваюсь. Даже доползти до кровати не могу!

Но все это сущий пустяк по сравнению с тем, что ко мне вернулась магия. Пока что странная и не совсем подвластная мне, но она снова со мной. И это хорошая новость. Просто отличная! Сон и еда без ядов — и я сам смогу танцевать на балах, но...

Если магия ко мне вернулась, то весь этот маскарад с невестой мне больше не нужен. Сегодня я поблагодарю Алисию и, когда она оправится после случившегося, отправлю ее домой.

Я собираюсь подняться и проверить, как там Алисия, а в следующее мгновение просыпаюсь от яркого утреннего солнца, льющегося сквозь тонкие шторы.

Я что, заснул?

Боль в висках исчезла, но во сне я сполз вниз, из-за этого у меня жутко затекли спина и шея. Впрочем, все это мелочи по сравнению с тем, что ко мне вернулась магия.

Я не чувствовал в себе сил немедленно создавать новые схемы: вчерашняя выпила ресурс дочиста. Но ошибки не было — магия вновь струилась по телу тонкими ручейками. Пока что едва уловимыми, но я знал, что к вечеру или к следующему утру они наберут силу. Я всегда восстанавливался быстро.

Магия вернулась, и теперь мне не нужно тратить время на создание антисхемы. Я потрачу его на поимку этого мерзавца, из-за которого чуть не погибла Алисия. Дважды.

Алисия.

Я иду в спальню, где на большой кровати, обняв руками подушку, безмятежно спит она. Край сорочки сдвинулся с плеча, обнажая нежную кожу. Даже во сне она умудряется выглядеть соблазнительной и желанной. Даже несмотря на то, что бледность так и не исчезла, а на щеках горят два ярких пятна — естественный жар после того, как ее пытались отравить. Но от вида этих пятен яркое желание разбудить ее поцелуями сменяется таким же нестерпимым желанием вырвать руки и ноги тому, кто все это устроил.

Хотя стоило начать с себя, потому что именно по моей вине она постоянно рискует жизнью. Точнее, рисковала.

Сегодня, завтра, а может, к концу недели все изменится.

— Райн?

Я так увлекаюсь мрачными мыслями, что ее едва различимый шепот сначала кажется плодом воображения. Но потом длинные ресницы подрагивают, и Алисия приоткрывает глаза.

— Я здесь. — Я опускаюсь на постель рядом с ней и осторожно сжимаю ее тонкое запястье. — Хочешь воды?

Она кивает, и я наливаю немного воды в бокал из графина на тумбочке. Кир постарался: на дне прозрачного стекла начерчена схема против ядов, а в графине оказывается еще и камень орлиного глаза. Сейчас он темно-серый, но если бы вдруг воду тоже отравили, он бы сделался ярко-желтым.

Я возвращаюсь, подкладываю подушки под спину Алисии и помогаю ей сесть. А потом подношу бокал к ее губам, потому что сама она настолько слаба, что не может держать его в руках.

Она пьет жадно и прилагает для этого все свои усилия — об этом говорят капельки пота, выступившие на лбу, а потом так же тихо спрашивает:

— Что... случилось?

— Ты отравилась. Салатом.

— Пищевое... отравление?

Я пообещал говорить ей обо всем, что с ней связано, поэтому решаю сказать правду:

— Еду отравили. Яд предназначался мне, но ты снова меня спасла. — Я невесело улыбаюсь, вертя пустой бокал в руках.

Глаза Алисии расширяются, а мне приходится наклониться ближе к ней, чтобы расслышать новый вопрос:

— Как я выжила?

— Я создал схему, которая замедлила действие яда, и доктора с помощью магии успели вывести эту дрянь. Теперь тебе нужно набираться сил.

— Как?

— Отдыхать и пить восстанавливающий чай.

— Как ты это сделал?

На этот раз даже голос у Алисии звучал тверже, она посмотрела на меня испытующе.

— Ко мне вернулась магия, — признаюсь я.

— А Эдер? Где он?

Я хмурюсь: значит, я тут такие новости сообщаю, а она думает только о маджере.

— Полагаю теперь он вместе со мной, но я истратил весь ресурс, так что позвать Эдера у меня получится нескоро.

Взгляд Алисии гаснет, она будто истратила все силы. Расстроилась из-за хвостатого, гьерд бы его побрал?

— Значит, тебе больше не нужна невеста. — Не вопрос, констатация факта, который я и так знаю.

Ко мне вернулась магия, а значит, Алисия больше не рискует сгореть. Нам необязательно находиться рядом друг с другом, и она может уехать. Должна! Желательно покинуть Барельвицу, потому что сейчас, пока заговорщики не пойманы, даже в статусе бывшей невесты она остается под угрозой. И совсем немного потому, что я буду знать, что мы с ней в одном городе и не можем даже встретиться.

Тогда почему мне хочется рычать при одной только мысли об ее отъезде?

— Не нужна.

— Замечательная новость.

— Чудесная.

Теперь она смотрит не на меня, а в окно.

— Значит, я могу уехать.

— Ты не можешь это сделать, пока не понравишься.

— Но я должна. Хочу.

— Не можешь, — отрезаю я. — И не уедешь, пока я не объявлю о разрыве помолвки.

Алисия изумленно моргает:

— Как можно разорвать то, чего не было?

— Было. — Я киваю на кольцо на ее пальце. — Пусть я еще не объявил о нашей помолвке официально, но о ней уже знает вся Барельвица. Это значит, что мне нужно сначала объявить о том, что я женюсь на тебе, а после о том, что передумал. Точнее, мы оба передумали.

— Сразу нельзя?

— Нет, Алисия. — Я отставляю бокал в сторону и сжимаю ее ледяные пальцы в ладонях. — Это политика, а я эрцгерцог и будущий король. Все должно быть по правилам. К тому же так не пострадает твоя репутация.

— И женихи выстроятся.

— Куда выстроятся? — не понял я.

— В очередь.

С каких это пор ее интересуют женихи?

— Тебе никогда не говорили, что у тебя странное чувство юмора?

— Получше твоего, — фыркает она и прикрывает глаза. — Неделя, Райн.

Алисия говорит тихо и коротко, но я ее понимаю. Она хочет уехать через неделю, и я сам собирался ее отпустить.

— Ты можешь остаться.

Она распахивает глаза и смотрит на меня испытующе, а потом твердо отвечает:

— Нет.

Я знал, что Алисия принципиальная, что раньше она уже отвечала отказом стать моей арэнэ, но сейчас новый отказ поднимает в груди волну ярости, которую я гашу единым порывом.

— Я тебя услышал. Отдыхай.

Я сжимаю кулаки и покидаю спальню. Не сейчас. Это не то, о чем нужно думать в эту минуту. Нужно разобраться с отравителем.

Я отправляю записку Себу, и вместо ответа советник приезжает ко мне лично. Помимо него я приглашаю в кабинет Кира: все-таки пока я приходил в себя на диване, расследованием занимался он.

§ — Что с телом, Себ?

— Следов алой схемы внушения не обнаружили.

— Значит, он это сделал по собственной воле.

— Относительно, — хмурит седые брови герцог Марирский. — Мы нашли записки, в которых твоего лакея шантажировали жизнью сестры.

Гьерд! Сколько еще людей должно пострадать из-за этих ублюдков?

— Вопрос в другом, — продолжает Себ. — Кто вообще мог желать смерти твоей невесте?

— Не ей, — поправляю я. — Мне.

Он оглядывается на Кира, стоящего возле двери.

— Ты не сказал ему?

— Не успел. Ваша светлость, я все тщательно изучил, и новые факты позволяют предположить, что отравить хотели не вас, а эри Армсвилл.

Чушь!

Охоту устроили на меня, Алисия никому не мешала. Или...

— Какие именно факты?

— Салат.

— Салат?!

— Яд тротуса разлагается при температуре выше десяти галлей, поэтому его добавили в салат.

Логично. Меня даже сейчас слегка передергивает, когда я представляю, что было бы. Начни мы есть салат одновременно, умерли бы оба. Даже Эдер не помог бы. Маджер способен развеять простую схему, справиться с магическим нападением, но против ядов он бессилен. Вероятнее всего, на это и был расчет. Но...

— Я терпеть не могу салат.

С детства. Я его никогда не ем. Хрустящая мерзость!

— Именно! — Кир приподнимает брови. — Яд был исключительно в салате. Не в горячем — это было бы бессмысленно, но и не в закусках с розовой рыбой. Твоих любимых.

— Это значит, — подтвердил Себ, — что, возможно, отравителю не очень хорошо известны твои привычки...

Я мрачнею. Тот, кто планирует от меня избавиться, тот, кто готовил такой яд, явно изучил бы мои вкусовые предпочтения вдоль и поперек.

— Или известны слишком хорошо.

И его целью действительно была Алисия.

Ей нельзя уезжать!

Ей. Нельзя. Уезжать.

Жизнь Алисии в опасности.

Я даже поблагодарю пока что неизвестного мне отравителя. После того, как оторву ему голову.

— Благодарю за тщательное расследование, господа, — говорю, поднимаясь, — но сейчас мне нужно узнать, как самочувствие моей невесты.

Кир кивает, а вот герцог Марирский преграждает мне путь.

— Кстати, о невесте. Как так получилось, что ты решил жениться на эри Армсвилл?

— Это долгая история, Себ. Расскажу в следующий раз.

Я выхожу из кабинета и направляюсь к Алисии.

— Неделя растягивается на неопределенный срок, дорогая невеста, — говорю, буквально врываясь в спальню, и замираю на пороге.

Алисия сидит, опираясь на гору подушек и чешет золотую гриву взгромоздившегося на постель маджера.

ГЛАВА 17

Алисия

С Эдером я чувствовала себя спокойно. Настолько спокойно, что забыла о том, что меня хотели отравить... точнее, отравить хотели Райна, но я это съела. К счастью, потому что, окажись на моем месте он, я бы точно ничего не смогла сделать. Представить, что на моем месте оказывается он, было страшно, хотя страшно, наверное, не то слово. Поэтому да, к счастью.

Лев появился в тот самый момент, когда мне стало совсем одиноко и страшно, и развеял все дурные мысли. Просто запрыгнул ко мне на постель и занял большую ее часть, укутал меня крылом и принялся порывивать. Я была не сильна в поведении маджеров, но это было похоже на попытку успокоить. Не знаю, что грело меня сильнее — его присутствие или то, что Райн решил его ко мне прислать.

Наверное, и первое, и второе.

Повернувшись на постели, я запустила пальцы в густую теплую магическую гриву и принялась чесать Эдеру ухо, как он любит. Никогда бы не подумала, что мне будет так отчаянно грустно с ним расставаться. С ним и с его совершенно невыносимым создателем, который... который был моим фиктивным женихом целых два дня?

Мне казалось, что прошла целая вечность или даже больше, а прошло всего несколько дней с той минуты, как я оказалась под алой схемой, в Тайной канцелярии, а после и в Эдельз Грин. Даже к лучшему, что все так быстро закончилось, потому что если мне сейчас кажется, что мы знакомы всю жизнь, что было бы через неделю?

— Р-р-р-р-р!

Довольное «Р-р-р-р-р!!!!» придало мне сил. Я даже приподнялась и притянула Эдера к себе, уткнувшись носом в шелковистую гриву. Она пахла немного медом, немного свежестью — такой, какая бывает после сильной грозы. Вот кто вообще может сказать, что это создание просто магический сгусток?

— А ты не хочешь со мной поехать? — спросила я, отстранившись и заглядывая Эдеру в глаза.

— Р-р-р-р!

— Да, р-р-р-р! Представляешь, идем мы с тобой по городу, и все вокруг...

Что «все вокруг», я Эдеру рассказать не успела, равно как и о том, что там есть море, очень теплое море (интересно, маджеры любят купаться?).

Все потому, что в комнату ворвался Райнхарт, с ходу выдавший следующее:

— Неделя растягивается на неопределенный срок, дорогая невеста!

В эту минуту я забыла про море и про то, что собиралась его поблагодарить за маджера. За то, что прислал его ко мне, когда Эдер был мне так нужен.

— С чего бы это? — уточнила я.

Ответа на вопрос, правда, не получила: Райнхарт смотрел на льва.

Лев смотрел на него. Словом, у меня на мгновение возникло чувство, что я тут третья лишняя. И даже обидно стало, просто вот очень обидно! Я тут, понимаете, его глажу, даже имя ему придумала, а как только магия вернулась к владельцу, я, значит, могу идти отдыхать?

— Кхм, — напомнила о себе, потому что Райн продолжал смотреть на льва. — Я спросила, почему у вас что-то опять растягивается.

— У тебя. — Его светлость наконец-то переключился на меня.

— У меня ничего не растягивается!

— Я имею в виду, мы на «ты». По-прежнему. Так и останется, пока я не разберусь с тем, что произошло.

Я приподняла брови:

— С чем именно?

— С покушением.

— С которым?

Райнхарт приблизился и коснулся гривы Эдера. Тот полыхнул и исчез.

— С последним, — отозвался он, пристально глядя на меня. — Вскрылись новые обстоятельства, в свете которых я не могу тебя отпустить, пока все не решится.

— Какие именно?

— Это секретная информация.

— Секретная информация?! — Я сложила руки на груди. — С каких это пор между нами секреты, ваша светлость?

Если бы его светлость не стоял так близко, было бы вообще чудесно. А он мало того что стоял, так еще и опустился рядом со мной на постель, снова касаясь моей руки. Если бы кто-нибудь мне сказал, что одно, всего лишь одно прикосновение мужчины способно вызывать волну жара и желание податься вперед, чтобы его продлить, чтобы безумно долго впитывать это прикосновение всей кожей, я... я бы всех мужчин обходила стороной! А этого — особенно! Потому что только Пресветлый знает, что я сегодня на миг (а этого уже более чем достаточно!) задумалась о том, как живут арэнэ.

Ну уж нет!

Я отняла руку.

— Наше с вами сотрудничество, — сказала, вложив в свой голос как можно больше вежливой отстраненности, — изначально строилось на том, что мы на равных условиях. И если вы хотите, чтобы я осталась, я должна знать о том, что происходит.

— Вы правы. — Райн убрал руку и тут же поправился: — Ты права. Давай вернемся к тому, с чего начали, Алисия. Похоже, что отравить хотели тебя.

Надо, наверное, уже привыкать к тому, что если у тебя кровь королевская, то на тебя постоянно падают убийственные алые схемы, а еще твоих невест постоянно пытаются отравить и где-то в перерывах между этим приходится решать государственные проблемы.

— Зачем кому-то травить меня? — уточнила я, и рядом снова возник Эдер. — Спасибо, кстати.

— Спасибо? — Его светлость прищурился.

— Да. За Эдера. Тогда, когда ты его мне отправил, я действительно... — Зачем я все это говорю? — В общем, спасибо.

Такого Райнхарт явно не ожидал, потому что снова слегка задумался. Именно так я называла это выражение отстраненности на его лице, когда он смотрит на Эдера так, будто видит впервые.

— Пожалуйста, — сообщил он наконец. — Отравить тебя хотели, видимо, из-за близости ко мне...

— Тогда нам надо как можно скорее расторгнуть помолвку.

— Нет! — Это прозвучало резко. — Нам надо как можно скорее выяснить, кто это сделал. Только после этого я смогу тебя отпустить.

А если я не хочу отпускатся?

Совершенно сумасшедшая мысль упала на меня, как мог бы упасть Эдер при неудачном возникновении. С потолка. Мне захотелось зажмуриться и сбежать, как можно дальше, лучше сразу в Гриз, где знакомая обстановка вытряхнет из меня подобные мысли сразу и навсегда, тем не менее я спросила:

— Почему?

— Почему?!

— Какое тебе дело до того, отравят меня или нет?

Райнхарт сдвинул брови:

— Если бы тебя уже не отравили сегодня, Алисия, я бы устроил тебе хорошую взбучку.

— Хорошую взбучку вы можете устраивать своей жене... и невесте, настоящей разумеется, — хмыкнула я, — а я тут совершенно ни при чем, так что...

Вместо ответа Райнхарт резко подался ко мне. Я не успела отстраниться, вообще двинуться с места не успела, когда меня рывком притянули к себе.

— Ты всегда ни при чем, — выдохнул он мне в губы. — А я, между прочим, чуть с ума не сошел, когда ты потеряла сознание.

Я вздрогнула. То ли от горячего дыхания, коснувшегося моих губ, то ли от смысла слов, который дошел до меня не сразу. Он проникал в меня урывками, как ощущение горячих ладоней на моей талии, поверх сорочки: там, где его пальцы касались ткани, она становилась совсем тонкой и будто бы растворялась.

— Вы... ты...

Это было совершенно неправильно: и эти слова, и эти прикосновения. И эти мысли, которыми меня накрывало, когда я думала о том, что могли отравить его, но все это было, и отрицать больше не имело смысла.

— Райн, не надо. — Я положила ладони ему на грудь. — Ты знаешь, что я никогда не стану ни твоей арэнэ, ни твоей женой, а я не хочу так. Не хочу, чтобы...

— Ты уже моя, Алисия, — произнес он. — И я не хочу тебя отпускать. Не хочу с тобой расставаться. Ни на минуту.

Я покачала головой:

— Нет, ты меня не слышал. Я же только что сказала тебе, что я не могу так. Не смогу стать твоей любовницей, а потом просто перешагнуть — и забыть все, что было.

— Нет, это ты меня не слышала, — произнес он, и я судорожно вздохнула. От его близости кружилась голова, еще больше она кружилась от осознания того, что я могу дотянуться до его губ. Сама. Накрыть их своими и поддаться сумасшедшему наваждению, чтобы его смыло, как крошечную гальку тянущей силой волны. — Я сказал, что ты моя, Алисия. Ты остаешься со мной.

— Подведем итог, — сказала я, загибая пальцы. — Ты сможешь меня отпустить только после того, как выяснишь, кто пытался меня отравить, но отпускать меня ты не хочешь. И не отпустишь, потому что я твоя. Твоя — кто?

Не сказать, что логика была моей сильной стороной, но в данном случае она явно была кстати и повергла моего слегка (или не слегка) фиктивного жениха в состояние, которое я называла «Райнхарт задумался». Сейчас, правда, он задумался ненадолго, посмотрел на меня в упор и раздраженно прищурился:

— Тебе обязательно все портить, Алисия?

— Что именно портить? — уточнила я.

— Что именно? Тебя не смущает, в какую сторону повернулся наш разговор?

Смущает. Хотя гораздо больше меня смущает то, что мой взгляд так и тянет к его губам, но об этом ему сообщать вовсе не обязательно.

— Нет, — честно соврала я. — Но я уже объяснила, что не смогу быть твоей арэнэ и женой не смогу тоже. По понятной причине. А это значит, что всякие отношения между нами исключены.

Я договорила до конца и только сейчас поняла, что сказала вслух. Женой. Женой! Пресветлый, оторви мне язык и засунь его в... нет, это точно не то, о чем стоит просить Пресветлого.

— Помимо арэнэ и жены существует еще несколько вариантов.

— Какие? Любовница выходного дня или любовница трудовых будней?

— Многие сочли бы за честь, — хмыкнул Райнхарт.

Не сомневаюсь.

— Но не я. В моих планах на жизнь совершенно точно не стояло «стать любовницей эрцгерцога, которую постоянно пытаются отравить».

Его взгляд привычно уже потемнел. Настолько, что на сей раз мне захотелось оторвать себе язык без помощи Пресветлого (или любого постороннего вмешательства), и когда он поднялся, я резко почувствовала странную пустоту внутри. Как будто меня встряхнули, и из меня высыпалось все, что я только что чувствовала.

— Прагматизма тебе не занимать, Алисия.

— Что есть, то есть.

— Отдыхай и поправляйся.

— Этим и займусь.

— Этот артефакт, — его светлость кивнул на лежащую рядом с графином крохотную шкатулку, на первый взгляд напоминавшую просто декоративный элемент, — позволит тебе пригласить слуг, если что-то потребуется. Просто открой ее, и схема разомкнется. Тот, что я дал тебе в Эдельз Грин, тоже держи при себе. Сейчас он у тебя под подушкой.

Ладонь неосознанно скользнула под подушку. Сама не знаю почему, но этот металлический кругляш, мой самый первый артефакт, который я увидела, был со мной постоянно. Я так или иначе носила его с собой, не расставалась ни на минуту, но после отравления... Пальцы наткнулись на тонкую пластинку, и почему-то разом стало легче. Видимо, я воспринимала его как оберег.

— Зачем? — спросила я. — Магии во мне больше нет.

— Но мы не знаем, какие могут быть последствия того, что случилось.

— А могут быть еще и последствия?

— Последствия могут быть всегда, Алисия, — холодно и скупно произнес Райнхарт. — Именно поэтому ты остаешься.

На этом наш разговор можно было считать законченным, но он почему-то не сразу вышел из комнаты. Стоял и смотрел на меня, как будто ждал, что я еще что-то скажу, но я не сказала. Сделала вид, что хочу спать, закуталась в одеяло и отвернулась.

Только когда за спиной хлопнула дверь, глубоко и судорожно вздохнула. Дотянулась до круглой пластинки, сжала ее в ладони, и услышала знакомое «Р-р-р» за спиной.

— Эдер!

Лев не стал запрыгивать на кровать, хотя тут хватило бы места еще и для его львицы. Обошел кушетку в изножье, сел рядом и положил голову мне на подушку. Я коснулась роскошной гривы, думая о том, что Райн снова прислал его ко мне. И что когда я уеду, мы больше не увидимся, но Райн снова прислал его ко мне! Только об этом я и могла сейчас думать. Еще совсем немного о словах, брошенных ему сгоряча, и о том, что, если бы этих слов не было, наш разговор мог бы закончиться совершенно иначе. А после я бы согласилась и на любовницу, и на арэнэ. Потому что еще никогда я не была так близка к этой глупости, как сегодня.

ГЛАВА 18

Райнхарт

Любовница выходного дня. Это же надо такое придумать!

Просто потрясающее название для истории, в которую я влип как пчела в мед, или, скорее, как муха в... М-да, такое лучше не представлять. Хотя, наверное, не зря Алисия начинающий драматург. Талантливый и перспективный. Пусть даже сейчас мне совсем не до ее писательских талантов и перспектив. Перед глазами по-прежнему ее нежные губы, которых я едва коснулся. Которых касался вчера. И она отвечала мне.

Гьерд ее заberi, Алисия хочет меня не меньше!

Было бы гораздо проще, окажись она одной из придворных дам, пресыщенных развлечениями и изнывающих от скуки, но заинтересованных в том, чтобы укрепить свое положение при дворе. Или же будь Алисия восторженной простушкой, счастливой от самого факта, что на нее обратил внимание эрцгерцог Барельвийский.

Но если быть честным с самим собой, то на простушку я бы даже не посмотрел, а с придворной дамой провел пару ночей и забыл. Я вообще не задумывался о том, что с женщинами может быть так сложно, пока одна неугомонная особа не врезалась в меня золотисто-рыжей молнией.

Алисию забывать не хотелось.

Точнее, очень хотелось, но она не забывалась.

Не забывалась настолько, что становилось понятно парой ночей здесь не обойтись. Я хочу ее себе. Хочу. Хочу сделать постоянной фавориткой. Хочу дать статус, о котором мечтает каждая.

А эта женщина — что? Отказывается!

Немыслимо.

Как бы там ни было, я не намерен отказываться от своих слов и отпускать ее. А в свете открывшихся обстоятельств это вовсе может быть опасно.

Начать хотя бы с покушения на Алисию...

Нет. Начать нужно с вернувшейся ко мне магии.

В том, что она вернулась, у меня сомнений не возникало. Покинув спальню, я начертил в воздухе детскую по сложности схему светлячка, и на ладони вспыхнула яркая искра. Правда, проявление такой простой магии тут же отозвалось болью в висках и резью в глазах, но я понимал, что еще недостаточно восстановился.

Магия была со мной. Она вернулась ко мне.

Тогда что Эдер делает возле Алисии?

Несмотря на новый приступ слабости, я отправился в библиотеку. Она была не такой большой, как в Эдельз Грин, но сюда уже успели доставить книги и свитки, которые я отобрал. Одним из них как раз был фолиант о маджерах, и я начал с него.

Я всегда считал, что знаю о магических защитниках все. Алисия, наоборот, упирала на то, что мой лев не совсем обычный маджер. Увиденное сегодня это подтверждало, поэтому я решил освежить свою память и знания.

Увы, составитель книги тоже придерживался мнения, что маджеры служат своему создателю. Они защищают исключительно его, а не его родителей, детей, жен, уем более фавориток. Они привязаны магией. Точка.

Тогда что эта львиная морда забыла возле Алисии, если она должна быть привязана магией ко мне? Морда, а не Алисия!

Хотя я был бы совсем не против второго.

Привязана магией...

Значит ли это то, что часть моей силы по-прежнему с ней?

В следующий час, а может два, я окопался в трактатах, где говорилось про передачу магии, но везде писали одно и то же: разделить магию на двоих невозможно. Обменять — да, но не располовинить.

Нерийские обряды, чтоб их! Все авторы ссылались именно на них.

Это было хорошее объяснение. Идеальное.

Можно было даже пренебречь тем, что о спонтанных обратных обменах тоже нигде не указывалось...

Пока лев не пришел к Алисии.

Игнорируя покалывание в висках, я мысленно позвал маджера, но отклика не получил. Словно сила у меня была, а вот защитника не было.

Тогда я начертил схему призыва, поморщился от боли, но все-таки вложил в нее всю силу. И...

Результат был тем же.

Это означало одно — моя сила и мой маджер по-прежнему у Алисии.

А у меня... ее магия?!

— Мне необходимы списки детей, которым запечатали магию. За двадцатые годы. Немедленно.

Видимо, мой тон, или мой вид, или все вместе было настолько угрожающим, что архивариус шарханулся от меня в сторону. Зато так же быстро испарился в поисках нужных документов.

Я здорово рисковал, оставляя Алисию одну. Даже если брать в расчет, что это только предположение. О том, что у нее есть магия.

Что у нее была магия.

Но если оно подтвердится, если я найду ее имя в списках, это будет означать, что ей по-прежнему грозит опасность сгореть.

Поэтому в Королевский архив я прибыл, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения. Отдал приказ и принялся расхаживать по кабинету. Архивариус не подвел: бумаги принесли минут через десять. По крайней мере если верить большим напольным часам, хотя для меня время растянулось и превратилось в бесконечность.

— Благодарю. Свободны.

В те годы оказалось не так уж мало детей с запечатанной магией. В большинстве своем это были девочки со слабой силой и из несостоятельных семей, у которых не было возможностей и желания эту силу развивать. Печать, сложную оранжевую схему, накладывали маги со специальным разрешением проводить такую процедуру. В присутствии родителей и двух независимых свидетелей. Данные о процедуре вносились в специальные журналы, заверялись подписью уполномоченного мага, а копии отправлялись сюда, в Королевский архив в Барельвице, где их вносили в такие списки.

Если Алисии в детстве запечатали магию, значит, здесь просто обязано быть свидетельство об этом.

Если магия Алисии была запечатана, это многое объясняет.

Почему она сразу не сгорела от моей силы.

Почему так легко научилась звать маджера.

Почему вообще увидела алую схему, которая предназначалась мне!

Кстати, о схемах. Печати считаются нерушимыми, даже другая оранжевая схема не способна разрушить оранжевую. Но действие алых непредсказуемо.

Запретная магия способна на многое. Даже разрушить любую другую схему.

Что же касается списков, сложность была в том, что я помнил дату рождения Алисии (из ее досье в Тайной канцелярии), но я не знал, когда запечатали ее силу. Печать наносили в шесть-семь лет, бывали случаи, когда ее делали в пятилетнем возрасте или в десятилетнем. Алисия утверждала, что магии у нее нет, значит, просто не помнила сам ритуал, наверняка была слишком мала, но я все

равно проштудировал другие годы.

Я нашел Пруденс Армсвилл из Бротта, а еще Алисию Кремтон и Алисию Валкие, но Алисии Армсвилл в списках не было.

Стоило признать, что я ошибся.

Ошибся, или...

Моя фальшивая невеста не так проста, как кажется.

Могли ли запечатать силу и не сделать об этом пометку в журнале? Законно — нет. А вот незаконно... Алисия могла оказаться вовсе не Армсвилл.

Предположение еще более безумное, но если принимать в расчет все безумие, что происходило со мной в последние дни, это стоило проверить.

Следующим моим пунктом назначения стало здание Тайной канцелярии, где я ожидаемо встретил герцога Марирского. А вот он, судя по виду, меня не ждал.

— Райнхарт? Что ты здесь делаешь?

— У меня к тебе просьба. — Я решил обойтись без предисловий, тем более что мне нужно было возвращаться. — Узнай все о моей невесте.

— Об эри Армсвилл?

— Да, о ней. Других невест у меня нет.

Себ нахмурился:

— Значит, это все-таки правда? Ты женишься на ней. Почему?

— Я влюбился как мальчишка.

— Ты? Влюбился?

— Ладно, оставим любовь поэтам, — согласился я. Себ знает меня с детства, поэтому вряд ли поверит в эту чушь. Но и правду я не готов ему рассказывать. — Эта женщина ворвалась в мою жизнь, и я понял, что не хочу ее отпускать. Не хочу и не стану.

Если можно было нахмуриться еще больше, герцог это сейчас сделал.

— Обычно я не даю советы, о которых не просят, но, Райн, ты уверен? — Он понизил голос и придвинулся ко мне ближе. — Мы говорим о судьбе всей Леграссии. Тебе не простят этот союз. Герцог Полинский, мягко говоря, не обрадуется, он спит и видит свою дочь будущей королевой. Он бы смирился, выбери ты принцессу, но не девушку из народа. Другим тоже вряд ли понравится эри Армсвилл на троне. Уже не нравится, если учитывать ночное покушение. Райнхарт, если ты женишься на ней, восстания не избежать.

Я об этом знал.

Двор не простит новому королю мезальянс. Моему отцу не простили, хотя он был эрцгерцогом. Ему пришлось очень долго восстанавливать свое доброе имя, в том числе и женитьбой на мачехе. Отца больше нет, а вот историю его первого брака обсасывают до сих пор, и, уверен, вспомнят еще не раз, когда мы с Алисией появимся при дворе. Поэтому сейчас я не жалел, что все ей рассказал. Но дело не в том, что скажут или не скажут: даже один Полинский способен раздуть пламя восстания, которое сожрет не одну жизнь.

Будь Алисия моей настоящей невестой, возможность мятежей действительно бы меня волновала, но она не моя невеста.

И ошибок отца я повторять не намерен.

Впрочем, слова Себа подтверждали, что даже он поверил в мой обман.

— Я не допущу восстания, — заявляю я, и это чистая правда. — И все-таки я здесь для другого. Узнай все о моей невесте.

— У тебя есть причина не доверять ей?

— Я доверяю Алисии, как себе, — сухо поправляю я. — Но возможно, в ее прошлом случилось то, о чем она сама не знает. Мне нужно об этом знать. Кто ее мать? Кто отец? Еще меня интересует ее

магический потенциал.

— Для ваших будущих детей, я полагаю.

Я едва не поперхнулся воздухом. Какие дети? Мы даже ни одной ночи вместе не провели!

Пока.

— Нет, о детях мы пока не думали. Но информация мне нужна как можно скорее.

— Ты мог бы не просить меня, Райн. Я все равно бы узнал об эри Армсвилл все, потому что она — будущая королева. Но я даю слово, что ты первым узнаешь обо всем, что станет известно моему ведомству.

Я и так потратил достаточно времени, поэтому сразу повернул в сторону дома. Прокручивая и прокручивая в голове все, что удалось узнать. Начиная с того, что теперь во мне магия, и заканчивая словами Себа про возможный мятеж. Тайная канцелярия займется прошлым Алисии, а пока я могу проверить направленность ее магии. Что же касается восстаний, я собирался решить проблему с покушениями до того, как вспыхнет пламя.

Пламя ненависти знати. Пламя восстания. Пламя Алисии, которое действительно существует.

Сворачивая на подъездную дорожку, я подумал, что гости слишком зачастили в мой дом.

Возле лестницы, ведущей к крыльцу, стоял черный мобильез Зигвальда.

ГЛАВА 19

Алисия

Мне не спалось. Ворочалось хорошо, но не спалось, поэтому, покрутившись так с час, я решила, что лучше подняться и немного пройтись. Эдер, до этой минуты просто лежавший рядом, тут же вскочил. Осознав, что падать я не собираюсь (наверное, мы с ним осознали это одновременно), лев рыкнул и мотнул головой в сторону двери. Что самое интересное, в то же мгновение я подумала, а не спуститься ли мне.

Вот тебе и сгусток магии!

Эмпатия в нем точно есть, а что есть еще?

Книга про маджеров должна была быть где-то в этом доме, поэтому я решила — спускаюсь! Открыла шкатулку-артефакт, и спустя несколько минут в комнату уже впорхнула горничная. Которая, увидев меня, тут же запричитала:

— Эри Армсвилл, вам не стоило подниматься! Ложитесь, ложитесь обратно, а я вам принесу все, что попросите...

— Мне нужно одеться, — прервала я поток советов. — Хочу спуститься вниз и кое-что почитать.

— Что? Давайте я вам принесу любой роман, какой только скажете! Лучше почитаете в постели... Раздвинем шторы, и...

— Книгу про маджеров.

Поток многословия иссяк, горничная недоуменно на меня посмотрела, а я прикусила язык. Ой, вот нужно было мне говорить об этом! Совсем, напрочь забыла, что это тайная тайна и секретный секрет. Ладно, ничего страшного я пока не сказала, впредь буду осторожнее.

— Я интересуюсь созданием его светлости, — как можно более незначительно произнесла я.

Создание возмущенно рыкнуло.

— Да, но... Но книги из библиотеки его светлости берет только он или его камердинер. Я должна узнать...

— Просто помогите мне одеться, я спущусь вниз и во всем разберусь сама.

Горничная решила, что спорить со мной себе дороже, поэтому спустя час (Пресветлый, какой ужас!) я была готова к тому, чтобы спуститься. К этому времени голова у меня уже кружилась не постоянно, а раз в десять минут, легкое домашнее платье от эрины Нерелль — из кремового атласа, со сливочным кружевом, подчеркнувшим лиф и рукава, дополнительно расшитые бусинами, в Гризе вполне сошло бы для вечернего выхода. Но я сейчас была в Барельвице, поэтому пришлось признать, что это домашнее платье. Создающее за счет короткого рукава более чем весеннее настроение.

Стоило вспомнить весну — и отчаянно захотелось на море. Еще два месяца, и можно будет с разбегу влететь в волну, заливаясь смехом, не думая о том, кто и что скажет о твоей репутации. С другой стороны, через два месяца я уже в любом случае буду на море.

Волосы я попросила оставить распущенными, но горничная только головой покачала: нельзя, это называется простоволосая, поэтому пришлось выдержать укладку, во время которой мои волосы скручивали в рогалики, закрепляли шпильками, а после еще поливали тем чудодейственным средством.

Когда мы закончили с образом, горничная отступила.

— А где ваши драгоценности, эри Армсвилл?

У меня их нет.

Не считая фиктивного обручального кольца, которое красовалось на пальце, у меня их действительно не было.

Третьим (а может, шестым или десятым чувством) поняла, что не стоит говорить это вслух, особенно учитывая ситуацию, в которой я нахожусь.

— У меня под подушкой.

Не сказать, что это было лучше, но так по крайней мере удалось избежать круглых глаз (они стали полукруглые). Ладно, лучше пусть считает, что я жадина, которая прячет все самое ценное под подушку, чем потом опять выслушивать от Райна, что я веду себя совсем не как его невеста.

Поднявшись, выудила из-под подушек пластинку и охнула:

— Ой! Цепочка где-то потерялась.

Горничная побледнела:

— Вас обокрали?!

Да что ж они все так мрачно мыслят в этой самой Барельвице?

— Нет, просто потерялась. А я сделаю так!

Сунула медальон в декольте и улыбнулась. Горничная сдавленно охнула, а мой взгляд зацепился за пьесу, лежащую на секретере. Сама не знаю почему, на сердце стало очень тепло. Подхватив ее, решила, что хочу пересмотреть кое-какой момент в сюжете, поэтому произнесла:

— Распорядитесь, чтобы мне принесли бумагу, перо и чернильницу.

Горничная растерялась еще сильнее:

— Так... я этим не занимаюсь.

— А кто занимается?

— Эрн Робсон, дворецкий его светлости, или эрн Майхорд, его камердинер.

— Значит, мне нужно поговорить с кем-то из них, — произнесла решительно. — Проводите меня, пожалуйста!

Втроем (судя по тому, как спокойно девушка реагировала на присутствие Эдера, к нему здесь все привыкли) мы направились в сначала в гостиную, а затем в коридор. Правда, в коридоре я поняла, что нас стало двое, а еще — что из-за спины доносится какое-то очень странное рычание.

Обернувшись, я обнаружила, что Эдер застрял.

— Как?! — вырвалось у меня, и я подавила желание закрыть руками рот.

Потому что лев проходил в гораздо более узкие (как мне казалось, в Барельвице, а точнее, в домах его светлости эрцгерцога Барельвийского узких дверей было мало). Тем не менее он через них проходил! А здесь почему-то застрял.

— Эри Армсвилл! — пискнула горничная.

— Минуту, пожалуйста.

Я положила пьесу на софу и направилась к Эдеру. Осознав, что его бросать не собираются, лев перестал реветь, ну или рычать, только взирал на меня своими огромными орехово-золотыми глазами.

— Гм. — Я приподнялась на носочки, и обнаружила, что Эдер пролез больше чем наполовину, а застрял в попе. Из-за этого крылья, вытянувшиеся вдоль дверного проема, тоже частично остались в спальне, а частично торчали над выпирающими ключицами.

Я положила руку ему на гриву и погладила.

— Давай назад, — сказала я. — Назад. Ну?

Лев моргнул и, что самое интересное, попятился. Тщетно: попа держала крепко.

— Тогда вперед!

Вперед тоже не получилось.

Только сейчас я поняла, что более идиотской ситуации и представить себе нельзя. И что я по какой-то неведомой причине даже не спросила имя горничной, а ведь это совсем на меня не похоже!

— Как вас зовут?

— Талина.

— Талина, мне нужна ваша помощь! Позовите, пожалуйста, камердинера его светлости.

Ничего более умного мне в голову не пришло. Впрочем, что еще может прийти в голову, когда у тебя между спальней и гостиной застрял магический лев, который раньше никогда нигде не застревал, да что там — по идее он и не должен нигде застревать, потому что сгустки магии не застревают.

Наверное.

Горничная убежала, а я вздохнула.

Эх, мне бы хоть чуточку, хоть самую малость побольше знаний о магии... с другой стороны, зачем оно мне. Магии во мне теперь больше нет, да и не будет никогда. Не сказать, что я сильно по этому поводу расстроилась, но как-то на миг вдруг стало грустно. С Эдером мне точно придется расстаться, когда я уеду.

Я даже почти хлюпнула носом, но в эту минуту за спиной раздался голос Кира:

— Эри Армсвилл, зачем вы встали?!

И этот туда же!

— У меня лев застрял! — Я обернулась, указывая на Эдера. — Точнее, он застрял у себя, но...

Камердинер смотрел явно не на льва. Он смотрел на меня. Не в декольте, а на лицо, или на волосы, или на меня всю. Как-то так очень странно смотрел, я бы сказала, слишком восхищенно.

— Вы великолепны.

— Благодарю, — отмахнулась я, и напонила: — Лев!

— А что с ним? — Кир наконец посмотрел на Эдера.

— Застрял! Его светлость оставил его охранять меня, я решила спуститься, и он застрял.

— Но это же невозможно!

И я так подумала.

— Невозможность того, что маджер может застрять, только что была опровергнута. — Голос Зигвальда прозвучал как-то слишком неожиданно. — Вами, эри Армсвилл.

Он прошел в гостиную, сверкая своей аристократичной черно-белой, и остановился рядом со мной.

— Ваша светлость, я же просил вас подождать в гостиной внизу, — Кир нахмурился.

— Зачем же ждать в гостиной внизу, когда в этой гостиной происходит столько всего интересного? — Зигвальд взял мою руку в свою и коснулся губами кончиков пальцев. — Вы просто очаровательны, эри Армсвилл. Как всегда.

— Благодарю, — выдала ответную любезность я. — Но может, кто-нибудь уже поможет Эдеру?!

— Эдеру?!

— Пресветлый, да! Я назвала маджера Эдером! Можете вы ему помочь?! Ему же больно!

— Вы уверены?

Зигвальд наткнулся на мой взгляд и поднял руки вверх. Вместе с тростью, на которую опирался.

— Одну секунду, эри Армсвилл.

С секундой он, конечно, погорячился. Я впервые видела, как создается магическая схема: Зигвальд приблизился к стоявшему на столике графину, плеснул им прямо на отполированную поверхность и скользнул пальцами по воде. На моих глазах схема сама сплеталась из воды, как паутина под лапами паука. Впрочем, если вспомнить, что за маджеры у Зигвальда, возможно, я была не так уж и не права, но...

Магия его тоже была белесой. Полупрозрачной дымкой, как туман, текла с пальцев, наполняя схему, обретающую все больше и больше силы.

— Что это?! — Я растопырила руки, закрывая Эдера собой.

— Вы могли бы не так оскорбительно выказывать мне свое недоверие, эри Армсвилл? — Зигвальд усмехнулся. — Это...

— Схема уменьшения, — мрачно отозвался Кир.

— Кир хорошо учился в школе, — хмыкнул Зигвальд. — Да, это многоуровневая схема уменьшения.

Сейчас, когда «паутина» впитала в себя всю воду и взмыла ввысь, она светилась оранжевым светом. Я бы при всем желании не смогла сразу объять всех значков и переплетений линий, которые были в ней, а вот Кир сразу понял, что это.

— Так вы позволите мне вызволить вашего чудо-защитника? — усмехнулся его белосветлость.

— Да.

Я отступила, и сияющая оранжевым светом схема, подчиняясь движению руки Зигвальда, устремилась к Эдеру. Лев успел только рыкнуть, когда схема опустилась на него, поверх гривы, как ожерелье. Полыхнуло золотым и оранжевым: так ярко, что я зажмурилась, а когда открыла глаза...

— Р-р-ря-а-а-у!

На пороге между гостиной и спальней сидел маленький лев. Очень маленький лев. Это по-прежнему был лев, с крыльями, который сейчас больше напоминал... котенка?!

— Что вы с ним сделали?!

Я опустилась рядом с Эдером, из-за чего платье расплескалось вокруг меня кремовой полянкой.

— Уменьшил, — невозмутимо сообщил Зигвальд. — Не переживайте, он вырастет. К завтрашнему дню. А если моему братцу не понравится результат, то гораздо быстрее. Правда, хотелось бы мне знать, как это возможно...

— Что? — Я взяла Эдера на руки.

Сейчас он точно не ощущался сгустком магии: скорее маленьким теплым комочком, который тем не менее возмущенно заурчал — нельзя со львами так обращаться.

— Магический объект, точнее, концентрацию магии, уменьшить невозможно. Если только его владелец не захочет сделать это лично, — хмыкнул Зигвальд, рассматривая нас с Эдером как наглядные экспонаты.

Ой-ой.

Не хватало еще, чтобы он что-то заподозрил.

— Господа, — сообщила я, поднимаясь и по-прежнему прижимая Эдера к груди. — У меня возникла дилемма: я хочу переписать кое-какую сцену в своей пьесе, и мне нужен сторонний взгляд.

Кир с Зигвальдом переглянулись. Не сказать, чтобы дружелюбно, скорее непонимающе.

— Вот. — Я указала на лежащую на софе пьесу. — Это труд моих последних шести с половиной месяцев...

— Вы так быстро пишете пьесы?

— На вдохновении все пишется быстро, — сообщила я. — Так что? Вы мне поможете или мне попросить кого-то другого?

— Вы не спрашивали мнения его светлости, эри Армсвилл? — первым опомнился Кир.

— О, его светлость совершенно не интересуется драматургией.

— Это уж точно. — Зигвальд усмехнулся.

На этот раз Кир посмотрел на него крайне недружелюбно, но тут же перевел на меня уже совершенно иной взгляд:

— Разумеется, я готов вам помочь, эри Армсвилл. Скажите, что от меня требуется?

— Просто послушать отрывок и сказать свое мнение. И учтите, я не буду читать пьесу для развлечения, так что, если не намерены мне помогать, лучше подождите в гостиной внизу, —

последнее я сообщила Зигу, крайне выразительно глядящему в мое декольте.

Если бы в декольте!

Я почему-то была уверена, что больше всего его сейчас интересует уменьшенный Эдер, и с этим надо что-то делать! По крайней мере до возвращения Райнхарта.

— Разумеется, я вам помогу, — сообщил его белосветлость, оторвавшись наконец от Эдера и посмотрев мне в глаза. — Готов слушать со всей серьезностью, не развлечения ради, а исключительно дела для. Драматургического.

Мне показалось или надо мной слегка издеваются? А впрочем, какая мне разница! Главное, сейчас увести его мысли от Эдера.

— Думаю, будет лучше, если ты пока посидишь здесь. — Я прошла в спальню и ссадила котольвенка на кровать. — Пожалуйста. Чуть-чуть. Скоро вернется Райн, и мы тебя вырастим обратно.

Эдер возмущенно рывкнул. Хотел рыкнуть, но получилось нечто среднее между рычанием и мяуканьем. К счастью, когда я отошла, он за мной не побежал, потоптался на постели и плюхнулся поперек, растопырив лапы и крылья. Еще больше показывая, какой он стал маленький.

Я вернулась в гостиную, прикрыла за собой дверь, посмотрела на Кира:

— Буду вам очень благодарна, если распорядитесь по поводу фарха или чая.

— Вам лучше поголодать, эри Армсвилл. По крайней мере до вечера, — с явным сожалением отозвался Кир. — Хотите, налью вам воды?

— А мне чай или фарх, стало быть, не положены, — задумчиво произнес Зигвальд. — Подскажите, эри Армсвилл, что такого чудесного с вами произошло, что вам не дают есть?

— Меня отравили.

— Какой ужас!

Последнее тоже прозвучало издевательски. Хотя если честно, я уже смутно представляла, когда Зигвальд серьезен, а когда просто выдает свой уникальный характер, который мне невыносимо захотелось утащить в следующую пьесу. Ладно, сначала с одной надо разобраться.

— Так вот, по сюжету героиня приезжает в Барельвицу, — сказала я, — со своим будущим супругом. Родом она из провинции, где проходила вся ее жизнь и где она познакомилась с офицером королевской гвардии. Как выяснилось чуть позже, офицер не совсем офицер... точнее, он офицер, но еще и младший принц, которого сослали в провинцию за магическую дуэль.

— Знаете, — сказал Зигвальд, — я уже хочу это посмотреть.

Я посмотрела на Кира.

— И что же вас беспокоит, эри Армсвилл?

— Сцена объяснения между ними — когда Сесси, так зовут главную героиню, об этом узнает — кажется мне недостаточно эмоциональной. То есть сначала она казалась мне эмоциональной, но потом... вот.

Я нашла нужную сцену, отложила в сторону другие листы. Как раз в тот момент, когда из-за двери донеслось:

— Р-р-ряааау!!!! — и громкое шкрябанье.

На которое, будь оно неладно, брат Райнхарта тут же обернулся!

— Вы уверены, что ваш... гм, защитник не подерет обои и мебель? — спросил он, поднимаясь с софы. — Давайте лучше я его заберу. Тем более что мне не терпится изучить...

— Это вам! — Я сунула ему в руки листок с пьесой раньше, чем он успел сделать шаг в сторону спальни. — Сейчас мы с вами будем читать по ролям, с выражением, а Кир скажет, насколько достоверно это все выглядит. И если недостоверно, я потом все поправлю! Читаем!

Не позволив Зигвальду опомниться, заглянула в текст:

— Почему ты мне не сказал?!

— Гм... — Мужчина пристально на меня посмотрел, но потом все-таки скосил глаза в лист, который

я держала. Сейчас уже чуть ли не у него перед носом. — Разве это настолько важно? Мне казалось, для тебя это не имеет значения, Сесси.

— Разумеется, имеет, Айверд! Когда ты сделал мне предложение, я отвечала тебе... а не его королевскому высочеству!

— Мой статус что-то меняет? — Зигвальд даже нахмурился, и я решила не отставать: в конце концов, если это отвлечет его от Эдера, ура мне!

— Все! — воскликнула я, прижимая руку к груди. — Это меняет все!

— Значит, отец был прав и тебя интересует исключительно наследство и мой титул?

Сказано это было очень достоверно, так достоверно, что я задохнулась. Возможно, именно поэтому следующая фраза вышла настолько реалистичной:

— Знать тебя не желаю больше!

— Rrrrrrrяааааааау!!!!!! — После глухого удара о дверь Кир вскочил и бросился в сторону спальни. Я шагнула было за ним, но меня перехватили за талию, резко развернули и притянули к себе.

Оказавшись лицом к лицу с Зигвальдом, я даже опомнилась не сразу.

— Вы что делаете?!

— Вхожу в роль, — произнес он. — Я вовсе не это хотел сказать, Сесси.

— Пусти!

Это было по тексту, а мне полагалось добавить к «пусти» еще и «те», и я рванулась назад. Только для того, чтобы в следующий миг снова оказаться плотно прижатой к крепкому мужскому торсу. И не только-о-о-о... Если бы его ладонь могла скользнуть ниже, она бы скользнула, и первый вдох мне перекрыл поцелуй, ударивший в губы.

А следующий — упавший до глубоких пугающих низин голос Райна:

— Что. Здесь. Происходит?!

ГЛАВА 20

Райнхарт

Что здесь происходит?

Риторический вопрос.

Потому что я сам прекрасно видел, как мой сводный брат целовал мою невесту, и это был совсем не братский поцелуй. Совершенно не братский. Ко всему прочему, Зигвальд до сих пор прижимал к себе застывшую на месте Алисию.

Мою Алисию.

Перед глазами потемнело, магия во мне заворочалась чудовищем, жаждущим крови. Боевая схема сплелась под пальцами мгновенно, Зига отшвырнуло в сторону, прокатило по гостиной до самой стены. В ту же секунду с клетотом в комнате материализовались маджеры брата, и я развернулся к ним, готовый вышвырнуть из собственного дома и Зигвальда, и его цирк уродов. Даже начал создавать новую схему для атаки, тем более что братец тоже подскочил и плел собственное заклинание.

— Так ты встречаешь дорогих гостей, брат? — интересуется он.

— Только тех, кто лапает мою невесту!

— Райнхарт! — Алисия обхватывает меня за талию руками, прижимается к спине, и это останавливает меня от того, чтобы активировать новую схему. — Это не то, что ты подумал!

Не фраза, а классика жанра!

— Не защищай его. Я все видел.

— Мы проверяли сцену!

— Это теперь так называется? И какую же сцену вы проверяли, позволю спросить?

Я говорю с ней, а смотрю на Зига. Он весь собран и готов к бою, несмотря на насмешливый тон.

— Из пьесы, брат. По просьбе твоей дорогой невесты. И судя по твоей реакции, из меня хороший актер.

— Сейчас из тебя будет мертвый актер! — обещаю я.

— Это правда, Райн. — Голос Кира раздается неожиданно. И голос, и сам камердинер не вписываются во всю эту картину. — Эри Армсвилл попросила нас послушать отрывок из пьесы.

Пьесы? Только сейчас я замечаю осевшие на пол осенними листьями листы бумаги, исписанные аккуратным почерком Алисии. Я как раз наступил на один из них, и там действительно слова, которые я услышал, войдя в гостиную.

Я оборачиваюсь к Киру.

И лучше бы мне этого не делать.

Потому что он держит на вытянутых руках вырывающегося... львенка?

— Это мой маджер?

Еще один риторический вопрос. Потому что Эдера я знаю до последнего пера в его крыльях. Которые сейчас по размеру больше подходят голубю.

— Как? — Я хотел спросить, как это возможно, но дар речи меня покинул. Особенно когда лев, заметив уродцев, тонко рыкнул, тяпнул камердинера за палец и полетел ко мне. Точнее, к нам с Алисией.

К счастью или нет, моя невеста не растерялась:

— Эдер застрял в дверях, и мне пришлось позвать на помощь.

— Застрял?

— В дверях.

— Как?

На бледные щеки плеснул румянец, но Алисия все-таки выпалила:

— Задней частью.

Мои брови взлетают вверх.

— Я позвала на помощь Кира, и твой брат тоже пришел. И... сумел помочь. Как видишь, Эдер теперь свободен.

— И размером с кошку, — бормочу я, не в силах до конца осознать этот скверный факт.

Кир делает шаг вперед.

— Эри Армсвилл, думаю, его светлость подразумевает, как так произошло, что его маджер уменьшился.

— Меня это тоже интересует, — напоминает о себе братец. — Как на маджера подействовала схема, которая работает только с материальным миром?

Это второй вопрос, а с первым я разобрался. Даже не сомневаюсь, что Эдер-кошка — заслуга Зигвальда! Сделать это мог только он. Кир бы попросту на такое не пошел.

Я прикрываю глаза, чтобы хоть немного успокоить беснующуюся внутри бурю и унять магию, которая горит на пальцах. А когда открываю их, оказывается, все выжидающе смотрят на меня: Кир напряженный, Зигвальд раздражен, Алисия... Алисия выглядит как ангел.

И она моя.

— Проверяли сцену, говоришь? — уточняю я тихо и зловеще, поворачивая снова к Зигу. — Теперь я точно тебя убью.

Схема оживает на пальцах, но Алисия снова хватается меня за руку.

— Райн, это я его попросила!

— Целовать тебя?

— Нет!

— Тогда он труп!

— Эдер!

Вместе с криком в мое ухо вонзились острые, как иголки, зубы.

Мой маджер, собственный маджер попросту напал на меня. Котолев укусил меня за ухо и сейчас парил в воздухе, очевидно примериваясь для второго захода.

— Вот это поворот! — присвистнул Зиг.

Это отрезвило.

Это, а еще то, что Алисия начала оседать на пол.

Я отпустил схему и подхватил девушку на руки.

— Жди здесь, — приказываю я Зигу.

— Не уйду, даже если будешь умолять.

В этом я не сомневался: Зигвальд был увлечен маджерами не меньше меня. И экспериментами над маджерами тоже. Именно после того, как я вырастил Эдеру крылья, Зиг принялся создавать своим лишние хвосты и лапы.

Но сейчас это все было не важным.

Я осторожно уложил Алисию на кровать и вернулся чтобы захлопнуть дверь. Конечно же котолев прошмыгнул следом, устроился прямо у нее на животе. А когда я попытался его согнать, зарычал на меня.

— Исчезни! — приказал я ему, но маджер отказывался мне подчиняться.

— Не рычите на него!

Очевидно, это должно было прозвучать грозно, но сама Алисия сейчас напоминала котольвенка. Такая же незащищенная.

— Зачем вы напали на своего брата?

— Потому что он покусился на мое.

— На Эдера?

— На тебя.

Алисия удивленно заморгала.

— Я не ваша.

— Моя.

Она посмотрела на меня так, будто собиралась спорить, но я предупреждающе приподнял бровь.

— Не важно. — Алисия попыталась оторваться от подушки, но, видимо, ее сил не хватило, и она снова откинулась на нее. — Я не просто так отвлекала его пьесой. Не хотела, чтобы он что-то заподозрил. Теперь он точно заподозрит, что с Эдером что-то не так.

— А с ним что-то не так?

Мы одновременно посмотрели на маджера, который в данную минуту решил вздремнуть в складках юбки.

— Он уменьшился, начал драть мебель, а потом... укусил тебя! И твой брат теперь об этом знает.

Да, от расспросов Зига теперь не отделаться. Нужно же ему было заявиться именно сегодня! И уменьшить моего маджера. Или правильнее будет сказать — маджера Алисии?

— Я со всем разберусь, — обещаю я. — Лучше скажи, как ты?

— Чувствую себя героиней сентиментального романа.

— Почему?

— Потому что постоянно падаю в обмороки. Голова просто взяла и закружилась. Это, наверное, после отравления. Но до этого я чувствовала себя нормально.

Слабость, головокружение, прилипший к ней, защищающий ее маджер...

Исполняющий ее волю.

Сейчас все указывало на то, что у Алисии магическое истощение, и это только подтверждало мою догадку насчет ее магии. Это и то, что магия у нее непростая. О чем следовало ей рассказать. Или не рассказывать.

— Это может быть следствие яда, или ты просто переволновалась. Полежи пока, а я скоро вернусь. Только выставлю Зига из дома.

— Райнхарт, — позвала она, когда я поднялся, — ты сможешь сделать Эдера прежним?

Я обернулся и натолкнулся на ждущий, полный надежды взгляд Алисии. Когда она так смотрела, отказать было очень сложно, поэтому я склонился над котольвом. Кажется, Эдеру его размер был абсолютно безразличен: миниатюрный маджер уснул.

Будь он сейчас моим и оставайся я сейчас в форме, то для начала можно было попробовать схему увеличения магического ресурса. Влить в него собственную силу. Но я в форме не был. Или был? Только что у меня получилось создать схему и прокатить Зига по полу, так что и с увеличением маджера проблем возникнуть не должно.

Рисунок загорелся под пальцами, знакомые линии сплелись в круги, треугольники и зигзаги, замкнувшиеся в единый узор, по которому потекло оранжевое пламя.

Потекло, затрещало, как неудачно вышибленная из камня искра.

И рассыпалось в воздухе.

Ко всему прочему, я вдруг снова почувствовал себя пустым. В отличие от Алисии, падать в обморок не собирался, но вся магия утекла в незавершенную схему.

— Что-то не так? — В голосе Алисии появилось волнение.

Все не так.

Я бессильный эрцгерцог.

Но ей об этом знать не нужно.

— Все в порядке. Просто на создание такой схемы нужно время. Я поговорю с братом, а Эдер пусть пока выспится. Он наверняка перенервничал в своем новом облике.

Мы одновременно посмотрели на котенка, который перевернулся кверху пузом и тонко похрапывал. По-моему, его вовсе не беспокоили ни внешний вид, ни размер.

Ладно, сойдет и так.

— Возвращайся скорее, — попросила Алисия с улыбкой, от которой в груди что-то дрогнуло, и захотелось, чтобы она всегда так улыбалась.

Только мне одному.

Я кивнул и вернулся в гостиную.

— Пойдем в мой кабинет. Кир, распорядись здесь прибраться.

Спорить со мной не стали: братец скрыл маджеров и присоединился ко мне, камердинер неохотно направился в другую сторону. Уверен, Кира наш разговор интересовал не меньше, но он свое место знал. В отличие от Зига, который бесцеремонно устроился в кресле и поинтересовался:

— Я хочу знать все подробности.

Я не стал садиться, оперся о край стола и сложил руки на груди:

— Подробности чего?

— Вот об этом я и хочу узнать! — Зигвальд подался вперед, глаза его вспыхнули от нетерпения. — Что это? Эксперимент над маджерами? Или над собственной магией? И какое отношение ко всему этому имеет Алисия?

Он посмаковал ее имя, будто пригубил вино из королевских погребов, и во мне вновь заворчалось нечто темное. К счастью для Зига, не магия.

— Для тебя — эри Армсвилл, и она здесь ни при чем.

— Нет-нет, братец. — Он прищурился. — Меня ты вокруг пальца не обведешь. Уверен, она имеет ко всему этому самое прямое отношение.

— Она моя невеста, — напоминаю я. — Мой маджер защищает ее.

— Не просто защищает. Первое. В Эдельз Грин мне показалось странным возникновение твоего льва посреди столовой. Но позвал его не ты, просто очень впечатлительная и творческая душа эри Армсвилл слишком бурно отреагировала на мою внешность, и маджер встал на ее защиту. Второе. Он слушает ее, будто ручной кот, хотя ни разу в жизни не встречал, чтобы кот был настолько ручным. И третье — сегодня твой маджер напал на тебя, потому что эри Армсвилл этого захотела. Поэтому меня интересует, что это за магия и как ты это провернул. Не говоря уже о том, что ты материализовал маджера. Это же сколько магии нужно в него влить, чтобы он застрял в дверях?

Только годы тренировок помогли сделать так, чтобы на моем лице не дрогнул ни один мускул. Потому что Зиг попал в точку, еще и раскрыл мне глаза на то, что происходит с маджером.

Магия!

Алисия бессознательно вливает мою силу в Эдера.

Расточительство, с какой стороны ни посмотри, но это объясняет то, что она не воспламеняется каждый час. К моему великому сожалению.

— Ты прав, это эксперимент. По раскрытию силы. — Я не собираюсь рассказывать ему всю правду,

но Зиг умен. Даже если предположить, что он имеет отношение к покушениям, ничего тайного я ему не поведаю. Того, чего он и так не знает. — У моей невесты есть магия.

— Об этом я уже догадался.

— Сила проснулась в Алисии недавно, и сейчас она учится ее контролировать. На льве.

— Если так, она талантливая ученица, — усмехается Зиг. — Поэтому ее пытаются убить?

Я выпрямляюсь.

— Откуда тебе об этом известно?

— Эри Армсвилл совершенно не умеет лгать, в отличие от нашего будущего короля.

Наши взгляды скрестились.

— Ты забываешься.

— Наоборот, у меня слишком хорошая память, и я не настолько глуп, чтобы не заметить, что вся твоя история шита белыми нитками. Внезапная женитьба, проснувшийся дар, эксперименты с маджером — все это более чем странно. Не говоря уже о том, что такой сноб, как ты, никогда не станет рисковать короной ради простой девушки.

— Считаешь, что Алисия недостаточно хороша для меня?

— Уверен, эта женщина вскружит голову любому. Но не тебе, брат. Ты до гьердиков скучный и продуманный. Поэтому мне и интересно — кто она?

— Цветочница с Юга.

— С такой магией? Попробуй еще раз!

Если бы я знал!

— Это государственная тайна, — отрезаю я. — А теперь говори, зачем ты здесь, или уходи.

Зигвальд бросает на меня злой взгляд и поднимается, не забыв подхватить свою трость.

— Ухожу и оставляю тебя наедине со всеми государственными и не очень секретами. Кстати, особенная магия эри Армсвилл объясняет твой интерес, но не определяет ее наличие.

— Лучше держись подальше от моей невесты.

— И пропустить все веселье?

Братец растягивает тонкие губы в улыбке, а мне снова хочется стереть эту улыбку кулаком.

Особенная магия.

В том, что она непростая, я успел убедиться. И кому-то из моего близкого окружения об этом известно.

Этот кто-то знает, кто такая Алисия, и не хочет, чтобы об этом узнал я.

Это не Зиг. Даже если предположить, что он блефует... Нет, я видел его взгляд, Зигвальд заинтригован едва ли не больше меня. Но тогда кто? Кому она перешла дорогу?

И насколько наша с Алисией встреча случайна?

ГЛАВА 21

Алисия

Я проснулась оттого, что мне настойчиво тыкались носом в ухо. Поначалу даже понять не могла, кто, зачем и при чем тут мое ухо, но тыкаться продолжали, больше того, спустя пару минут раздалось какое-то шипение, затем рычание, а потом:

— Р-рявк! — и незамысловатое ругательство.

После такого, разумеется, я открыла глаза. Райнхарт сидел на постели и тряс укушенным пальцем, а рядом прыгал Эдер. Совершенно, к слову сказать, не подросток.

— Что здесь происходит?! — сонно моргая, повторила я слова его светлости.

— Я хотел убрать прядь волос у тебя со щеки, а это... — Прищурившись, Райнхарт ткнул пальцем в сторону Эдера, но тут же резво палец убрал. — Меня укусило.

— Во-первых, не это...

— Да нет, именно это. Это уже не маджер.

Эдер обиженно рыкнул, и я притянула его к себе.

— Иди сюда, моя умница.

— Умница?! — Его светлость приподнял брови.

— Да, будете знать, как тянуть ко мне свои руки!

Судя по выражению лица Райнхарта, у него иссяк словарный запас. Точнее, иссяк словарный запас эрцгерцога, но я-то знаю (сама слышала пару минут назад), что выражаться он умеет не только как эрцгерцог.

— Как ты себя чувствуешь? — неожиданно спросил он.

Ну не то чтобы очень неожиданно, в последнее время он часто этим интересовался, но... каждый раз для меня было неожиданно. Особенно то, что особун, кажется, не шутил. То есть действительно интересовался моим самочувствием, и мне это совершенно не нравилось.

Ладно, будем честны.

Мне это очень нравилось, но мне не нравилось, что мне это очень нравится. Очень не нравилось.

Тем не менее сейчас я прислушалась к себе и выяснила, что чувствую себя замечательно. У меня ничего не болело, голова не кружилась, напротив, я чувствовала себя свежей, выпавшейся и полной сил.

— Чудесно, — призналась я.

— Я рад. Ты проспала весь день и всю ночь. — Райнхарт смотрел мне в глаза так, как мог бы смотреть в глаза своей настоящей невесте.

Ну вот просто нельзя так!

Просто нельзя.

Поэтому я отвела взгляд и принялась рассматривать все что угодно — невесомые слои кремового балдахина, крылышки вольноотпущенного Эдера, играющего с кисточкой, которой вышеупомнутый балдахин был подвязан, картину на стене, представляющую собой летний пейзаж.

А ведь до лета не так много осталось!

— Что вы делаете летом? — спросила я, продолжая рассматривать Эдера.

— Это вопрос ко мне? — уточнил Райнхарт.

— Разумеется.

— Тогда я предпочел бы, чтобы ты смотрела на меня, Алисия. Ну и помимо прочего, мы с тобой

договорились быть на «ты».

Я вздохнула:

— Признаю. Договорились.

— Вот и чудесно. Летом я делаю все то же, что и зимой, осенью и весной. Но иногда забираю Элеонор в Эдельз Грин, туда же она приглашает своих подруг. Я работаю, а моя сестра делает все, чтобы не позволять мне работать. Немаловажный вклад в это вносят ее подруги, их дуэньи и приезжие молодые аристократы, у которых ко мне появляются очень срочные дела. На самом деле, разумеется, их интересует мой цветник, что безумно беспокоит дуэний и фрейлин.

— Фрейлины против молодых аристократов?

— Ну я же не сказал, что это беспокоит их в дурном ключе. — Райнхарт улыбнулся, и сам разом вдруг помолодел. Настолько, что я даже не представляла, каким молодым, если не сказать, юным может выглядеть его светлость.

Улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

— В Эдельз Грин наверняка очень красиво летом, — заметила я, искренне желая ее вернуть.

— Очень. Поля наливаются силой, в окрестных лесах полно ягод и цветов, и Элеонор с подругами постоянно ездит на пикники или на речку. Последнее, правда, тайком от меня.

— Почему?! — искренне изумилась я.

— Потому что резвиться в речке — занятие для простолюдинки, а не для благородной леви.

И в этом весь Райнхарт!

— А ты сам хоть раз пробовал? — поинтересовалась я.

Его взгляд потемнел, а я даже не сразу поняла почему.

Просто я как-то незаметно для себя села и еще более незаметно для себя отпустила одеяло.

— Ой!

Одеяло вернулось на место, я мысленно назвала себя нехорошим словом и решила вернуться к теме речки. Увы, у меня не получилось: Райнхарт поднялся:

— Я приглашу к тебе горничную, Алисия. Сразу после завтрака у тебя примерка, эрина Нерелль привезет еще несколько нарядов. В том числе парадное платье. На этих выходных я представлю тебя ко двору.

Меня ко двору?!

— Зачем? — спросила я, во рту мгновенно пересохло.

— Затем, что ты моя невеста.

— Я твоя невеста на несколько дней!

— До того, как я во всем разберусь, — поправил Райнхарт. — Но даже если бы ты была на несколько дней, я не могу просто так объявить тебя своей невестой и никому не показать.

— Что значит — никому не показать? Я что, выставочный экспонат?

— Алисия!

Райнхарт натурально рыкнул. Настолько натурально, что подскочила я, а Эдер взмыл в воздух и закружил под потолком. Я задрала голову:

— Осторожно, люстра!

В реальность меня вернуло негромкое покашливание.

— Да, ты прав. — Я вздохнула, возвращаясь с небес на землю, а если точнее, с потолка на кровать. — Хорошо.

Райнхарт прищурился:

— Хорошо? Где подвох?

— А он должен быть? — Я потерла взмокшие ладони и кивнула. — Присылай горничную, потом будем завтракать. И наряжаться.

Судя по выражению лица его светлости, в мои благие намерения он верил смутно.

Ну и зря. Я, если честно, смирилась с тем, что меня представят ко двору, и даже с тем, что так и не написала маме. Но раз уж он так хочет во мне сомневаться...

— Райн, можно Нина будет моей камеристкой?

— Зачем? Я уже дал распоряжение Киру, в настоящий момент он выбирает для тебя более достойную девушку.

— А чем это Нина недостойная?

— Она закрутила роман с одним из моих гостей. Достаточно уже того, что я оставил ее в Эдельз Грин.

Сказал, как отрезал.

— Хочу Нину, — сказала я и сложила руки на груди. — Или буду убирать волосы и одеваться сама. И не жалуйся потом, что я опоздала на два с половиной часа, а моя прическа — слишком простая для Барельвицы.

Райнхарт потемнел лицом.

— Снова условия, Алисия?

— Ну ты же сомневался, что я способна просто быть тебе хорошей невестой — фиктивной хорошей невестой, — решила уточнить скорее для себя, чем для него.

— То есть ты это делаешь мне назло?!

— Вот еще! Мы подружились.

Мы действительно подружились, насколько можно подружиться за полтора дня, и с Ниной мне было очень легко. Помимо прочего, я не считала роман с каким-то там гостем чем-то критичным, хотя в таком доме, как дом его светлости, репутацию девушки это могло подпортить знатно. Вот что меня всегда раздражало, так это то, что если девушка влюбилась — у нее дурная репутация, а если какой-то высокопоставленный или хорошопосаженный гость решил за ней приударить — то он жертва коварной обольстительницы!

— Ладно, — спустя пару минут раздумий сказал Райнхарт. — Будет тебе Нина. Но это последнее условие, Алисия! Больше никаких капризов.

Никаких... что?!

От такого заявления во мне пропал дар речи, и его светлость нагло этим воспользовался, или попросту вышел и оставил меня одну. Хлопнула дальняя дверь, следом хлопнуло что-то рядом, и я подскочила. Оказывается, Эдер плюхнулся на покрывало с размаху и теперь, раскинув крылья, лежал сверху пузом, предлагая его чесать.

— Мне пора собираться, — легонько погладив золотое пузико, сказала я.

Поднялась и направилась в ванную, и очень вовремя: в комнату как раз вошла горничная.

— Эри Армсвилл, помочь вам с утренними процедурами?

— Нет, благодарю. Я быстро, — сообщила я и убежала за дверь.

Честно говоря, все никак не могла привыкнуть к этим высокоособническим барельвийским церемониям, ну и как вообще можно помочь с утренними процедурами? Для девушки, которая привыкла все делать сама, это уже чересчур.

Как бы там ни было, умылась и привела себя в порядок я быстро, потом меня так же быстро привела в порядок горничная. На этот раз прическу мне сделали попроще, видимо, время поджимало, но даже с ней, по моему мнению, спокойно можно было идти ко двору. Я уже начинала привыкать видеть в зеркале совсем другую Алисию Армсвилл, глядя на которую, пожалуй, можно было сказать, что она при дворе родилась. Как бы ни была смешна эта мысль, глядя на себя в зеркало, по-другому думать не получалось.

Горничная рассыпала восторженные ахи и вздохи, а после проводила меня в столовую, где уже ждал Райнхарт. За завтраком мне подробно объяснили, что помимо примерки в ближайшее время ко мне приедет учитель хороших манер, этикета и вообще меня ждет ускоренное обучение по программе «лучшая невеста его светлости».

Поскольку появиться при дворе без знаний этикета было равносильно тому, что оказаться голой на главной площади Барельвицы, я нашла это вполне разумным. После того как я согласилась, Райнхарт смотрел на меня еще более подозрительно.

И еще более подозрительно — когда за все время примерки я даже ни разу не поспорила по поводу платьев, в которые меня без усталости переодевали за ширмой помощницы эрины Нерелль.

Они переодевали, я выходила в них к Райнхарту, а он говорил, что доделать, что оставить, что убрать, что идеально, а над чем еще стоит потрудиться.

— Ты сегодня на удивление сговорчивая, Алисия, — сообщили мне, когда эрина Нерелль с помощницами (и нарядами на доработку) отбыли.

— Поняла, что спорить с тобой бессмысленно, — парировала я и добавила: — Могу я пойти погулять? Раз уж мне предстоит задержаться в Барельвице, хотелось бы ее как следует посмотреть.

— Без меня — нет, — снова отрезал Райнхарт. — Мне надо уехать, сегодня я вернусь поздно. Может быть, завтра.

— Я вполне могу сама...

— Нет. — По его глазам становилось понятно, что обсуждать это точно бессмысленно.

Но я же не могу постоянно сидеть взаперти! Пусть меня сопровождает Кир.

При упоминании Кира глаза его светлости превратились в две узенькие щелочки.

— Нет.

— Но поче...

— Я сказал: нет!

Знакомый тон, вот очень знакомый.

— Ну и ладно, — сказала я. — Ничего не мешает мне пообщаться с ним дома. Раз уж я теперь заключенная его светлости на особом положении.

Его светлость так помрачнел, что мне показалось: сейчас прилетит мне с высоты его положения всем своим весом. Прилететь не успело, поскольку в гостиной, где только что была закончена примерка, появился Робсон.

Ваша светлость, вас хочет видеть леви Элеонор...

Договорить дворецкий не успел: обогнув его, в комнату впорхнула совсем юная девушка, которая, заметив меня, помрачнела точь-в-точь как его светлость.

Помрачнела, сложила руки на груди и вздернула нос.

— Благодарю, Робсон. Ты можешь идти. — Райнхарт перевел взгляд на сестру.

Она была бы его точной копией, особенно когда вот так хмурилась, если бы была юношей. Разумеется, по-женски мягкие черты уводили от мыслей о знакомой суровости, но в целом не возникало ни малейших сомнений, что эти двое — родственники.

— Алисия, позволь тебе представить мою сестру, леви Элеонор Лотхен, Элеонор...

— Да, я знаю, кто она такая. — Девушка бесцеремонно перебила брата, даже не взглянув на меня. — Но я приехала, чтобы поговорить с тобой, так что предлагаю сразу перейти к делу. Не здесь, разумеется. Я не стану говорить при посторонних.

Да, они однозначно родственники. Ни малейших сомнений.

— Элеонор, — негромко произнес Райнхарт, но по коже у меня побежали мурашки. Такие, крупные.

Девушка нахмурилась:

— Что?

— Поздоровайся с Алисией.

— Вот еще! Я не здороваюсь со всякими нищенками. Если тебе угодно их подбирать...

— Элеонор! — Вот теперь Райнхарт уже натурально рыкнул.

Его сестра слегка вздрогнула, а у меня продолжалась история с мурашками, причем, судя по ощущениям, они построились и стали маршировать, как королевская гвардия на плацу.

Почему его голос производит на меня такое впечатление?!

— Немедленно выйди. Зайди, как полагается леви, и поприветствуй нас, как должно.

В том, что это был приказ, сомневаться не приходилось. Элеонор вылетела за дверь, которой громыхнула отнюдь не как леви. Я не успела поинтересоваться, за что его сестра меня так не любит, потому что дверь распахнулась снова.

— Добрый день, Алисия и братец. — Это было сказано настолько саркастично, что чудом не сошли обои со стен, а реверанс больше напоминал кривляние.

— Выйди и зайди снова.

На лице Элеонор отразилась вся гамма чувств: темные глаза сверкнули яростью, она мотнула головой, из-за чего туго накрученные локоны взметнулись над плечами.

— И не подумаю!

Райнхарт указал мне на диван.

— Пойдем, Алисия. Похоже, это надолго.

— Я не стану...

— Выйди и зайди снова. Или попроси Робсона тебя проводить, выбор за тобой.

Он говорил абсолютно спокойно, но по тону становилось понятно, что, если Элеонор не выполнит то, что сказано, ее действительно попросят. Райнхарт взял меня под руку и отвел к дивану, за спиной в очередной раз громыхнула дверь. Я снова не успела ничего сказать, потому что Элеонор опять вошла.

На этот раз реверанс был очень похож на реверанс.

— Добрый день, Райнхарт. Добрый день, эри Армсвилл. — На моем имени Элеонор знатно скривилась, но, прежде чем Райн успел отправить ее обратно — а он хотел, я прочитала это на его непробиваемом эрцгерцогском лице, я ответила:

— Добрый день, Элеонор. Очень рада знакомству.

Девушка открыла было рот, но тут же его закрыла.

Ввернула взглядом: «А я — нет», — после чего нетерпеливо посмотрела на брата:

— Мы можем поговорить?

— Не раньше, чем ты извинишься перед Алисией за недостойное поведение.

У Элеонор снова сверкнули глаза — знакомо сверкнули, совсем как у брата, — тем не менее она снова повернулась ко мне:

— Алисия, я прошу прощения за свое недостойное поведение.

— Я принимаю твои извинения, Элеонор. — Сама не знаю, откуда у меня взялась эта фраза, но прозвучало это как-то... совсем по-эрцгерцогски, что ли. Впору задуматься, что если маджеры начинают есть рогалики и застревают в дверях после общения со мной, то я после общения с эрцгерцогами и их семьей становлюсь чуть-чуть королевской особунесой. Временно, правда, но тем не менее.

— Чудесно. — Райнхарт открыл стоявшую на столике декоративную шкатулку. — Тебя проводят ко мне в кабинет. Подожди там, пожалуйста, и ничего не трогай.

Элеонор хмыкнула, а в гостиную уже вошел лакей.

— Сесил, проводите мою сестру до моего кабинета. — Райнхарт кивнул.

— Подать что-нибудь, ваша светлость?

— Нет, я распоряжусь, когда приду сам.

Элеонор плотно сжала губы и направилась за лакеем. Уже на выходе обернулась и мило поинтересовалась:

— Ты уже рассказал Алисии, как поступил с Диной?

— Кто такая Дина? — спросила я, когда за Элеонор закрылась дверь.

Вообще-то мне не полагалось этого спрашивать как фиктивной невесте. Но как невесте полагалось, тем более что у нас с Райнхартом была договоренность — обо всем друг другу рассказывать. Вот пусть и рассказывает.

— Леопольдина Лоис Соверн, герцогиня Полинская — одна из тех девиц, кого мне действительно сватает весь высший свет, — произнес Райнхарт.

— И ты, разумеется, этого не одобрял, но и не отрицал.

Вот сама не знаю, что на меня нашло! Что на меня нашло?

— Разумеется. — Он посмотрел на меня. — Но я не помню, чтобы в наших с тобой отношениях предполагались вопросы подобного рода.

— О, — сказала я. — Ну, в наших с тобой отношениях вообще ничего не предполагалось, Райн! Тем не менее мне надо как-то соответствовать статусу твоей невесты, поэтому я просто не могла не спросить.

— То есть ты спросила об этом исключительно, чтобы соответствовать?

— А ты что подумал?

С минуту мы буравили друг друга взглядами, и, если честно, мне в эту минуту хотелось надеть на голову его светлости панталоны! С кружавчиками, которые, запакованные в большие дорогие даже по виду коробки, лежали вместе с остальным бельем за ширмой. Коробки должны были поднять ко мне в спальню, а точнее, в нашу общую спальню (где была моя голова, когда я на это соглашалась?!). Вот поднимут — и момент будет упущен! А его светлость так красиво смотрелся бы со штанами-ушками, свисающими до самой груди.

Кстати, стоило вспомнить про эту самую грудь, как в голову полезли всякие непотребства. В связи с чем возвращаемся к вопросу — что на меня нашло?!

— О чем ты задумалась, Алисия? — Райнхарт подозрительно прищурился.

— О том, чтобы надеть панталоны вам на голову. Ой, прости, тебе!

Я показала ему язык (просто не смогла удержаться!) и направилась к двери. Пусть сам разбирается со своими Динами, Элеонорами не в настроении и вообще со всем своим «цветником», выражаясь его же собственными словами.

— Куда это ты собралась? — Меня догнали у двери. Схватили за локоть, развернули лицом к себе.

— Руки, ваша светлость. — Я смерила его взглядом, позаимствованным у этой самой светлости. — Пойду пообщаюсь с Киром, в отличие от вас, он умеет нормально разговаривать!

Взгляд Райнхарта стал дремучим. Вот даже не представляю, как это иначе описать — представился сразу густой лес, в котором мгновенно стемнело.

— Я запрещаю тебе с ним общаться.

— Что?!

— Ты меня прекрасно слышала. После нашего расставания можешь вести себя как угодно, а пока...

— А пока позвольте мне удалиться к себе в комнаты, — произнесла я, сдерживаясь из последних сил.

Понимая, что еще немного — и я не просто панталоны на голову ему надену, но еще и корсет зашнурую! На шее!

Вместо ответа Райнхарт рванул дверь на себя с такой силой, что после всех заходов-выходов Элеонор и последнего всплеска ярости его светлости не хотелось бы мне оказаться на ее месте. Я

бы точно сорвалась с петель. Да что там, я и так почти сорвалась!

Поэтому сейчас я вышла в коридор грациозно и плавно, не хватало еще показывать ему, что я на самом деле чувствую! К счастью, у лестницы наши пути разошлись, и стало немного легче. Немного!

Высший свет Барельвицы, видите ли, прочит ему в жены Леопольдину как-ее-там Полинскую! А он сам просто мимо проходил, ни да, ни нет не сказал. Действительно, с чего бы ему — он же целый эрцгерцог с претензией на корону, так что пусть всякие там герцогини помаются, подумают о том, как им повезло.

Не говоря уже об отдельных цветочницах!

На этой мысли я пнула вешалку и принялась прыгать на одной ноге. В таком состоянии меня и застал Кир, вышедший откуда-то из глубин этого бесконечного дома, раскрывающегося огромными крыльями на три этажа.

— Эри Армсвилл, у вас все хорошо?

— Чудесно! — воскликнула я, осторожно наступая на ногу, на которой до сих пор пульсировал большой палец.

— Почему вы здесь совсем одна?

Потому что его светлость — серан.

— У его светлости возникли неотложные дела. Или, правильнее будет сказать, Элеонор.

Кир улыбнулся:

— Да, дела действительно неотложные.

Тут у меня возникла идея. Раз уж мне не разрешают гулять, просто так прожигать время в этом роскошном особняке я не намерена.

— Вы не могли бы проводить меня в библиотеку, Кир?

— В библиотеку?

— Да, его светлость сказал, что я могу почитать, пока он решает важные государственные дела.

— Разумеется.

Кир улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Пусть его светлость занимается чем угодно. А я буду изучать маджеров!

ГЛАВА 22

Райнхарт

Стоило войти в кабинет, Элеонор резво отпрыгнула от моего стола. От стола и, видимо, от пьесы Алисии, которую я забрал и которая сейчас лежала неровной стопкой бумаги.

— Понравилось? — поинтересовался я.

— Нет, — в который раз за сегодняшний визит вздернула нос сестра, заставив меня нахмуриться.

— Что с тобой, Эле?

Ангелом ее назвать сложно, но я не помню, чтобы она так вела себя с тех пор, как ей исполнилось пять.

— А что со мной?

— Ты врываешься в мой дом, показываешь манеры, недостойные дочери герцога, грубишь мне и моей невесте...

— Она не может быть твоей невестой! — перебивает меня сестра.

— Почему?

— Потому что она безродная!

Я приподнимаю бровь:

— Это делает ее человеком второго сорта? В нашей стране таких большинство.

— Ужасная!

— Удивительная красавица.

— Меркантильная!

— Уверяю тебя, Алисии нужен только я сам, не мой титул или деньги.

По сути, ей не нужен даже я, и это несколько раздражает. Очень сильно раздражает.

— Она тебя не любит!

— И когда ты это поняла? — уточнил, добавив в голос еще больше строгости. — Стоя под дверью?

На глазах Элеонор выступили слезы, отчего захотелось немедленно покинуть кабинет. Женские слезы — зло. Хорошо, что моя Алисия слишком гордая для подобных манипуляций мужским сознанием.

— Тебя любит Дина.

— Меня много кто любит, но я не могу осчастливить их всех замужеством.

Эле смахивает показные слезы и, сложив руки на груди, делает шаг вперед.

— А ты?

— Что — я?

— Значит, ты любишь эту Алисию?

Я вошел в роль счастливого жениха, но этот вопрос выбил меня из наезженной колеи. Мне стоило сказать, что я безумно влюблен или еще какую-то романтическую чушь в духе пьесы на столе, это бы поддержало легенду и избавило от лишних вопросов. Но учитывая, что я сам никогда подобным не страдал и знал, что делать с женщиной вместо сочинения стихов ее красоте и тоски в разлуке, то я замешкался. На мгновение замешкался, и этого хватило, чтобы взгляд сестры загорелся торжествующим блеском.

— Не любишь. Ты ее не любишь!

— Любовь — не единственная причина, по которой мужчина делает предложение женщине.

— Конечно. Есть еще деньги или статус, но тебе это не нужно. И Дина совершенно точно красивее этой безрод...

— Еще одно слово осуждения в адрес моей невесты или моего выбора, и я запрещаю тебя переступать порог этого дома.

— Не очень-то и хотелось! — выпалила Элеонор и выскочила из моего кабинета.

А я от души выругался.

Все, легенда гьерду под хвост! Эле водит дружбу с герцогиней Полинской, так что о том, что я не влюблен в свою невесту, сегодня узнает весь двор. Даже престарелые леви с плохим слухом и зрением.

Хотя была ли эта легенда жизнеспособной? Кто в нее поверит, если я не способен поверить в нее сам? В увлеченность Алисией — да, такую, что невозможно ее отпустить. В нестерпимое желание обладать ею. Но любовь? Избавьте меня от этих глупостей!

Уверен, моя невеста только поддержит эту мысль. Или не поддержит?

Я перевел взгляд на пьесу, которую забрал, чтобы лучше узнать Алисию. Еще не начинал читать, но, судя по отрывку, отыгранному с Зигом, она была о любви.

Так, возможно, именно поэтому Алисия раз за разом меня отталкивает? Ей нужен не прагматизм, а чувства. И чтобы она согласилась быть моей, ей нужно помочь влюбиться.

Эта мысль стоила моего промаха с Эле.

Она стоила всего.

А мне стоило ее обдумать. Seriously обдумать, чтобы ничего не упустить.

Я бросил взгляд на пьесу, начертил в воздухе схему незаметности и накрыл ею «Бал цветов». Теперь никто не сможет забрать ее, попросту не увидит, а она мне точно понадобится для осуществления моего плана.

Создание схемы, как ни странно, на этот раз не вызвало ни головокружения, ни других признаков слабости. Кажется, восстановление или, вернее сказать, привыкание к новой силе шло полным ходом. Но привыкание не значит укрощение, а мне нужно знать, на что я теперь способен и смогу ли я этим управлять. Потому что пусть даже чужая, но сила мне нужна.

Чтобы защитить Алисию.

Чтобы найти тех, кто устраивает все эти покушения.

Чтобы вернуть моему маджеру нормальный львиный размер.

С последнего стоило начать, пока магический защитник окончательно не превратился в домашнего кота.

Для поиска Кира я воспользовался артефактом: обычно я просто вызывал его, но на этот раз решил, что так будет быстрее. Вот чего я точно не ожидал, так это того, что обнаружу его в библиотеке вместе с Алисией. Она расположилась за столом и склонилась над какой-то книгой, а Кир принес ей новые. На что она ему улыбнулась и искренне поблагодарила.

Стоило вспомнить, что творилось в библиотеке Эдельз Грин, как ярость заворочалась внутри. Ведь сказал же, чтобы с Киrom не общалась! Эта женщина все всегда делает наоборот?

— Алисия, ты заблудилась? — спрашиваю я. — Твои комнаты на другом этаже.

Ее улыбка тут же гаснет, она окидывает меня взглядом надменной львицы.

— Я помню, где мои комнаты, Райн. Но я не привыкла сидеть без дела, и если мне нельзя гулять, то я предпочитаю читать. Или мне нельзя читать? Или выходить из комнаты?

С каждым словом в ее глазах разгорается вызов, и я мысленно себя осаживаю. В конце концов, постоянно злить женщину, которой хочешь обладать, — не лучший способ вскружить ей голову.

— Тебе можно все, — отвечаю с улыбкой. — Но постарайся не перетруждаться.

Алисия быстро-быстро моргает и приоткрывает рот, а я подхожу ближе и склоняюсь над ее плечом, чтобы заглянуть в книгу, которой она так заинтересовалась. На самом деле мне плевать, что она

читает, строчки расплываются перед глазами: я смотрю на нежный изгиб шеи, на локоны, ниспадающие на кремовый шелк, на то, как часто она начинает дышать. В том, что Алисия чувствует то же, что и я, сомнений нет.

Я едва касаюсь губами ее уха и тихо говорю:

— Завтра я весь ваш, моя леви, и не позволю вам скучать.

Жилка на ее шее начинает неистово пульсировать, и мне начинает нравиться эта игра.

— Ты не забыла о моем подарке?

Она вскидывает голову:

— Что? Котором?

— Самом первом. — В ее глазах вижу понимание. — Пусть он пока побудет с тобой.

— Хорошо.

Я целую ей руку, мысленно посмеиваясь, потому что Алисия выглядит абсолютно сбитой с толку. Но на Кира перевожу уже строгий взгляд:

— На пару минут.

Мы выходим из кабинета, и я приказываю:

— Отвечаешь за нее жизнью и, если Алисия почувствует себя плохо или если просто скажет, что хочет меня видеть, сообщай немедленно. Не отходи от нее, но и не позволяй себе ничего.

До этого внимательно слушавший Кир хмурится:

— Последнее излишне, Райнхарт. Я бы никогда...

— Просто делай, что говорю, — перебиваю я, а после разворачиваюсь и ухожу. Потому что желание раскатать его по полу не проходит, но Алисии сейчас нужен защитник покрупнее кошки, а мне нужны эти несколько часов.

И чем быстрее я все решу, тем лучше.

Место, куда я еду, находится на окраине Барельвицы. Королевский лес. Точнее, та его часть, где заканчиваются парковые дорожки и начинается непроходимая чаща. Место, в котором можно столкнуться разве что с курсантами военной академии, практикующими мощные схемы, или с обитающими в нем дикими животными. Здесь меня никто не увидит, и никто не узнает. Для последнего я набрасываю на себя простую схему маскировки и чувствую бурлящую во мне силу.

Что же, сейчас посмотрим, на что способна магия моей невесты.

Я стянул пиджак и отбросил его в сторону. Вышел в центр небольшой поляны и прикрыл глаза. Магия заструилась во мне, стоило обратиться к силе внутри. Я мысленно начал разжигать это пламя, чувствуя, как то, что мгновение назад было искрой, превращается в костер.

Стоило начать с азов, с безобидных фиолетовых схем, но я чувствовал магию, она мне уже подчинялась, поэтому сразу создал оранжевую — ту, которую использовал на Зиге.

Рывок, и схема летит в ближайшее дерево.

Дуб, который я даже не способен обхватить руками, вырывает вместе с корнем, будто от внезапно налетевшего урагана.

И не только дуб: деревья за ним падают как подкошенные, увеличивая размер поляны.

Не может быть!

Я рассматриваю свои пальцы и не могу в это поверить. Хотя дело не в пальцах, а в том, чем я сейчас обладаю. Эта сила, сила «безродной» цветочницы сейчас сопоставима если не с моей, то с силой Элеонор точно.

А что насчет других схем?

Оторвавшись от изучения собственных ладоней, я черчу следующую схему. Круг за кругом, узор за узором, и передо мной вспыхивает огненная схема. А следом за ней воспламеняется дуб. Не просто воспламеняется, огонь практически мигом перекидывается на остальные деревья, будто его

подожгли одновременно со всех сторон, и замыкает меня в пылающее кольцо.

Гьерд меня заberi!

Круг, квадрат и множество волн. И на огненные стены обрушивается водная атака, не позволяя пожару распространиться вглубь леса и оповестить всех о моем эксперименте. Волна проходит по кругу и устремляется ко мне. Я конечно же отступаю, но тщетно: вода накрывает меня с головой.

Я от макушки до ботинок мокрый, сомнительное удовольствие, но я готов смеяться. Магия, словно дикий зверь, довольно урчит внутри. Бешено бьется вместе с сердцем.

Отплевываюсь и черчу простую согревающую схему. И вот тут меня ждет сюрприз, потому что вместо того, чтобы подсушить рубашку и штаны, магия норовит их подпалить. Смертоносная, с трудом контролируемая, она совершенно не желает работать на созидание.

И она растет с каждым часом.

Я пробую схему за схемой, но все повторяется: я, герцог Барельвийский и сильнейший маг Леграссии, едва контролирую полученную силу. Я совершенно теряю счет времени. Когда солнце уже почти скатилось к земле и в чаще ощутимо похолодало, опускаюсь на поваленный дуб.

Я перепробовал большинство боевых схем, и всякий раз выброс магии был колоссальным. Поляна стала огромной и выглядит так, будто на ней играли великаны. Но, что удивительно, сила во мне только окрепла. Я по-прежнему чувствую, что она, как цепной пес, продолжает рваться на свободу, и это странно. Настолько же странно, как и материальный маджер.

Но на сегодня точно хватит.

Я нахожу пиджак, который придется выкинуть — видимо, его задело схемой разложения.

Всю обратную дорогу я думаю о силе, которую получил, и конечно же о девушке, которую случайно повстречал. Уже в городском доме я узнаю у Робсона, что Алисия поужинала и отправилась отдыхать в свои комнаты. Точнее, в мои. Оттого, что она так близко и настолько желанна, кровь бурлит в жилах сильнее магии, но я не собираюсь отказываться от своего изначального плана.

Я отогреваюсь самым обычным и действенным способом — принимаю ванну в гостевых покоях и только после прихожу к ней.

Алисия спит.

Ее грудь мерно вздымается, волосы ручейками пламени стекают по подушкам, полные губы приоткрыты.

Я склоняюсь над ней и сожалею лишь о том, что не могу прикоснуться к ней так, как мне хотелось бы. Пока не могу. Но еще больше я сожалею о том, что не могу расспросить ее, откуда в ней сила, равная королевской.

Кто же ты, Алисия Армсвилл?

Ничего, я все узнаю.

И сделаю ее своей, как и намеревался.

Я располагаюсь на второй половине кровати и наблюдаю за девушкой ровно до тех пор, пока не проваливаюсь в сон.

ГЛАВА 23

Алисия

Нина волнуется. Не просто волнуется, кажется, она готова упасть в обморок, и мне очень хочется к ней присоединиться. Вот почему, когда нужно, рухнуть в обморок не получается? Неужели для этого обязательно нужно травиться или самовозгораться от магии? Почему нельзя просто упасть в обморок по заказу — хлоп! И готово.

И не надо ехать ни на какой бал и представляться ко двору.

Не хочу я представляться ко двору.

Не хочу!

А-а-а-а-а-а-а-а!!!!

Примерно такие мысли пронеслись у меня в голове, хотя внешне я была абсолютно спокойна. Расслабленно (на первый взгляд) сидела на пуфике, дожидаясь, пока Нина закончит с прической. Сегодня мои волосы убирали наверх.

«Такие прически будут у всех дам на Первом весеннем балу».

Так мне сказала Нина, и руки у нее слегка дрожали. Честно, я очень хорошо ее понимала. К счастью, его светлость не стал тянуть, и Нина из Эдельз Грин приехала буквально на второй день. Он вообще стал на удивление милым, его светлость. Мало того что исполнял все мои просьбы, так еще и цветами заваливал.

Гостиная при моих (или, если быть точной, наших) покоях больше напоминала магазин эрины Раллберг. Ладно бы только цветы, но мы с ним успели мило прогуляться по Барельвице — по самому центру, по которому его светлость устроил мне настоящую экскурсию. Показал, на каком месте был заложен самый первый камень нашей столицы, и остатки стены, которая когда-то отделяла город от диких земель, защищая от набегов варваров, и Королевскую площадь, и набережную Мечей, на которой в свое время любили устраивать дуэли, в том числе и магические, из-за чего на камне парапета остались ожоги и выбоины.

И бесчисленное множество магазинчиков с милыми безделушками («Не хочешь зайти и что-нибудь посмотреть, Алисия?»), и уютную милую фарховую, где подавали фарх с самыми разными сиропами, а еще самые вкусные десерты. Достопримечательности Барельвицы мешались у меня в голове с сувенирными магазинами, а факты и даты с постоянным вниманием Райнхарта к моей скромной персоне.

Чувство создавалось такое, что он действительно видит меня своей невестой, потому что на улицах Барельвицы не было ни его родни, ни знакомых и притворяться ему было незачем. Помимо фарховой мы побывали в совершенно умопомрачительном ресторанном дворе.

— Пусть это несколько эксцентрично, зато нам будет что вспомнить, — сообщил Райнхарт, чем окончательно меня добил.

— Что происходит?! — только и спросила я.

— Я наслаждаюсь твоим обществом, Алисия.

Сказано это было совершенно искренне. Нет, действительно совершенно искренне, не притерпелась, но я пошла дальше:

— Почему именно так?!

— Тебе не нравится?

— Мне нравится, но...

— Если тебе нравится, всякие «но» я считаю излишними, — сообщил Райнхарт. — Кстати, на следующую неделю я взял билеты в «Корона д'Артур». На «Мирону».

Мне оставалось только моргнуть. «Мирона» считалась классикой, и попасть на эту постановку в столице было достаточно проблематично. Особенно для меня. Особенно учитывая цену билетов и за сколько месяцев выкупались места.

Все это меня очень настораживало.

Настораживало в первую очередь тем, что мне действительно нравилось. Мне просто нравилось проводить с ним время, шутить и смеяться, ходить вместе по улицам Барельвицы и каждый раз перед выходом думать о том, понравится ли ему мой наряд. И всякий раз ловить его восхищенные взгляды и слышать низкие глухие нотки в его голосе, когда он делает мне комплименты.

Словом, это меня настораживало гораздо больше того, что его светлость ведет себя так... как ведет. За все время нашего совместного сосуществования в его спальне он не позволил себе ничего лишнего. Книги у меня были любые, какие я только пожелаю.

Кстати, Эдер слегка подрос — теперь он больше напоминал крупную собаку, чем маленького котенка, но до льва ему еще было расти и расти. В книге про маджеров я не нашла ничего, объясняющего столь разительные метаморфозы, даже несмотря на то, что изучила ее вдоль и поперек. И не только ее — несмотря на уроки этикета и время, проведенное в обществе его светлости, время на Эдера и книги я находила всегда.

Увы, маджеры действительно были сгустками энергии, у них не существовало чувств и привязанностей (кроме магического «поводка»), им не нужно было есть.

Из чего оставалось сделать вывод, что Эдер — просто исключение. Когда я поинтересовалась у Райнхарта, почему он не хочет его подрастить, он сказал:

— Мне интересно понаблюдать за естественным ходом вещей.

С тех пор мы наблюдали.

Кото-песо-магический лев ел, пил, спал, бодал меня головой в ладонь, всюду ходил за мной, урчал, требовал игр, внимания, любви и ласки. И рос. Причем мне казалось, что чем больше я с ним играю, тем быстрее он растет. Хотя это, конечно, глупость — при чем тут это, — тем не менее иногда возникало такое чувство, что растет он от моего внимания.

Я поделилась своими мыслями с Райнхартом и в ответ получила:

— Хм.

— Хм — это значит — такое возможно?

— Это значит, что в случае Эдера возможно все.

Словом, происходящее с Эдером пока осталось где-то между «это, конечно, глупость» до «в случае Эдера возможно все».

Учитывая то, что помимо меня Райнхарт был занят еще и расследованием и прочими эрцгерцогскими важными делами, ему было не до тщательного изучения особенностей Эдера.

— Эри Армсвилл. — Голос Нины выдернул меня из размышлений обратно в городской дом его светлости. — Я закончила.

Я посмотрела в зеркало.

И обомлела.

Девушка в зеркале точно не могла быть мной. Даже не девушка, молодая женщина в платье светло-зеленого нежного цвета, как только-только просыпающаяся, еще не набравшая силу весна. С уложенными в невысокую прическу огненными волосами, украшенными капельками росы драгоценных камней. К этим капелькам очень подходило обручальное кольцо и ожерелье, которое тяжестью лежало у меня на груди. Браслет облегал перчатку, а серьги подчеркивали овал лица и выпущенные на виски тонкие завитки.

Можно я все-таки упаду в обморок?

— Нельзя.

То, что это сказал Райнхарт, я поняла как-то поздно, равно как и то, что спросила это вслух. При появлении его светлости Нина побледнела еще сильнее, отступила в сторону, склонив голову и сцепив руки.

— Ты восхитительна, Алисия.

Райнхарт произнес это, глядя мне в глаза.

— Да, Нина и эрина Нерелль постарались на славу.

Если уж так говорить, постарался еще и он — драгоценности были его рук делом. В смысле это тоже был его подарок.

— Главное украшение здесь ты. — Он взял мою руку в свою и поднес к губам. — Нина, можешь идти.

Нина была явно счастлива. Присела в реверансе и поспешно выбежала за дверь — предательница! А между тем ей полагалось ехать с нами на бал. Точно так же, как и Киру: камердинер и камеристка обязательно должны присутствовать. Вдруг у меня какой локон выбьется из прически, а у его светлости шнурок на панталонах развяжется.

При мысли об этом я хихикнула.

— Я сказал что-то смешное? — нахмурился Райнхарт.

— Нет.

Не сообщать же ему, о чем я подумала.

— Уверен, после этого выхода не будет отбоя от желающих стать твоими фрейлинами.

— Тебе не кажется, что это лишнее, Райн? — Я посмотрела ему в глаза. — Мне не нужны никакие фрейлины, особенно учитывая то, что...

— Нет, — сказал, как отрезал, мгновенно становясь похожим на самого себя, а не на его светлость в затянувшемся периоде благосклонности. Такие моменты, кстати, здорово оживляли наши разговоры и не заставляли волноваться о том, что на Райнхарта случайно упало еще какое-то запрещенное заклинание.

Правда, учитывая, что его магия к нему вернулась, это было бы как минимум странно. Я видела, как он управляется со схемами, и это было невероятно. С такой легкостью владеть магией... Я бы так никогда не смогла, даже если бы она была у меня с детства.

— Рык! — сказал Эдер и спрыгнул с изножья кушетки.

— Назад, — строго приказал Райнхарт.

Эдер мрачно на него посмотрел, уселся на ковер и стал вылизывать лапу. Кстати, он больше не исчезал — всегда был рядом со мной.

Я посмотрела на него и перевела взгляд на мужчину, стоящего рядом со мной. Если бы не запретная магия, мы могли бы пересечься, только если бы на меня брызнула грязь из-под колес его мобильтеза. Поэтому я запрещала себе смотреть на него так, как смотрела сейчас. Вглядываясь в темные глаза, в мужественное лицо. Сгорая от желания почувствовать сильные ладони на своей талии — в ганце или прикоснуться к густым темным прядям, пропустить их сквозь пальцы. Все это могло бы быть в моей жизни, родись я какой-нибудь принцессой или дочерью герцога, но я была самой обычной девушкой из южного городка, цветочницей.

И немного драматургом.

Поэтому сейчас я быстро отвела взгляд.

— Нам пора. — Райнхарт предложил мне руку, и я ее приняла.

Все как полагается по этикету — зря, что ли, я часами зубрила все эти жесты, позы и без конца повторяла их вместе с учителем. Танцам меня тоже учили, основным.

— Райн, я боюсь, — неожиданно для себя произнесла я.

— Почему? — Он остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Я знаю только несколько танцев, и если вдруг...

— Этого вполне достаточно, чтобы танцевать со мной. Кроме того, в танце ведет мужчина, и я всегда сумею все сгладить.

— А если я буду танцевать с кем-то еще?

Райнхарт нахмурился:

— Ни с кем, кроме меня, ты танцевать не будешь.

— Но по этикету...

— По этикету допускается, чтобы невеста танцевала только с женихом, — отрезал он, направляясь к двери.

Эдер потопал за нами.

— Назад! — резко скомандовал его светлость.

Лев протестующе рыкнул, и я остановилась. Чуть наклонилась, погладила по голове:

— Солнышко, тебе с нами нельзя.

Этот вопрос мы с Райнхартом обсудили заранее: он сказал, что Эдера брать нельзя, поскольку его размеры вызовут множество вопросов, а толку от него не будет никакого. Я даже обиделась. За Эдера. Правда, потом поняла, что так действительно будет лучше.

— Я буду очень-очень по тебе скучать, — сказала и чмокнула в горячий магический нос. — Но завтра утром мы вернемся, и я весь день посвящу тебе. Договорились?

Эдер рыкнул, но все-таки сел. Я еще раз почесала его за ухом, после чего положила руку на локоть его светлости, который как-то странно на меня посмотрел.

В коридоре Райнхарт стряхнул с себя золотую магическую шерстинку, а внизу, где нас уже дожидались Нина и Кир, набросил на мои плечи теплую, отороченную мехом накидку. Кир, задержав на мне восхищенный взгляд, собирался было что-то сказать, но, наткнувшись на взгляд его светлости, промолчал. Только улыбнулся, и я улыбнулась в ответ.

У парадных дверей нас уже дожидался экипаж, самая настоящая карета, запряженная лошадьми. Райнхарт помог мне подняться, и, оказавшись внутри, на мягком, обитом бархатом сиденье, я вдруг поняла, что передумала падать в обморок. Сейчас мне отчаянно захотелось выскочить из экипажа и быстро-быстро бежать в сторону, противоположную от дворца.

Бежать было уже поздно: сначала в карету сел его светлость, потом мышкой нырнула Нина, потом к нам присоединился Кир. Кучер захлопнул дверцу, и мы поехали. Остался за спиной особняк, перед нами распахнулись тяжелые кованые ворота. Такие же тяжелые, каким стало мое тело, которое, кажется, с каждой минутой все больше вращалось в подушки. Хотя, может, дело было не в теле, а в глазах, которые расширились с каждой минутой.

— Алисия, как вы себя чувствуете? — это спросил Кир.

За что заработал жесткий взгляд его светлости.

— Моя невеста чувствует себя хорошо.

Я бы так не сказала.

— Меня немного укачивает. Благодарю. — Я улыбнулась.

Кир улыбнулся в ответ:

— Да, здесь на брусчатке такое иногда бывает.

— Алисия, тебе плохо? — соизволил наконец поинтересоваться Райнхарт.

— Нет, все хорошо, — солгала я.

Сама не знаю зачем. То есть знаю — не хотела еще больше пугать Нину, ну что я как ребенок, в самом деле. Что я там при дворе не видела?

Ничего не видела.

И все правила этикета, как показалось, высыпались у меня из головы, включая когда надо делать реверансы, а когда книксены, на кого и как смотреть, на кого вообще можно смотреть, с кем и как разговаривать, в какую сторону обмахиваться веером, а в какую не обмахиваться. Ладно хоть танцевать ни с кем не придется, кроме Райнхарта, а значит, и общение с потенциальными кавалерами отпадает, и необходимость вести бальную книжку.

Поскольку Нина была слегка белого цвета, его светлость буравил взглядом своего камердинера, а камердинер делал вид, что он внутренний фонарик, я предпочла смотреть в окно. В окне, то есть за окном, сначала мелькали особняки одного из самых богатых районов Барельвицы, а после моста, который речушкой Арханой отрезал нас от богатства и роскоши, пошел район попроще. Если верить

Райнхарту, здесь покупали дома просто богатые люди, не имеющие титулов, да и сами дома были попроще — не на квартал разом.

Парки тоже были поменьше и в темноте, подсвеченные фонарями, казались темными пятнами за решетками оград.

Спустя какое-то время (не знаю точно какое, потому что после того, как мы выехали из района, где жил его светлость, я сбилась с внутреннего счета) колеса экипажа загрохотали уже по улицам центра. Мобильезы и экипажи, коих здесь было бесчисленное множество, смешивались перед глазами в размытые маячащие огоньками пятна, отражающиеся в темной воде Ницары.

Я закусываю губу, чувствуя, как внутри разгорается пламя. Пламя, очень похожее на то, что я чувствовала, когда из меня вырывалась магия. К счастью, сейчас это невозможно, а у меня, похоже, жар от тревоги — и этот жар нарастает, настолько, что перед глазами начинают мелькать разноцветные звездочки.

Которые раскрываются вспышкой магии.

От неожиданности я подсакиваю и понимаю, что это его светлость создал осветительную схему, которая поднялась к потолку и сейчас рассыпает дополнительный золотой свет.

— Еще немного — и я просто усну в этом полумраке, — поясняет Райнхарт под пристальным взглядом Кира, а потом, прежде чем я успеваю вздохнуть, наклоняется ко мне и целует.

Глубоко.

Так глубоко, что мне становится нечем дышать, а жар из груди перетекает на щеки, но кажется, мне сейчас даже не до него. Я просто чувствую прикосновение его губ, хотя прикосновением это назвать сложно — это самая настоящая ласка. Особенно учитывая, что его пальцы касаются моих скул и что сквозь них — от него ко мне и обратно — течет мягкое, согревающее тепло.

В этом сумасшедшем потоке, раскрывающем во мне что-то новое, я и теряюсь, полностью растворяясь в этих прикосновениях. Мне кажется, что мир перестал существовать — не только потому, что он меня целует, но потому, что он целует меня именно сейчас. Совершенно не стесняясь Кира и Нины, переключая мое волнение на эти чувственные ощущения.

— Больше не укачивает? — спрашивает он, отстраняясь и глядя мне в глаза.

— Нет, — тихо признаюсь я.

И мне совершенно все равно, что Нина уже не белая, а пунцовая, а Кир, кажется, даже больше не изображает фонарик, он уже им стал (в смысле делает вид, что его здесь нет). Во мне же самой словно какой-то внутренний фонарик зажегся, прошла вся дрожь, переживания растворились. Я чувствую этого мужчину как никогда раньше, словно за короткий миг мы стали единым целым.

Чувствую и понимаю, что рядом с ним мне действительно бояться нечего.

Это происходит очень вовремя: краем глаза я улавливаю королевский дворец. Он сияет и переливается огнями, расцветивая Венценосную площадь вспышками искр на камнях. Миг — и мы уже сворачиваем на объездную, чтобы присоединиться к череде экипажей. Райнхарт держит мою руку в своей, а я с трудом сдерживаю желание податься чуть ближе к нему, смотрю, как узенькая улочка раскрывается площадью и как громада дворца вырастает над нами.

Огромные окна, залитые светом, колонны, лакеи в ливреях, встречающие подъезжающие экипажи. Могла ли я представить, что все это когда-то будет в моей жизни? Разумеется, нет! Я даже в своих пьесах это сомнительно представляла, но теперь знаю, что обязательно напишу новую, и в ней...

— Добро пожаловать, ваша светлость!

Райнхарт спускается первым, подает мне руку.

Под ногами такая изящная лесенка (язык не повернется назвать ее лестницей), а после — алая дорожка, подчеркнутая золотыми виньетками. Мы идем по ней, поднимаемся по лестнице, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы обернуться на Кира и Нину. Вовремя вспоминаю, что они поехали дальше — камердинер и камеристка заходят с другого входа.

Уже в холле на нас смотрят все, взгляды не просто к нам липнут, они оседают на платье, впиваются в волосы и в кожу. Я чувствую их отовсюду, и если бы не было того поцелуя, наверное, я взорвалась бы без всякой магии, но сейчас моя рука просто на сгибе локтя Райнхарта. На губах — легкая улыбка, когда я поворачиваюсь к кому бы то ни было или когда у нас забирают накидки.

Следующая лестница — и вот мы уже перед дверями в зал, роскошный холл в белом мраморе и

ослепительном сиянии огромных люстр остается за спиной. Мы чуть замедляемся, двери перед нами распахивают, и церемонимейстер объявляет:

— Его светлость эрцгерцог Барельвийский и его будущая супруга, эри Армсвилл.

Я глубоко вздыхаю, и мы с Райнхартом вместе шагаем в зал.

ГЛАВА 24

Райнхарт

Идея не рассказывать Алисии про ее магию оказалась не такой хорошей. А может, не лучшей была идея представить ее ко двору. Потому что я изначально принял ее сегодняшний страх за предвкушение. Все без исключения женщины любят балы, а еще наверняка волнуются перед знакомством с королем. Хотя Алисия выглядела настолько изумительно, что первой моей мыслью было, что волноваться придется мне.

То есть сдерживаться, чтобы не придушить каждого, кто будет на нее смотреть. Начиная от Кира и заканчивая светскими хлыщами, взгляды которых так и липли к ее совершенному лицу, изучающе скользили по фигуре. Правда, стоило им пересечься глазами со мной, скользить куда-либо они передумывали.

Алисия улыбалась.

Так же, как делала это в моем доме. С поистине королевским достоинством и спокойствием, поэтому я едва не упустил момент, когда она начала паниковать. Или продолжила паниковать и чуть было не спалила экипаж!

Ладно, допустим, сжечь экипаж ей не грозило, особенно сейчас, когда ее магия бурлила в моих жилах. Возможно, именно поэтому я почувствовал, когда сила едва не выплеснулась наружу. Заметил и забрал часть собственной взрывоопасной магии.

Забрал, да. Заодно вспомнил, какие мягкие у нее губы и как чувственно Алисия откликается на мои прикосновения. Чувственно и доверчиво. И хорошо, что сделал это по пути, а не когда пришлось покинуть карету.

Теперь я был словно пьян и сомневаюсь, что от действия магии. Мне больше не хотелось никаких балов и никаких представлений своей невесты королю и двору. Но это мне, у Алисии же сверкали глаза от дворцовой роскоши. Правда, только глаза, потому что ни в ее походке, ни в грациозном повороте головы никто бы не заметил спешки или суеты.

На меня она тоже смотрела, как если бы действительно была моей невестой: с достоинством, с этой чувственной улыбкой, но без робости или заискивания. Смотрела как на равного, как, впрочем, и всегда.

В отличие от всех представителей знати, собравшихся здесь, она совершенно не умела притворяться. Но Алисия смогла меня удивить. В определенный момент, в экипаже, я подумал, что она вспылит, обвинит меня во лжи и заставит повернуть назад. Я даже этого хотел. Но она не сказала ничего подобного, сделала вид, что не заметила вспышки магии. Я успел скрыть всплеск от Кира и камеристки, но сама Алисия должна была это почувствовать. Но она вела себя так, будто ничего не случилось.

И это сбивало с толку.

Теперь я не знал, чего от нее ждать и когда. Как и от ее магии.

Зигвальд оказался прав: бессознательно Алисия нашла способ сливать силу, которой у нее не получалось управлять, в маджера. Эдер рос изо дня в день, и мне было интересно наблюдать за тем, что из этого получится. Его постоянное присутствие рядом с девушкой помогало избежать вспышек, но сегодня я хотел, чтобы внимание Алисии принадлежало только мне, а мое — ей.

Как оказалось с последним я погорячился, потому что стоило нам спуститься по лестнице, ведущей в бальный зал, как желающие выразить мне свое почтение, а заодно познакомиться с моей невестой выстроились в длинную очередь.

Приходилось это почтение принимать и с невестой знакомить. Как ни странно, глядя на Алисию сейчас, было легко поверить в то, что я решил на ней жениться. Она была прекрасна, и я откровенно ею любовался. В перерывах, когда не рассматривал лица гостей. За улыбкой вполне мог скрываться один из тех, кто покушался на меня и пытался убить Алисию. Впрочем, никто ни словом, ни взглядом не выказал недовольства или пренебрежения к происхождению моей невесты.

Еще бы они попробовали сделать это на моих глазах!

Пусть так и остается.

Когда очередь выросла, я пресек этот поток, в конце концов мне это порядком надоело, а Алисии с

непривычки наверняка было сложно. Не говоря уже о возможности магического возгорания. После сцены в экипаже я точно знал, что нужно представить Алисию королю, потанцевать для приличия, показать свою избранницу и тут же возвращаться домой. Не стоит задерживаться дольше положенного и ни в коем случае не стоит позволять ей волноваться.

— Не устала? — поинтересовался я, когда мы отошли в сторону диванов с золотисто-голубой обивкой. Все в королевском дворце было золотым.

— Нет, — покачала она головой.

— Скажи, если тебя это утомит.

Алисия улыбнулась, показав очаровательные ямочки на щеках.

— Как такое может утомить?

— Может, поверь. Как тебе дворец?

— Огромный и красивый. Хочется прыгать от восторга и беззастенчиво рассматривать лепнину и картины.

— Прыгать?

— Примерно так. Но как видишь, я прилежно училась манерам.

Прилежно? Ощущение, что у нее это в крови!

А может, действительно, в крови. Я поймал взгляд Себа, который как раз спускался по главной лестнице. Судя по его кивку, у него появились новости.

Если и была причина, по которой я мог ненадолго оставить Алисию, то только ради разговора с Себом. Я как раз собрался сообщить ей, что ненадолго отлучусь, когда рядом раздалось тактичное покашливание. Обернувшись, я заметил Полинского.

И его дочь.

Леопольдина считается первой красавицей при дворе, но может похвастаться не только утонченной внешностью. Род Полинских начинался от королевской ветви, в их владении были плодородные земли, которые приносили хороший доход, позволяющий герцогу не только купать единственную дочь в роскоши и богатстве, но и дать ей отличное образование. Дина разбирается в политике, экономике и магии, может поддержать разговор на любую тему, занимается благотворительностью и увлекается современным искусством. Идеальная герцогиня. Идеальная королева Леграссии. И она вполне подходила на эту роль.

Если бы я немедленно искал супругу, а Дина не считала меня трофеем. Когда женщина думает о тебе словно о диком кабане, которого нужно загнать, а потом повесить его голову в гостиной и гордиться тем, что она прекрасная охотница, интереса это не возбуждает. Она в принципе не возбуждает.

Моя будущая королева должна обладать разумностью, чувством юмора, увлеченностью тем, что мы будем делать для нашего народа, и самоотверженностью. Конечно же моя женитьба станет идеальным политическим ходом.

— Барельвийский, давно тебя не видел. — Полинский протягивает ладонь для рукопожатия, и я ее пожимаю. Мы не друзья, но встречаемся в одних кругах.

— Я был занят делами, Мидлтон.

— Тогда ты должен представить меня своим делам.

Полинский переводит взгляд на Алисию, и этот взгляд мне совершенно не нравится. Слишком он липкий. Чересчур оценивающий.

Поэтому я сжимаю ее ладонь в своей и представляю Алисии сначала герцога, а затем Леопольдину. В отличие от оценивающего взгляда отца, она вся лучится искренностью и дружелюбием.

— Вы впервые при дворе? — интересуется герцогиня у Алисии, когда все церемонии соблюдены.

— Да.

— Тогда я могу все вам рассказать и показать.

— Благодарю за предложение, ваша светлость, но Райн собирался сделать это сам.

Дина поджимает губы, но потом снова улыбается:

— Тогда его светлость обязательно должен показать вам тайную беседку в королевском саду, о которой однажды поведал мне.

Не припомню, чтобы я о чем-то рассказывал.

— Райнхарт, — возникает будто из ниоткуда Себ, — нам нужно срочно поговорить.

И оставить Алисию на этих хищников?

— Дело государственной важности, — уточняет советник.

— Иди, Райн, — на этот раз за моей спиной раздается мягкий голос мачехи, — я присмотрю за твоим сокровищем.

Алисия едва уловимо сжимает пальцы на моем локте, и я накрываю ее ладонь своей. Волнуется? Сейчас совсем не время. Тем более что в присутствии мачехи Полинские точно не позволят себе лишнего, а она слишком ценит свою репутацию, чтобы идти в открытую против меня.

— Жанна, позволь представить тебе мою избранницу, эри Алисию Амрвилл. Алисия, это леви Жанна Андриэтта Груа, графиня Эжель, вдовствующая герцогиня Дорийская, вдовствующая герцогиня Барельвийская.

— Женщина, которая вырастила его мужчиной, — с усмешкой добавляет мачеха.

— Можно сказать и так. С Элеонор ты уже успела познакомиться.

Сестра мрачной тенью маячит за спиной Жанны и переглядывается с подружкой. Моя же невеста опускается в безукоризненном реверансе.

— У вас столько титулов, ваша светлость.

— У меня была очень интересная жизнь, Алисия. Впрочем, больше всего я горжусь последним титулом. Мои дети — это действительно то, чем следует гордиться. Ты уже знакома с Зигвальдом?

— Да, ваша светлость.

— Ты скоро войдешь в нашу семью, поэтому можешь называть меня Жанна.

Вздых Элеонор такой громкий, что слышен даже в шумном зале, но под пристальным взглядом матери сестра опускает глаза в пол.

— Мужчинам самое время заняться государственными делами, — мачеха улыбается Полинскому, а затем переводит взгляд на меня, — а нам — развлечениями.

Почему у меня такое чувство, что меня пытаются спровадить?

Если бы не слова Себа, я бы точно остался, но желание поскорее узнать, кто на самом деле моя Алисия, сильнее желания остаться.

Я целую мачехе руку.

— Только тебе я и могу доверить свое *сокровище*. — Я выделяю последнее слово, чтобы всем присутствующим стало совершенно ясно, что за любой пассаж в сторону Алисии придется держать ответ передо мной.

Впрочем, когда я поворачиваюсь к ней, все остальные перестают для меня существовать. Я сжимаю ее руки в своих ладонях, стремясь передать часть своей уверенности.

— Будешь скучать?

— Все зависит от предложенных развлечений, — улыбается она. — Но с тобой всегда веселее.

Сомнительный комплимент, но окружающие его проглатывают.

— Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Поцеловав руку Алисии, ухожу вслед за Себом. Мы выходим на пустую террасу, где активирована огненная схема, она работает на минимуме, но даже так ощущение, будто сейчас не прохладная весенняя ночь, а летняя. На террасе пусто, но я все равно черчу схему тишины — так нас точно

никто не услышит.

— Что ты нашел? — Я сразу перехожу к делу.

— Ее мать была камеристкой у графини Тимрэ.

— Тимрэ? Не припомню, чтобы слышал это имя.

— Неудивительно. Ты тогда был слишком мал, а граф и графиня не сделали ничего примечательного, чтобы войти в историю, и ничем не отличились при дворе. Они жили в Барельвице год, затем Тимрэ погиб под колесами экипажа — несчастный случай, а графиня практически сразу уехала в загородное поместье и до самой смерти его не покидала. Их титул перешел племяннику, который сейчас учится в военной академии.

— Вернемся к камеристке, — напоминаю я. — Она уехала с ней?

— Нет. Они покинули Барельвицу одновременно: графиня уехала на север, а ее помощница отправилась на юг.

— И это всё? Что насчет отца? Кто такой этот Армсвилл?

— Вот тут самое интересное. Его не существует. Никого в окружении эри Лимор с такой фамилией не было. Больше похоже на то, что она его сама придумала. И замужем она никогда не была, а значит, твоя невеста — незаконнорожденная.

— Это не изменит моих планов в отношении свадьбы.

— Об этом никто не узнает.

— Хорошо. Ты сможешь найти ее отца?

— Если буду знать, кого искать, Райнхарт. — Себ морщится. — Кого я вообще ищу?

Да, придется поделиться с ним частью секретов.

— У Алисии есть магия. Достойная дочери герцога. Или очень талантливого боевого мага.

С последним я немного кривлю душой, потому что настолько могущественным магам обычно короли дарят титулы, а это значит, что, вероятнее всего, отец Алисии аристократ. А эрна Армсвилл была камеристкой графини, вроде Нины, и могла закрутить короткий роман с кем-то из знати.

Себастиан смотрит на меня долго-долго, а после кивает:

— Что ж, это несколько сужает поиски. Одна зацепка у нас уже есть.

— Возможно, не одна.

Он смотрит на меня вопросительно, и я интересуюсь:

— Как выглядит эрна Армсвилл?

— Это имеет отношение к делу?

— Определенно.

Судя по взгляду, до Себа тоже дошло, к чему я веду.

— Миниатюрная блондинка.

Что и требовалось доказать!

— У моей невесты очень необычная внешность, думаю, это поможет сузить поиск. Нам нужно найти рыжеволосых аристократов, которые в то время были при дворе и общались с четой Тимрэ. А сейчас мне нужно вернуться к Алисии.

Я разворачиваюсь, чтобы покинуть террасу, но Себ меня останавливает.

— Что делать, если я найду ее отца?

— Когда ты его найдешь, сообщи мне.

Вернувшись в зал, я сразу же нахожу взглядом Алисию и до хруста сжимаю челюсти.

Потому что она кружится в танце с Зигвальдом.

ГЛАВА 25

Алисия

— Итак, Алисия, как же вы оказались в Барельвице? — спрашивает Дина, когда ее отец отходит следом за Райнхартом и женщиной с «делом государственной важности». Правда, Полинский направляется совершенно в другую сторону, и, в отличие от Райнхарта, чем дальше уйдет, тем лучше.

Мне не очень понравился его взгляд.

Хотя сколько их еще будет, тех взглядов.

— Привезла свою пьесу в театр.

— Пьесу?! В театр? Как интересно! — Лицо Дины лучится восторгом. — О чем там? О козочках и пастухах?

— Нет, там про провинциалку, в которую влюбился принц, — заявляет Элеонор.

— Девушки! — Жанна немного повышает голос — ровно настолько, насколько позволяет этикет. — Не набрасывайтесь на Алисию с расспросами, она впервые на балу, и ей нужно время, чтобы прийти в себя.

— Ах да, я и забыла. — Дина дружелюбно кивает. — Мне просто показалось, что Алисии интересно поговорить о том, в чем она будет в своей стихии. Чтобы немного прийти в себя, разумеется.

— Благодарю за заботу, Жанна. — Первой я отвечаю мачехе Райнхарта: все согласно этикету. — Что касается моей пьесы, леви Полинская, Гриз — южный город, портовый. Основные пастбища располагаются чуть севернее, поэтому в моей пьесе упоминается море. В самом начале — до того, как главная героиня переедет в столицу.

Дина сверкает глазами. В сторону подруги, как ни странно.

— Скажете, у вас там не было коз? — Элеонор вызывающе складывает руки на груди. От резкого движения атласная сумочка-узелок подскакивает и бьет ее по юбке.

— Эле! — Жанна едва уловимо хмурится.

Элеонор хмыкает:

— Я читала ее пьесу в кабинете Райна! Бездарность полная!

— Эле! — Вот теперь Жанна повышает голос, но тут ее лицо в мгновение ока преобразается. Я бы даже сказала, расцветает: герцогиня и без того красивая женщина, высокая, темноволосая, а платье из бархата вишневого цвета только подчеркивает ее зрелую красоту. И вот, в мгновение ока она становится еще прекраснее, как будто внутри включилась осветительная схема.

— Дамы! О чем такой жаркий спор? — Подошедший Зигвальд касается моей руки раньше, чем я успеваю произнести слова приветствия или сделать что-либо еще. Подносит ее к губам и целует. — Алисия, вы, как всегда, очаровательны. Мама. Дина. Эле.

— Девочки очень заинтересовались творчеством Алисии. — Даже ее голос становится мягче.

— Неудивительно. Если вся пьеса настолько хороша, как тот эпизод, что мы отыграли вместе, я бы не отказался посмотреть ее в «Корона д'Артур».

Элеонор мрачнеет так стремительно, что становится похожа на тучку в ночи. Правда, никто не успевает вставить и слова, потому что Зигвальд кивает в сторону музыкантов.

— Вот-вот объявят тванг. Алисия, окажете мне честь?

Мне стоило бы отказаться, но меньше всего мне хочется оставаться в этой компании. Поэтому я чуть приседаю и говорю:

— Буду рада, ваша светлость.

— Вот и чудесно. Как хорошо, когда все рады, правда, мама?

Жанне Зигвальд тоже целует кончики пальцев, а после предлагает мне руку.

— Насколько сильно вас успели поклевать?

— Их клювики слишком слабые.

— То есть мое спасение совсем не спасение? — Он прикладывает руку к груди.

А я думаю, что ему очень идет черный с серебром. Очень. Подчеркивает его внешность и оттеняет цвет волос, который напоминает снег.

— Я вам благодарна, — признаюсь честно. — И за то, что пригласили меня на ганец, и за комплимент в адрес моей пьесы. Даже если вы так не думаете.

— Но я так думаю. — Зигвальд усмехается. — Я вообще из тех, кто говорит то, что думает, если вы еще не заметили.

Я вскидываю брови:

— То есть вам действительно нравится моя пьеса?

— Из того, что я сыграл, — да. Знаете, это по меньшей мере забавно и очень чувственно.

О да, Зигвальд и впрямь говорит то, что думает. Большинство мужчин предпочли обозначить бы слово «чувственно» каким-нибудь другим, смутно имеющим отношение к тому, что я вкладывала в эту сцену.

— Современному искусству, на мой взгляд, весьма не хватает живости, — продолжает он.

Мы как раз выходим в центр зала, и звучит музыка. Образовавшаяся рядом с нами пара — забавный старичок и его жена с высокой прической, которая подпрыгивает на каждом па, — немного мешают продолжать разговор. Когда мы снова сходимся, чтобы через несколько мгновений поменяться уже с другой парой, Зигвальд успевает мне подмигнуть.

Танец живой, быстрый, поэтому я едва успеваю вспоминать все то, чему меня учили, и мне совершенно точно не до разговоров. Я вся покрываюсь холодным потом, чтобы не сделать лишнее движение или не уйти куда-нибудь не в ту сторону, тем не менее, когда музыка стихает, сердце все еще грохочет в ее ритме.

И я даже почти забыла о словах Элеонор о том, что она читала мою пьесу в кабинете Райна. Что она там делала?! Не Элеонор, разумеется, а пьеса.

Зигвальд склоняется, не забывая при этом посмотреть мне в глаза:

— Так на чем мы остановились, Алисия?

— На живости, — говорю я.

— Да, живость — это то, чему у вас стоит поучиться, — произносит он. — Искренность. Настоящие чувства. Вы совершенно не умеете их скрывать.

— Правда? — Я стараюсь сделать лицо настолько спокойным и доброжелательным, насколько это вообще возможно.

— Правда, — говорит он. — Вот сейчас вы хотели изобразить вареную рыбу, но у вас совершенно не получилось. Потому что вы все еще танцуете.

Я собираюсь возразить, но в этот момент снова звучит музыка.

— Этлуан, — Зигвальд протягивает мне руку, и я шагаю в танец вместе с ним. Сейчас вообще забывая о том, чему меня учили, потому что Зигвальд ведет настолько уверенно и сильно, насколько это вообще возможно. Его рука лежит на моей талии, вторая — сплетается с моей пальцами при сгибе локтя под углом девяносто градусов. Странно, что мне в голову приходят именно эти сухие определения от учителя танцев, потому что рядом с ним мне действительно не о чем беспокоиться. Он начинает движение, а мне надо просто идти за ним, повторять их, и это настолько надежно, что я просто растворяюсь в танце и в музыке.

Кружусь по залу, чувствуя, как меня захватывает пьянящий восторг, в движении замечаю высокие стены, колонны, огромные арочные окна, раскрывающиеся ночью. Рядом танцуют пары, мелькают счастливые лица, улыбки, сплетения рук. Я чувствую, что сияю, и так же чувствую на себе взгляд Зигвальда. Смотрю на него — лишь на миг, — чтобы всем телом ощутить странный жар, который возникает только в присутствии...

Оборачиваюсь прямо в кружении и вижу Райнхарта.

Который идет к нам.

Что-то в поступи его светлости (а возможно, в выражении его лица) подсказывало, что лучше бежать. Куда бежать прямо в танце, я представляла смутно, поэтому сбилась с ритма и наступила Зигвальду на ногу. Для начала.

— Ай, — как ни странно, это сказала я, а не он, потому что у меня кольнуло руку.

Если быть точной, ужалило как огнем.

Ту самую руку, которую чуть ли не на полном ходу перехватил его светлость. Тот, который Райнхарт, а не тот, которому я только что наступила на ногу.

— Братец, ты совсем ополоумел? — Зигвальд не повысил голос, из-за чего получилось почти шипение.

— Заткнись, и тогда я не оторву тебе голову прямо здесь. — Райнхарт сжал мою ладонь и чуть ли не силой водрузил ее на сгиб своего локтя.

— Проверим, кто кому оторвет голову? — Зигвальд прищурился. — Ты так заботишься о ее репутации, что решил испортить ее с самого начала и навечно?

Взгляд Райнхарта стал таким, что в зале потемнело. Хотя танец и без того превратился в нечто странное: пары продолжали кружиться под музыку, но смотрели все исключительно на нас.

— Райн, мне нехорошо, — сообщила я, вспоминая, что в любой неловкой ситуации леви лучше падать в обморок.

Падать в обморок я, разумеется, не собиралась, но мне точно не улыбалось, чтобы Зигвальд с Райнхартом сцепились прямо здесь. Как ни странно, сработало: Зигвальд перевел взгляд на меня, а Райнхарт просто повел меня в ту сторону, откуда пришел. Очень быстро. Судя по тому, как быстро он меня вел, сработало только наполовину, потому что волочь за собой женщину, которой дурно, с такой силой этикетом не предусмотрено.

Зато жар прошел, и не было больше этого волшебного чувства.

Оказавшись за дверями бального зала, я попыталась было слегка упереться ногами в пол, но это не сработало.

— Райнхарт.

Это не сработало тоже.

— Райнхарт!

Меня вытолкнули на балкон, а после остановились напротив, сложив руки на груди:

— Мне кажется, я оставил тебя с Жанной, Диной и Элеонор.

— Да, в чудесной компании, которая всячески намекала на то, что я на балах впервые и моя пьеса годится только для туалетной комнаты.

— Пять минут можно было потерпеть! — почти прорычал Райнхарт. — Я не разрешал тебе танцевать с Зигвальдом. Что я тебе говорил про этикет и про репутацию?

Я сжала кулаки:

— Ты меня плохо слышал? Твой брат просто меня спас и пригласил на открывающий танец, чтобы я не выслушивала вот это вот все!

— Ты танцевала с ним второй танец?!

Ну все!

— Лучше расскажи, зачем ты давал своей сестре читать мою пьесу!

Райнхарт сверкнул глазами:

— Я ничего ей не давал.

— Ну разумеется!

— На что ты намекаешь, Алисия?

— Ни на что! Мне просто интересно, что моя пьеса вообще делала в твоём кабинете?

Он шагнул вплотную ко мне:

— Если тебе это так интересно, я просто решил ее прочесть.

Готовая уже нападать дальше, я осеклась. Зигвальд, сказавший, что моя пьеса его заинтересовала, меня слегка удивил. Но Райнхарт, который говорит, что решил прочесть мою пьесу... Почему-то на сердце стало удивительно тепло, и вообще стало тепло. Так тепло, что я почти забыла о том, что мы ссорились.

До того, как он произнес следующую фразу:

— Я хотел понимать, что отправляю в «Корона д'Артур».

Я поморгала. Чтобы убедиться, что не сплю и что все правильно расслышала, но галлюцинация (то есть Райн, который это сказал) не спешила рассеиваться.

— Зачем? — спросила я.

Это было самое нормальное, что пришло мне в голову. Хорошо, будем честны, больше мне ничего в голову не пришло.

— Не догадываешься? — поинтересовался он. — Хотел сделать тебе приятное, Алисия. Пьесу не приняли по моей вине, считай это моим извинением за то, что произошло. Ну а я, в свою очередь, жду твоих.

Что я там говорила про тепло? Райнхарт, он же его светлость эрцгерцог Барельвийский, по умению отрезвлять сравнится только с Синуанским водопадом, на который в Гризе возят посмотреть всех приезжих.

— За что? — уточнила я. — За то, что танцевала без тебя? За то, что танцевала с Зигвальдом? Или за то, что танцевала с ним два раза?

Очевидно, что-то в моем голосе было недостаточно извиняющееся, потому что Райнхарт сдвинул брови, мгновенно заполняя взгляд этой своей эрцгерцогской тяжестью.

— За все сразу, Алисия.

— Если уж так говорить, сейчас, на этом балконе, мы грубейшим образом нарушаем этикет, — заметила я. — А в том зале все считают, сколько по времени нас не было, и строят интереснейшие теории. Не считая того, что скоро появится его величество Гориан Третий, а мы все пропустим. Вернемся в зал, ваша светлость?

Райнхарт открыл рот. Потом его закрыл. Кажется, дипломатические способности его светлости ненадолго оставили, а я потрясла рукой, давая понять, что сама себя в зал не поведу. Да и вообще, нечего мне тут сцены ревности закатывать! Почему-то мысль об этом оказалась еще более теплой, чем когда он сказал, что читал мою пьесу. Кстати...

— Как тебе «Бал цветов»? — решила прийти на помощь его светлости, который, хоть и предложил мне руку, по-прежнему напоминал выброшенную на берег рыбу. Ну или лишенного малейших представлений о том, как быть дальше, эрцгерцога.

— «Бал цветов»?

— Моя пьеса.

— Недурно.

— Это все, что ты можешь сказать?

Райнхарт нахмурился еще сильнее:

— Уроки этикета не прошли для тебя бесследно, правда, Алисия? Ты потрясающе заговариваешь зубы.

— Это называется умение вести светскую беседу. — Я очаровательно улыбнулась и погладила лацкан его фрака, чем, кажется, ввела его светлость в новый кратковременный ступор. — Меня правда интересует, что ты о ней думаешь.

— Я... гм...

Что там подразумевалось под «гм», узнать было не дано, потому что Райнхарт неожиданно произнес:

— Ты права, мы можем пропустить появление его величества, — и ускорил шаг.

На этот раз я даже продолжить не успела, потому что мы повернули из длинного коридора в холл, где перед дверями стояли лакеи в сверкающих ливреях. Чувство было такое, что они впитали всю силу начертанных под светильниками воздушных схем. Сама не знаю, почему я об этом подумала, и тут меня накрыло осознанием.

Я что, чувствую воздушные схемы?

Об этом я тоже ничего не успела сказать, потому что двери перед нами распахнули и мы снова окунулись в музыку и суету бальной залы. Я была настолько потрясена последним открытием, что даже забыла улыбнуться в ответ на очередное представление меня кому-то из знати.

Пресветлый, здесь так чудесно! — восхищенно пробормотала пухленькая женщина (если не сказать взвизгнула). Райн отошел с ее супругом, и я только кивнула в ответ на такое выражение эмоций.

— Знаете, я очень рада с вами познакомиться лично! — продолжала щебетать женщина. Когда она улыбалась, ее пухлое лицо прорезали приятные морщинки, как завитки на сдобной выпечке. Она вцепилась мне в руку, потянула вдоль стола, на котором стояли напитки и блюда с самыми разными угощениями-закусками. — О вас говорит вся столица! И, по большому секрету, Алисия, у меня для вас есть письмо.

Письмо?! Мне?!

— Надеюсь, это останется нашим секретом, потому что женщина, которая передала его мне, очень об этом просила. — Последние слова она и вовсе прошептала. А после осторожно кивнула в сторону своего супруга и Райнхарта: — Это от матери его светлости. Я ее лучшая подруга. Пожалуйста, не говорите ему ничего.

Прежде чем я вообще успела что-то сказать, мне в руку сунули конвертик, иначе его назвать было нельзя.

— Они возвращаются! Возвращаются! Прячьте же его скорее! — отчаянно зашептала женщина, и я автоматически сунула конвертик в свою атласную сумочку. Сумочка отказывалась закрываться, и я уже пожалела, что назвала это конвертище конвертиком, когда на выручку пришла моя новая знакомая (или не совсем знакомая, поскольку я пропустила ее имя при представлении). Она дернула за тесемки сумочки так, что та с хрустом сожрала послание, а после с милой улыбкой развернула меня к мужу и Райну.

— О! Наши мужчины вернулись! Какая прелесть!

— Ее величество Дориана!

Голос церемонимейстера ворвался в многоголосье шумного зала, заставив замолчать, кажется, даже горячо бьющиеся после танцев сердца.

— Как? — пискнула моя новая незнакомая. — Разве сегодня с нами не будет его величества?

На нее покосились, но я уже смотрела на королеву. На женщину, вошедшую через парадные двери и возвышающуюся надо всеми на роскошном балконе, украшенном цветами. Светлые волосы, уложенные в высокую прическу, обнимала корона. Платье, золотом и белыми узорами облегающее высокую грудь, волнами стекало от талии к полу.

— Я рада приветствовать всех вас на балу, знаменующем начало весны! — Голос у нее был сильный и глубокий, хотя и чуть звенящий. — К сожалению, мой супруг не сможет сегодня быть с нами, но он просил передать, что это не должно омрачать наш праздник. Чудесного вечера, мои дорогие!

Ее слова толпа подхватила овациями, а я едва успела перевести дух, когда Райнхарт подал мне руку.

— Пойдем, Алисия. Пришло время представить тебя ее величеству.

Я сглотнула. Одно дело — быть представленной родственникам Райнхарта и даже Дине с ее отцом, которые не то покусать меня хотели, не то раскатать по полу в качестве узора для бальной залы, и совсем другое — ее величеству!

— Райн, я не хочу.

— То есть? — Он нахмурился, к счастью, наша заминка осталась незамеченной, поскольку все

взгляды сейчас были сосредоточены на королеве, в сопровождении фрейлин шагающей к трону.

— То есть... мы можем это отложить на конец вечера?

— Разумеется, нет! Алисия, я — эрцгерцог, а ты — моя невеста!

— Фиктивная.

— Но об этом никто не знает.

— Если мы продолжим обсуждать это здесь, кто-нибудь обязательно узнает!

— Поэтому я и предлагаю познакомиться с ее величеством. — Райн взглядом указал на усаживающуюся Дориану. — А после ты весь вечер будешь со мной, и больше никаких напряженных встреч.

Я глубоко вздохнула:

— Если ты обещаешь...

— Обещаю. — Он накрыл мою руку своей, мгновенно превращаясь из Райнхарта-который-рычит в Райнхарта-который-мурчит. Признаться честно, я уже почти привыкла к первому и совершенно терялась в присутствии второго, иначе чем еще объяснить, что я сейчас покорно кивнула? И пошла за его светлостью по дорожке, располосовавшей зал надвое.

По этой дорожке, по которой шла королева, следом за нами тоже выстраивались пары. Следующими, к слову, шли Зигвальд и Жанна, и, когда я случайно зацепилась за брата Райнхарта взглядом, Зигвальд мне подмигнул.

Ее величество восседала на троне, и чем ближе я к ней подходила, тем сильнее меня охватывало странное чувство. Такое, которое обычно кричит — развернись и беги, — но мы же «невеста эрцгерцога», нам нельзя потакать своим низменным страхам. Поэтому я нацепила на лицо улыбку, с которой сегодня почти не расставалась, и еще пару раз глубоко вздохнула по пути — чтобы воздуха хватило на весь разговор с Дорианой.

— Ваше величество. — Райн поклонился, и я вместе с ним склонилась в глубоком реверансе.

По этикету подниматься было нельзя, пока Дориана не ответит, а она там, кажется, слегка задумалась — может, считала по головам всех, кто стоял за нами. Тем не менее почему-то ее взгляд я чувствовала именно на себе, такой пристальный, от которого начинала дымиться макушка. Мне даже захотелось ее потрогать — может, и правда дымится? Особенно когда за спиной раздались недоумевающие шепотки.

— Райнхарт. — Голос королевы наконец-то позволил нам разогнуться. — Рада приветствовать тебя на первом весеннем балу.

— Взаимно рад встрече, ваше величество. Позвольте представить вам мою будущую супругу, эри Алисию Армсвилл.

Нет, она точно не на меня смотрела, потому что сейчас едва скользнула прохладным взглядом по моему лицу.

— Рада знакомству, Алисия.

— Ваше величество.

Фрейлины, собравшиеся чуть поодаль, смотрели на меня ровно так же: прохладно, как на некачественно обитый бархатом табурет. Я успела только порадоваться, что это представление, вероятно, подходит к концу, когда моя сумочка дернулась. Полыхнула ослепительным алым светом, обожгла мне запястье и взмыла ввысь, над нашими головами, в сторону королевы.

Все произошло настолько стремительно, что крики, шарахнувшуюся в разные стороны толпу и бросившегося к нам Зигвальда я отметила, как зритель на галерке. В меня ударило магией, магией такой силы, что я задохнулась, а после...

Магия рванулась обратно.

Моя?!

Сквозь меня текли сплошные потоки золотого сияния, врезаясь в полыхающую и дрожащую алую схему, которая раскрылась под потолком. Не сразу, но я поняла, что мы с Райном удерживаем ее вместе и что золотая схема, которая горит над нами, поглощает и впитывает алое свечение.

Толпу закрывал Зигвальд — щитами оранжевых схем, но даже он сейчас смотрел на сияющее над нами солнце, созданное Райном, так, как если бы видел чудо.

Золотая схема!

Разве... такое возможно?!

Я не успела додумать, потому что последний алый сполох растворился в воздухе, а раскаляющая мое тело сила схлынула. Спустя мгновение померкло и сияние золота, побледнели схемы Зигвальда, который еле держался на ногах.

В воцарившейся тишине шлепнулись на пол остатки моей сумочки. И кто-то громко заверещал:

— Покушение! Это было покушение на ее величество!

ГЛАВА 26

Райнхарт

— И предотвратил его эрцгерцог Барельвийский! — Сильный голос Себа перебил всполошившуюся толпу.

Я оглянулся и перехватил его взгляд.

В то, что меня и мою невесту действительно обвинят в покушении на жизнь королевы и в государственной измене, я сильно сомневался, но шумиха в прессе поднялась бы знатная. Королевский советник об этом подумал, а вот все мои мысли в данный момент были заняты совершенно другим. Точнее, другой.

Первое, что я сделал, — это метнулся к Алисии и привлек ее к себе, заглядывая в широко распахнутые глаза.

Целая и невредимая. Испуганная, растерянная, но целая и невредимая.

Я прижал ее к груди, наплевав на всё. Казалось, сейчас наши сердца бьются в унисон, а в зале повисла такая тишина, что они звучат как выстрелы. Но только на долгое мгновение. Потом толпа загудела будто огромный осиный рой.

Отовсюду доносилось:

— Запретная магия...

— Золотая схема!

— Какая сила!

— Древняя магия королей...

Пока ее величество, поднимавшаяся с трона, не объявила:

— Думаю, на этом бал окончен. А вы, — кивнула она в нашу сторону, — следуете за мной.

Гвардейцы, зачем-то сейчас, когда уже всё закончилось, держащие щиты-схемы над королевой, окружили ее, нас с Алисией и практически вытолкнули к ближайшему выходу.

Шумиха все-таки поднялась, но нас уже отрезало от толпы: сначала массивными дверями, а затем несколькими дворцовыми коридорами, пока мы не оказались в одном из залов для королевских аудиенций. Я был здесь сотни раз, но в основном общался с Горианом. Бальская принцесса всегда считалась красивым приложением при короле Леграссии, она занималась искусством, благотворительностью, покровительствовала ученым и изобретателям, школам и академиям, но равноправным правителем ее назвать было нельзя. Признаться честно, я никогда не воспринимал ее всерьез.

— Я благодарю вас, ваша светлость, за спасение моей жизни и жизней моих гостей. — Лицо королевы было белым как полотно, но она держалась решительно.

— Вас спас не только Райнхарт, ваше величество, но и его невеста. — Оказывается, Зигвальд увязался за нами и теперь выступил вперед, встав рядом с Алисией, что заставило меня положить ладонь на ее талию. — Они действовали вместе. Создание золотой схемы возможно, только если ее создает пара.

Алисия судорожно выдохнула, а я мысленно выругался. Не будь здесь королевы, выругался бы вслух. Потому что братец и деликатность вещи несовместимые.

Хотя к гьердам деликатность, мы действительно создали золотую!

Схему, которая давно стала легендой.

— Я все равно требую от вас объяснений. — Дориана смотрит мне в глаза, а потом переводит ледяной взгляд на Алисию. — Как получилось, что алая схема оказалась в ридикюле вашей невесты?

Хороший вопрос.

Алисия собирается что-то сказать, но я ее перебиваю:

— Очевидно, что ей ее подбросили и сделали это уже здесь — после нашего прибытия во дворец. А значит, вам и его величеству нужно озаботиться дополнительными мерами безопасности.

— Вы намекаете на кого-то из гостей?

— Именно так, потому что и я, и мои близкие всецело верны короне.

— Об этом мне известно.

Еще бы было неизвестно: Дориана в курсе, кто унаследует леграсский трон после смерти ее супруга.

— Я сделаю все, чтобы разобраться с сегодняшним инцидентом во дворце и как можно скорее найти настоящего преступника, ваше величество.

— Тем более у нас есть зацепки. — Появление Себа заставляет всех оглянуться в сторону дверей. Герцог Марирский держит в одной ладони сумочку Алисии, а в другой — какой-то обугленный комок.

Королева кивает:

— Если вы даете обещание, я склонна вам верить. Сейчас прошу меня простить, слишком много потрясений для одного вечера. Лучше я узнаю, как себя чувствует мой супруг, и сообщу ему обо всем лично.

Дориана покидает нас вместе с большей частью гвардейцев, оставшиеся, подозреваю, работают непосредственно на Себа и тайную канцелярию, потому что он и ухом не ведет.

Зигвальд тоже остается, но мне не до него: я устремляюсь к Себастиану.

— Что это? — указываю на почерневший комок.

— Лист бумаги. Точнее, то, что недавно им было. На него и нанесли алую схему.

— Но как получилось, что ее никто не заметил?

— Скрыли точно так же, как и при неудавшемся покушении на тебя возле здания мэрии. Почерк похожий.

— Только схема мощнее и сложнее.

— Били наверняка, но не учли, что твоя невеста тоже обладает магией. И что вы способны такое отразить.

Себ смотрит на меня так, словно видит впервые, будто собирается расспрашивать о золотой схеме, но в последний момент передумывает и качает головой.

— Вопрос сейчас в другом: как получилось, что она оказалась в сумочке твоей невесты?

Мы одновременно смотрим на Алисию, которая при помощи Зига только что опустилась в кресло.

— Алисия, что это и откуда оно у тебя?

Она медлит, почему-то оглядывается на Зига, будто в поисках поддержки.

— Это письмо.

— Письмо?

— Мне дала его одна эрина или леви. Я не запомнила ее имени, но ты как раз беседовал с ее мужем перед тем, как мы пошли к ее величеству.

— Граф Антуан Ромдуш, — киваю я Себу, и двое гвардейцев молча покидают комнату. Но сейчас мне плевать на графа, в груди магмой разливается раздражение. — Почему ты вообще взяла ее письмо?

Я говорю спокойно, но, видимо, недостаточно, потому что Алисия с вызовом скидывает подбородок.

— Я думаю, нам нужно поговорить наедине.

— Ты думаешь? Ты ни о чем не думала, когда взяла письмо из рук незнакомки. И это после того, как тебя пытались убить! Что тебе известно об этом письме?

Она складывает руки на груди:

— Это допрос? Поедем в Тайную канцелярию или отведишь меня в королевскую темницу?

— Она была в Тайной канцелярии? — громко удивляется Зиг.

— Нет, — почти что рычу я. — Не допрос.

— Тогда я прошу всех оставить нас с моим женихом, — она особенно выделяет последнее слово, — одних.

— Оставьте нас, — приказываю я.

Пара минут уходит на то, чтобы дождаться, чтобы все покинули комнату, и на протяжении этих минут я пытаюсь разгадать, что скрывает Алисия. Или это женский каприз?

Но все уходит, и я оказываюсь рядом с креслом, нависаю над ней.

— Почему ты молчала о гьердовом письме? — спрашиваю.

— Я не сказала тебе, потому что это было письмо от твоей матери.

— Что?!

Я вглядываюсь в бледное лицо Алисии, силясь отыскать в нем следы насмешки. Но она не шутит. Точно не шутит. Если сегодня что-то еще способно меня удивить, то это ее слова. Точнее, их смысл, который доходит до меня далеко не сразу, а когда доходит...

Я просто разворачиваюсь и собираюсь передать эту несомненно важную информацию Себастину. Потому что если леви Виграсс замешана в заговоре против короны, то нужно это немедленно проверить и вывести всех на чистую воду.

Ее вывести.

— Райнхарт! — Алисия хватается меня за руку. — Она может оказаться здесь совершенно ни при чем.

— Да, — соглашаюсь я, сжимая кулаки и пытаюсь унять вспыхнувшую ярость. Гораздо более сильную, чем когда-либо. Поступки этой женщины всегда вызывали во мне самые противоречивые чувства, но я буду не я, если не смогу себя контролировать. — А может, при чем.

— Я не должна была принимать этот конверт, но я подумала, что она хочет помириться.

— Почему тогда она не передала конверт мне? Ты же с ней не ссорилась.

— Ты бы его принял?

— Нет.

— Вот! К тому же не факт, что он от нее.

Лучше бы от нее! Потому что тогда она ответит за всё.

— Это всё, что ты хотела мне сказать? — интересуюсь я.

— Нет, еще я хочу знать, откуда во мне магия, если она вернулась к тебе?

Алисия сжимает тонкие пальцы на моем локте и не собирается меня отпускать. По взгляду видно, что не собирается. Но сейчас не время и не место.

— Это подождет до того момента, когда мы вернемся домой.

— Не подождет!

— Алисия, мы чуть не погибли, — объясняю ей, как ребенку, — и едва не стали причиной смерти королевы. Сейчас мне нужно переговорить с Себастианом, а после мы отправимся домой и вместе во всем разберемся.

— Просто ответь, — цедит одна. — С каких это пор у меня появилась магия?

— Полагаю, что с рождения.

Она моргает и разжимает пальцы, в замешательстве переспрашивает:

— Как?

— Это еще предстоит узнать. А сейчас прошу — просто посиди здесь. Я скоро вернусь.

Оставлять ее совсем не хочется, и не потому, что Алисия выглядит потерянной и рядом с ней во мне говорит желание ее обнять, а потому, что за один только бал моя невеста воспламенялась магией трижды.

— Постарайся успокоиться, чтобы снова не начать искрить, — напоминаю я, и она судорожно вздыхает. — Я пришлю к тебе кого-нибудь.

Идея не лучшая.

Точнее, кого я могу прислать?

Только Зигвальда, на которого натыкаюсь в коридоре. Я по-прежнему не знаю, доверять ему или нет, но во время активации алой схемы братец помог мне.

Нам.

Наши взгляды с Зигвальдом встретились, и я пожалел, что он единственный, кого я могу попросить позаботиться об Алисии. Но мне нужно знать, что с ней все будет в порядке, а еще нужно переговорить с Себастианом наедине. Брат в этой беседе точно будет лишним.

— Присмотри за ней, — прошу я, не вдаваясь в подробности.

Как ни странно, он подчиняется, и, стоит Зигу прикрыть за собой дверь, Себастиан активирует схему, которая не позволит никому подслушать наш разговор.

— Удалось восстановить письмо? — сразу спрашиваю я.

Есть схемы, которые на такое способны, не говоря уже об артефактах. Но так как на конверте была алая, то шансов немного.

— Нет.

— Леви Виграсс. По словам Алисии, письмо передали от нее.

— Ловушка для твоей невесты?

— Или эта женщина в этом замешана.

Злость внутри вновь рванулась на поверхность и снова была поймана и упрятана глубоко-глубоко.

— Кто бы это ни задумал, — продолжаю я, — сомневаюсь, что он рассчитывал, что мы переживем этот вечер. Мы, а заодно король с королевой. Хотели убить двух маджеров одной схемой.

— Кстати, о маджерах? Почему не появился твой лев?

— Это долгая история, Себ. Я отвечу на твой вопрос при следующей встрече, а сейчас заключи под стражу всех возможных участников заговора. Я отвезу Алисию домой и присоединюсь к тебе. Мы должны докопаться до сути как можно скорее.

— Ты уверен насчет леви Виграсс, Райн? Все же она твоя мать. Ее тоже допрашивать?

— Она мне не мать. Заключи ее под стражу, я допрошу ее сам.

Когда я возвращаюсь, Алисия больше ни о чем не спрашивает. Она просто прощается с Зигвальдом, кладет ладонь на сгиб моего локтя и следует за мной. Но делает это нарочито вежливо, согласно этикету, а не желанию быть ко мне ближе. Это раздражает чуть ли не сильнее участвующей в заговоре против короны матери. Потому что брату моя «невеста» улыбалась, она с ним танцевала, наслаждалась вечером, а мне достались лишь ее холодность и молчание.

Как оказалось, Алисия прекрасно владеет лицом: возвращаясь мы через балльный зал, мне бы не пришлось беспокоиться о ее манерах. Но мы проходит другими дворцовыми коридорами, где нам встречаются только слуги и стража. Тем не менее мне почему-то хочется встряхнуть ее, несмотря на то что я сам попросил ее быть именно такой.

К счастью, экипаж подают раньше, чем я в очередной раз за вечер поддаюсь эмоциям. Сегодня и так достаточно произошло, а присутствие Кира и Нины не располагает к приватным разговорам. Если честно, разговаривать мне вовсе не хочется. Хочется убедиться, что Алисия в безопасности, и отправиться в Тайную канцелярию.

В особняк мы добрались быстро: дороги в это время были уже свободны.

— Нина, помоги эри Армсвилл приготовиться ко сну и распорядись, чтобы для нее набрали ванну, — приказываю я, когда мы входим в парадную дверь.

Румянец так и не вернулся на щеки Алисии, а значит, у нее может быть магическое истощение. Нужно приказать Киру проверить ее или проверить самому.

— Я не хочу принимать ванну, — решительно отказывается Алисия, игнорируя Кира, собирающегося помочь ей снять накидку.

Она шагает за мной по лестнице.

— Это поможет восстановить силы и успокоить нервы, — говорю я.

— Я не хочу успокаиваться.

— Придется. — Кир остается внизу, но по-прежнему может нас слышать, поэтому добавляю я уже тише: — Ты же помнишь, что бывает, когда ты нервничаешь?

— Вот об этом я и хочу поговорить! О том, почему волнения мне противопоказаны. Тем более, Райн, ты обещал мне разговор.

— Он подождет, Алисия.

— Я не хочу ждать. Как давно ты знаешь?

— О чем?

— Что у меня есть магия.

Я оборачиваюсь, ловлю сосредоточенный взгляд Кира и перепуганный камеристки. В глазах «моей невесты» только вызов: не хочу приватный разговор, будем разговаривать прямо в коридоре.

Гьерд всех заberi! До чего насыщенный вечер, а еще даже нет полуночи.

— Поговорим в твоей комнате, — предлагаю я.

Алисия кивает, и мы поднимаемся на второй этаж. Я веду ее в сторону ее спальни. Точнее, нашей спальни. Впрочем, осознание последнего сейчас только заставляет магму моего раздражения бурлить еще сильнее. Потому что приходится использовать спальню не по назначению.

Распахиваю дверь и пропускаю Алисию вперед.

Слышится топот, и лохматый лев, как послушный пес, несется к Алисии. Она гладит золотистую гриву и ойкает, когда мерцающая дымка стекает с ее пальцев и впитывается в шерсть маджера.

— Что это?

— Магия.

— Это ему не навредит?

— Нет, он от этого растет.

Эдер поворачивает в мою сторону недовольную морду и взрывается. Алисия все-таки перестает гладить льва и взглядом напоминает, что ждет моего ответа.

Я с ней согласен. Чем быстрее покончим с этим, тем скорее я смогу отправиться на допрос.

— Я узнал об этом на следующий день после того, как тебя пытались отрави ть.

— Но почему ты не сказал об этом?

— Зачем?

— Что значит — зачем? Это моя магия, я должна о ней знать.

— Это не твоя магия.

Алисия теряется, открывает рот и закрывает, сжимая губы в тонкую линию.

— Вы не такой старый, ваша светлость, а уже путаетесь в собственных словах. — Учитывая, что мне

всего лишь тридцать два, это заставляет сильнее сжать зубы. — Во дворце вы сказали, что магия у меня с рождения. Хотя я не представляю, как это возможно, учитывая, что я никогда ее не чувствовала...

— Ее запечатали, — перебиваю я. — Твою магию. А действие алой схемы эту печать сорвало.

Алисия качает головой:

— Ничего не понимаю.

— Да что здесь понимать?! Мы с тобой обменялись магией. Моя досталась тебе, поэтому Эдер ведет себя как к тебе привязанный. А твоя магия теперь у меня. И мы по-прежнему связаны. Мне по-прежнему нужно создать схему, которая вернет все на свои места.

— Что здесь понимать?! — взрывается Алисия. — Если бы ты рассказывал мне обо всем до того, как я случайно узнаю об этом во время покушения на королеву или когда... Я же снова искрила в экипаже? Ты поэтому меня поцеловал, да? А вовсе не потому, что я сама себе придумала!

— Ты вообще претендуешь на звание драматурга. Выдумывать — это их профессия!

— А какая тогда твоя профессия? Первоклассный лжец?

В груди словно что-то взрывается, и раздражение становится нестерпимым.

Я наступаю на Алисию, пока не оказываюсь к ней вплотную.

— Райн!

— Что?!

— Ты всё решаешь силой? С помощью магии?

Только сейчас слышу рычание маджера и замечаю, что с моих ладоней срывается пламя, льющееся на ковер. Это вовсе не похоже на те искры, что создавала Алисия, это — бушующая стихия. Которую я запираю усилием воли. Точнее, стараюсь запереть, но она отказывается мне подчиняться, вырываясь на поверхность.

Через руки. Через ноги. Через все мое тело.

Я отшатываюсь от побледневшей девушки и чувствую, что проходящий сквозь меня поток магии обрушивается на мои плечи с мощью шторма. Сильный. Переменчивый. Неподвластный. Он сбивает меня с ног, я уже и не помню, как оказался на коленях: все мои мысли, всё мое внимание сосредотачивается на этом бушующем потоке.

Я делал это сотню раз в своей жизни. С собой, с Алисией, со своей магией. Но почему же не получается сейчас? Что не так?

Поток настолько сильный, что все мое тело простреливает болью, она проходит сквозь него, сосредотачиваясь в висках. И я осознаю, что сейчас магия просто хлынет сквозь меня, сметая все на своем пути.

Она не должна пострадать!

— Уходи, — рычу я. — Я это не контролирую.

Но Алисия решительно шагает вперед. Отодвинув Эдера со своего пути, она опускается на колени рядом со мной.

И целует меня.

ГЛАВА 27

Алисия

Все инстинкты во мне буквально вопят о том, что нужно бежать и как можно дальше. Впрочем, это уже не только инстинкты, но и разум, потому что от хлещущей сквозь Райна магии кружится голова, нечем дышать, а мир кажется перевернутым с ног на голову над котлом в недрах Претемного. Тем не менее я стою рядом с ним на коленях, чувствуя, как на мне загорается платье, и целую его в губы. Я мало что смыслю в магии и способах ее укрощения, но если у него так получалось, почему не получится у меня? Мы же вместе там, во дворце, спасли ее величество, а значит...

Что именно и что значит, я додумать не успеваю, потому что Райн перехватывает меня за талию и резко вжимает в себя. От этого испаряется все, что я только что думала: испаряется, растворяется, разбивается, рассыпается сотнями тысяч ослепительных золотых искр.

Жар магии отступает, на смену ему приходит совершенно другой, не менее всепоглощающий — от которого тело превращается в сгусток чувственности. Этим состоянием я проникнуться тоже не успеваю — Райн опрокидывает меня на спину, нависая надо мной, и глаза его не темные, а полностью золотые. То, что происходит дальше, я ничем другим, как помешательством, объяснить не могу, потому что тянусь к нему ладонью, сгорая от желания прикоснуться.

Он перехватывает мою руку с такой скоростью, что я только успеваю вздохнуть, и это прикосновение через ладонь прокатывается по всему моему телу, заставляя выгибаться и сильнее прижиматься к нему.

Его пальцы вплетаются в мои волосы, и с них текут золотые искры.

Одно касание губ выбивает воздух, как резкий удар в грудь, подол моего платья оказывается смят и задран, ткань волнами расплескивается вокруг нас, а пламя сменяет золотое сияние. Такой силы, что кажется, мы можем осветить всю Барельвицу, а может быть, всю Леграссию от Юнта на Севере до Гриза на Юге.

Эта мысль — последняя осознанная, дальше остаются только прикосновения. Горячие ладони на моих бедрах и сильный рывок, отдающийся внизу живота резкой отрезвляющей болью. Отрезвляющей на мгновение, которое тут же стирается под движением его пальцев по моей коже, под скольжением губ от виска к шее.

Когда он касается мочки уха, я вздрагиваю, а потом золотое свечение (или магия?) заполняет меня всю.

Боль уходит, оставляя лишь тонкое тянущее послевкусие, которое вплетается в мягкое, ни с чем не сравнимое ощущение, заставляющее меня всхлипывать и кусать губы.

Наши тела сплетены так плотно, что даже сквозь ткань я чувствую его всем своим существом, всей кожей.

От каждого движения с губ срываются вздохи.

Я цепляюсь руками за ковер, но пальцы срываются, и после этого я уже не сдерживаю стонов и криков. Они проходят сквозь меня вместе с безумным, изматывающим наслаждением, прокатываются от кончиков пальцев ног до макушки, замыкаясь на нем.

В его глазах, в которые я смотрю, когда низ живота сводит невыносимо сладкая яркая судорога, а мир над нами раскрывается золотом магии, которое я, кажется, даже выдыхаю с его долгим и в то же время таким коротким именем.

Его эхо: «Ра-а-а-айн» еще отдается во мне, как эта пульсация внутри, как прокатывающиеся по телу волны наслаждения, заставляющие меня содрогаться снова и снова.

Я чувствую еще один резкий удар и силу, с которой он врывается в меня, а после его рычание снова отдается во мне дрожью и совершенно новым, пугающим чувством.

Чувством, которое я боюсь обозначить словом, поэтому прикладываю палец к губам, когда Райн опускается рядом со мной на ковер.

Между ног сладко тянет, дыхание по-прежнему вырывается из груди чуточку рвано, но мне все равно. Я поворачиваюсь к нему, касаюсь подбородка, повторяя его линию самыми кончиками пальцев.

Шепчу еле слышно:

— Райн...

Мне кажется, я уже готова сказать то, что во мне рождается в эту минуту, когда он открывает глаза. Сияние в них померкло, он смотрит на меня так, будто не узнает, а потом произносит:

— Алисия?!

Это худшее, что можно сказать девушке после того, как...

К лицу прилила краска, и захотелось стукнуть его светлость Эдером. От души. Тем более что я, кажется, это могла. Вместо этого я попыталась вскочить, но мне не позволили: Райнхарт перехватил меня за руку.

— Что произошло?

Что я там говорила про худшее?!

— Знаешь, ты мог бы просто встать и уйти! — рявкнула я. — Это было бы гораздо порядочнее!

— Гораздо порядочнее чего? — прорычал Райнхарт в ответ.

— Гораздо порядочнее того, что ты сейчас делаешь!

— А что я сейчас делаю?

Ну все! Я оттолкнула его руку и вскочила, надо отдать должное его светлости, он шустро вскочил следом за мной. Правда, слегка запутался в штанах и чудом не рухнул на пол, после чего изумленно взглянул на свою... нижнюю часть туалета. Я туда принципиально не смотрела до того, как посмотрел он, но потом, разумеется, посмотрела и покраснела еще сильнее.

— Между нами что-то было?!

— Потрясающая догадливость!

— Сбавь тон, Алисия! Последнее, что я помню, — это то, как я сгорал в магии и собирался спалить комнату.

— Ну разумеется. — Вот теперь на глаза совершенно ни к чему навернулись слезы. — Это очень выгодно, вот так помнить, особенно если рядом с тобой простая цветочница с непонятно откуда взявшейся магией! О которой ты, к слову сказать, тактично забыл! У вас вообще крайне избирательная память, ваша светлость!

Райнхарт прищурился, и меня окатило жаром. На этот раз в его глаза на мгновение вернулось золото, пробуждая во мне воспоминания о том, как все начиналось. О том, как его губы скользили по моим, и...

— Ты слишком заиклена на себе, Алисия, — процедил он. — Ну а если говорить о цветочнице, то я собирался дать тебе титул графини. Чтобы ты могла остаться в столице и появляться при дворе.

Я глубоко вздохнула, потому что во мне кончились слова. Потом начались, но они не имели никакого отношения к графиням и прочим особам, достойным появляться при дворе. Я даже не была уверена, что они имеют отношение к цветочницам, потому что больше всего они напоминали стиль беседы портовых грузчиков с начальством, которое третий месяц не платит им жалованье.

— Так что надеюсь, наш разговор исчерпан, но если нет, мы продолжим его после того, как я вернусь. Завтра утром.

Его светлость потянулся к своим штанам, и вот тут я не выдержала.

— Засуньте себе свой титул в то место, которым думаете, ваша светлость! — рыкнула я. — И можете прямо сейчас объявлять о расторжении нашей помолвки и делать предложение Дине, потому что моя персона вам точно больше не светит! Ни коим образом!

Золото в глазах Райнхарта уже погасло, теперь они снова были привычно темными.

— Как я уже сказал, Алисия, разговор мы продолжим завтра. — Эрцгерцогский тон стал настолько сухим и официальным, что об него можно было порезаться. — И если пожелаешь, я лично посажу тебя на поезд до Гриза, где тебе самое место.

Он развернулся и вышел с такой скоростью, что я даже не успела в него ничем кинуть. Хотя кидать

совершенно не хотелось, хотелось просто сползти на пол и реветь. Только сейчас я вспомнила про Эдера и оглянулась: огромный, каким он был при нашем первом знакомстве, лев сидел и смотрел на меня.

— Что уставился?! — рыкнула я. — Давай, проваливай за своим хозяином!

В Эдера я и запустила туфелькой, лев непонимающе взрыкнул и отпрыгнул в сторону, а я все-таки разревелась. От обиды, от того, что запустила обувь в ни в чем не повинного льва, от всего, что со мной вообще случилось в этой дурацкой Барельвице. Права была мама, когда говорила, что не надо мне сюда ехать!

Вдоволь наревевшись, я решила, что совершенно не хочу, чтобы меня куда-то провожало это особье королевское без малейшего чувства такта, после чего поняла, что из моих вещей у меня ровным счетом ничего не осталось. Кроме пьесы, разумеется.

И та в театре.

Стараниями его светлости, решившего меня облагодетельствовать, чтоб его несварение застигло по пути в Тайную канцелярию! Разумеется, в арэнэ лучше держать графиню, чью постановку обсуждает вся Барельвица, чем какую-то там Алисию Армсвилл из Гриза с совершенно непонятно откуда взявшейся магией.

Кому вообще могло понадобиться запечатывать мою магию?! Это просто какой-то бред!

Так или иначе, спросить я могла только у одного человека, и я собиралась это сделать. А чтобы это сделать, мне нужно было добраться до Гриза. Вот только как? У меня не осталось ни денег, ни даже какой-то мало-мальской ерунды, которая могла бы пригодиться — например, если ее продать и купить самый простенький билет.

Можно было бы воспользоваться подарком Райнхарта, но меня мучило при одной мысли об этом.

Я стянула кольцо, все драгоценности, швырнула их на постель. И с радостью проделала бы то же самое с нарядом, но увы, наряд — это единственное, что я не готова была вернуть ему прямо сейчас. Ничего, доберусь до Гриза и верну. Вышлю схемальной почтой, еще и бантиком перевяжу. И упаковку пилюль для памяти заодно добавлю!

На последней мысли мне снова захотелось что-нибудь пнуть, и я пнула кровать. Она жалобно скрипнула.

— Прости, Эдер, — сказала ничего не понимающему льву, который сидел рядом с моей туфелькой. Подошла к нему, погладила. — Я не хотела тебя обидеть, просто очень расстроилась.

Лев заурчал и ткнулся мне носом в плечо, и в этот момент перед глазами возникло еще два маджера. Совершенно не такие красивые, но вместе с тем...

Я еще немного погладила Эдера и приблизилась к зеркалу. Зеркало отразило Алисию с опухшим носом и красными глазами. Если бы я в совершенстве владела магией, это решилось бы одной простенькой схемой, но я не владела. Поэтому пришлось намочить платочек в холодной воде и по очереди прикладывать к глазам.

С носом было сложнее, но тут уже помогла простая пудра. Когда мой вид больше не способен был напугать всех, кого только можно, я поправила платье и коснулась артефакта. Нина в мою комнату влетела мгновенно, причем сна у нее не было ни в одном глазу. Не удивлюсь, если во всех аристократических домах Барельвицы только и делают, что обсуждают покушение на ее величество и нас.

При мысли о «нас» на глаза снова попытались навернуться слезы, но я запретила им наворачиваться.

— Нина, пригласи Кира, пожалуйста, — сказала как можно более спокойно. — У меня есть особое поручение от его светлости.

Нина кивнула, и спустя несколько минут в гостиную уже вошел Кир.

— Эри Армсвилл, Нина сказала, что Райнхарт просил что-то мне передать?

— Да, его светлость просил меня переговорить с Зигвальдом по поводу очень важного дела.

— С Зигвальдом?! Вас?! — Кир приподнял брови.

Ну да, не очень вяжется с характером Райнхарта, не спорю. Но драматург я или где?

— Это связано с тем, что произошло во дворце. Он хотел отправить к нему тебя, но понял, что в свете случившихся событий это может быть неверно истолковано, поэтому попросил организовать гостевой визит Зигвальда. Срочно. Я передам ему информацию, и наконец-то смогу лечь спать.

— Почему он не попросил переговорить меня? — Кир нахмурился. — С того момента, как Зигвальд войдет в этот дом, уже не важно, с кем он будет говорить.

Что я могу сказать? В драматургии и актерской импровизации главное — бесконечная уверенность в том, что ты несешь. То есть говоришь, разумеется.

— Вероятно, потому что я уже об этом знала, а его светлость очень торопился в Тайную канцелярию. Как бы там ни было, помочь пригласить Зигвальда можете только вы, поэтому вы в любом случае не останетесь в стороне, Кир. — Я улыбнулась и легко коснулась его руки.

Он на мгновение замер, а потом решительно кивнул:

— Хорошо, я постараюсь сделать все так, что Зигвальд приехал по поручению матери, узнать, все ли у вас хорошо.

— Его светлость так и сказал, что вам я могу доверять как себе!

Последнее явно было сценарным преувеличением, но Кир ничего не заметил. Или за все время пребывания в этом доме я просто не зарекомендовала себя как девушка, которая может беззастенчиво лгать в глаза. Поэтому, когда он вышел, совесть попыталась тяпнуть меня за пятку, но я от нее отмахнулась.

Во-первых, я не делаю ничего криминального, а во-вторых... во-вторых, его светлость эрцгерцог Забывальский лично сказал мне, что я могу катиться в Гриз. Ну вот я и покачусь, а с чьей помощью — дело десятое.

Не хотелось бы только с Эдером расставаться... Или я не расстанусь? Ведь если во мне магия Райнхарта, которую я, к слову, теперь даже сама могу укрощать, то и Эдер поедет со мной?

Представив себе влезającego в общий вагон золотого льва, я слегка приуныла, а после вспомнила про то, что маджеров можно «выключать». Я помнила, что это связано с ощущением безопасности, но решила подождать до визита Зигвальда. По крайней мере он точно сможет объяснить, что к чему.

Я надеялась, что он сможет приехать.

Надеялась, что захочет, потому что, по сути, рассчитывать мне было больше не на кого. Я просто не хотела оставаться под крышей Райнхарта и в то же время отчаянно хотела вернуться домой, чтобы спросить у мамы, почему она все это время молчала. Почему моя магия оказалась запечатана, как это произошло и почему она ничего не сказала мне.

Время тянулось так ужасающе медленно, что иногда мне казалось, что Зигвальд уже никогда не приедет или что Кир меня раскусил и отправил записку в Тайную канцелярию, чтобы спросить у Райнхарта, правда ли это.

В такие моменты я вскакивала и принималась ходить по комнате, а вместе со мной принимался ходить Эдер, из-за чего мы напоминали гвардейцев на пересменке.

Когда в дверь моей гостиной постучали, я подпрыгнула, а Эдер рыкнул так, что над нами закачалась люстра.

— Если бы я не был взрослым, наложил бы в штаны, — заявил Зигвальд, заглядывая в гостиную. — Простите, Алисия, я совершенно не в духе. Мой братец, очевидно, не имеет ни малейшего представления о том, что вся жизнь не сходится на его желаниях и интересах посреди ночи, но к вам мое недовольство не должно иметь никакого отношения. Итак, я вас внимательно слушаю.

Поскольку в дверях все еще стоял Кир, я слегка задумалась, как бы нам остаться наедине, не вызывая подозрений. К счастью, Зигвальд решил это за меня — он просто бесцеремонно вытолкнул камердинера за дверь, сопроводив это словами:

— Секретная информация — это информация не для посторонних ушей.

Стоило нам остаться наедине, как в воздухе, подчиняясь движению его пальцев, возникла зеленая схема.

— Так нас никто не услышит, — сообщил Зигвальд и внимательно посмотрел на меня. — Что именно просил передать Райнхарт?

Я глубоко вздохнула, посмотрела на Эдера, потом — снова на его белосветлость и честно ответила:

— Вас попросила приехать я.

Зигвальд приподнимает брови. У него это получается как-то особенно выразительно, в отличие от старшего брата — у Райна взгляд сразу становится, как будто он видит перед собой кучку, которую только что оставила лошадь. У Зигвальда — саркастически-изумленным, причем сейчас я даже не представляю, чего в нем больше — сарказма или изумления.

— Мне нужно, чтобы вы помогли мне уехать, — сообщаю я, чтобы уже наверняка. — Сегодня. Прямо сейчас.

— Оу.

— Я надеялась услышать более конкретный ответ.

— Милая Алисия, — Зигвальд разводит руками, — вы слишком многого от меня хотите. Пока что я прихожу в себя, не говоря уже о чем-то большем.

Я вздыхаю:

— Сейчас не время для шуток. Мне действительно нужно уехать, и как можно скорее.

— Так все-таки это вы пытались убить королеву?

Не знаю, как насчет приподнятых бровей, но теперь мне уже в Зигвальда хочется запустить туфелькой. Родство с Райнхартом очевидно! Даже несмотря на то, что они сводные!!!!

— Мне нужно уехать, потому что я не хочу видеть вашего брата, — говорю я. — И кое-что срочно узнать у матери.

— О вашей магии, я полагаю? — Зигвальд смотрит мне в глаза.

— Правильно полагаете.

— А почему вы не хотите видеть моего брата?

Я складываю руки на груди.

— Ладно. — Он смеется. — Зная Райнхарта, причин могут быть тысячи, а я не хочу провести здесь всю ночь в попытке угадать.

Не угадаете, захотелось сказать мне. Такое просто ни одному нормальному мужчине в голову не придет. Но я промолчала, а Зигвальд продолжил:

— Вы же мне не скажете, Алисия?

— Вы совершенно правы.

Он опускает голову, словно глубоко задумался, и я всерьез начинаю опасаться, что он мне откажет. Поэтому быстро говорю:

— Мне нужен всего лишь билет до Гриза. Как только я доберусь домой, сразу же вышлю вам деньги, самой быстрой схемой, обещаю.

Вот теперь Зигвальд скидывает голову, его взгляд сверкает.

— Вы считаете, что я не в состоянии оплатить билет до Гриза безвозмездно, Алисия?

Мужчины!

— Считаю, что между нами нет отношений, которые бы к этому располагали.

— Ну как же? Вы почти жена моего брата.

— Уже нет. — Я показываю руку без кольца. — Так что? Вы поможете мне?

— Помогу. — Зигвальд соглашается так легко, что я просто не успеваю в очередной раз поволноваться. — Но при одном условии.

— Каком?

— Я буду вас сопровождать.

Теперь уже я приподнимаю брови:

— В качестве кого, позвольте спросить?

— В качестве вашего деверя. — Он улыбается, и его лицо странным образом становится очень красивым. У них с Райнхартом совершенно разный тип внешности, и красивые они совершенно по-разному. Зигвальда можно назвать красивым по классике, мягкие черты лица, плавная линия подбородка. А Райна... Райнхарта то есть...

Да он вообще некрасивый!

Не хочу я его никак называть.

— И можете не хвастаться тем, что сняли кольцо, — договаривает Зигвальд. — Судя по тому, что официального заявления о расторжении помолвки не было, вы все еще невеста моего брата.

— Будет, — уверенно говорю я.

— Когда оно еще будет. А отпускать вас одну в таком ранге опасно. Я в принципе не сторонник того, чтобы такая красивая женщина путешествовала одна.

Я качаю головой:

— Раньше на меня никто не покушался.

— Это было раньше. — Зигвальд наклоняет голову, из-за чего свет падает на его волосы, как свет от фонаря на снег. — В любом случае одну я вас не отпущу, Алисия. Так что решайте: мы едем в Гриз вместе или вместе остаемся в Барельвице.

Можно подумать, у меня есть выбор. С другой стороны, возможно, присутствие Зигвальда не такая уж плохая идея. Он всегда сможет помочь, если посреди купе внезапно возникнет Эдер или я начну искрить. Хотя в последнее время моя магия вела себя скромно, мало ли.

— Хорошо! — соглашаюсь я.

— Чудесно, — подтверждает Зигвальд.

А потом накидывает мне на плечи свою накидку и чертит надо мной схему. Эта схема сияет оранжевым и, судя по тому, что над верхней губой и на лбу у него выступают капельки пота, дается она ему гораздо сложнее.

— Что вы делаете?

— Мне же надо вывести вас отсюда.

Прежде чем я успеваю задать следующий вопрос, Зигвальд выхватывает кинжал и режет себе руку. На моих глазах кровь из пореза просто начинает впитываться в схему, заставляя ее сиять все ярче, а потом... Потом я поворачиваюсь к зеркальной панели на стене и вижу, что меня нет. То есть я есть, вот она, но в зеркале меня нет. Эдер раздраженно бьет хвостом, но нападать не собирается, а Зигвальд уже натягивает перчатку.

— Схема невидимости, — поясняет он. — Одна из самых сложных, к запрещенным ее пока не относят. А зря.

Его белосветлость протягивает мне руку:

— Идемте, Алисия.

— Эдер со мной.

Зигвальд снова приподнимает брови, но я качаю головой:

— Все расскажу по дороге.

— Тогда не будем терять время. Этой хватит минут на десять — я слегка истощился во дворце.

Только сейчас я вспоминаю, что он вместе с нами держал защиту. Хочу что-то сказать, но вместо этого просто протягиваю ему руку. Если он прав, времени у нас не так много, а Эдер...

Сложно стать спокойной, когда тебе предстоит побег из дома эрцгерцога, но я все-таки глубоко вздыхаю. Представляю магию, бегущую сквозь меня, сильную, согревающую. Дом, маму — скоро я там окажусь, свою такую крохотную, но уютную спальню. Сияние, окутывающее Эдера, на миг становится ярче, а потом лев исчезает.

Если Зигвальд и хочет что-то сказать — а он, вполне очевидно, хочет, судя по очень заинтересованному взгляду, — то сейчас просто оставляет это при себе.

— Держитесь за мной, старайтесь просто идти следом и ничего не трогайте, — говорит он.

Мы вместе выходим из комнаты.

Кир дежурит в конце коридора, увидев Зигвальда, шагает к нам. То есть к нему.

— Алисия устала и просила, чтобы до утра ее не беспокоила даже ее горничная, — холодно сообщает его белосветлость. Если ему что и удастся, то это холод, а еще свойственные его положению интонации: сейчас все более очевидно становится, что они с Райнхартом родня и как минимум имели одно воспитание.

— Что-то серьезное? — последнее уже относится не ко мне, а к «посланию» Райнхарта.

— Это только между нами.

Оставив Кира позади, Зигвальд идет к лестнице, и я иду за ним, стараясь не дышать. Когда прохожу мимо камердинера, на мгновение кажется, что он смотрит прямо на меня. В то же мгновение мне снова становится совестно, и я почти останавливаюсь, но тут вспоминаю Райнхарта. Его слова.

И быстро ускоряю шаг.

Мы действительно беспрепятственно выходим из дома, Кир стоит на крыльце.

Перед Зигвальдом распахивают дверцу экипажа, и он роняет трость. Пока он ее поднимает, я успеваю проскользнуть внутрь и, только оказавшись на сиденье, перевожу дыхание. Следом садится Зигвальд, дверца захлопывается. Трость стучит по полу, экипаж трогается.

Я смотрю на проплывающий мимо меня особняк и кусаю губы.

Хорошо, что Зигвальд не может меня видеть в этот момент, и хорошо, что я сама не могу видеть себя. Не хочу думать о том, как мы с Райнхартом бродили по улочкам Барельвицы, а после возвращались сюда, чуть продрогшие, но такие счастливые. Точнее, это я была счастлива, а как чувствовал себя он? Неужели все это было только для того, чтобы произошло то, что произошло? И даже тот всплеск магии — мог ли он притворяться, чтобы я как дурочка бросилась ему помогать? Ведь Райнхарт отлично справлялся со своей силой, вряд ли моя больше, чем у него.

Мне не нравятся эти мысли, поэтому я запрещаю себе думать об этом. По крайней мере пока не доберусь до Гриза, где можно будет закрыться в своей комнате и рыдать до тех пор, пока остатки наивности не уйдут вместе с разбитыми мечтами.

Да и были ли они, эти мечты?

Я с самого начала знала, что мы с Райнхартом не пара. И никогда ею не станем.

Поэтому сейчас отворачиваюсь, упустив последний краешек особняка, мелькнувший за занавесками перед поворотом. Копыта лошадей звонко цокают по камням, перед нами со скрежетом открываются ворота. Зигвальд меня не может видеть, но смотрит прямо на меня, поэтому я просто говорю:

— Спасибо.

Обхватываю себя руками и закрываю глаза. По всем правилам написания пьес, эта сцена моей жизни тоже закрылась. Раз и навсегда.

ГЛАВА 28

Райнхарт

Дорогу от дома до здания Тайной канцелярии я почти не заметил: гнал мобильез так, будто собирался сжечь схему, которая запускала машину, и думал о случившемся. Не о покушении на королеву, не о том, что моя мать возможно замешана в заговоре против короны, и даже не о том, что, кажется, не могу контролировать магию, которая мне досталась. Мне стоило об этом думать. Стоило! Но я думал об Алисии и о том, что произошло между нами.

Точнее, о том, чего я не запомнил.

Я сгорал в пламени магии, пытался снова обрести контроль над ней... А когда обрел его, оказалось, что я попросту все пропустил!

В моей жизни случались проходные романы и даже связи на одну ночь, особенно во времена учебы в военной академии, когда на гулянках было слишком много вина и женщин. Я не мог сказать с уверенностью, что помню в лицо всех своих любовниц, но чтобы отключиться в самом процессе — такое со мной случилось впервые. И не когда-либо, а в ночь покушения на королеву. Не с кем-то, а с Алисией.

С женщиной, которая не выходила у меня из головы и которую я беспрестанно желал.

Почему из всех ночей она выбрала именно эту, чтобы согласиться быть моей? Или она не соглашалась?

От последней мысли стало тошно, и я едва не развернул мобильез в сторону дома. Вовремя остановил себя и продолжил путь.

Я был не в себе. Я действительно ничего не помнил. Но оправдываться не стану. Я дам Алисии время подумать и согласиться на мои условия. С каждой минутой предложение сделать ее графиней и своей арэнэ казалось мне все более разумным. Она должна понять, что я никуда ее не отпущу. Не из-за магии, из-за нее самой.

Она умная женщина, в этом я не раз убеждался. Пусть даже сейчас она думает иначе, в моих же силах все исправить. Я заглажу свой поступок. Вниманием, подарками, приятными женщинам мелочами. И в следующий раз не стану торопиться, сделаю все, как она того захочет.

— Райнхарт, ты не спешил, — вытряхивает меня из мыслей Себ. Герцог Марирский встречает меня в коридоре по пути к допросным.

— Возникли неотложные дела. Всех привезли?

— Да, но прежде, чем начнем допрос, нам нужно поговорить.

— После.

— Нет, сейчас. Это касается личности эри Армсвилл.

Это меня останавливает, заставляет забыть о допросных и заговорщиках.

— Ты узнал, кто ее родители?

— Да. Эри Армсвилл, хотя правильнее будет отныне называть ее леви, сама дала нам подсказку на балу. Оставалось только все проверить.

Я подаюсь вперед:

— Я тебя внимательно слушаю.

— Не здесь. Пойдем в мой кабинет.

Короткие минуты ожидания заставляют меня злиться и сгорать от нетерпения. В том, что родители Алисии, скорее всего, были аристократами, я почти не сомневался. Слишком сильная и могущественная магия теперь принадлежала мне.

— Кто она? — спрашиваю, когда за нами закрывается дверь. — И что за подсказка?

Себ прищуривается:

— Прежде, чем скажу, хочу откровенность взамен откровенности.

— Что именно?

— Никаких секретов между нами, Райнхарт. Я должен знать, что происходит с тобой и твоей магией. И как получилось, что ты случайно столкнулся с Армсвилл, а затем объявил ее своей невестой. Как давно вы знакомы и что о ней известно тебе?

Справедливо, что Себ требует объяснений, и по его взгляду я понимаю, что действительно пришло время для честности.

— Ничего, — отвечаю. — Именно поэтому я попросил тебя найти о ней хоть что-либо. Я впервые столкнулся с Алисией во время покушения, которое мы посчитали неудавшимся. На самом деле оно удалось. Правда, это не то, на что рассчитывали заговорщики. В результате действия схемы мы с Алисией обменялись магией, и я представил ее своей невестой. Это была вынужденная мера, чтобы постоянно находиться рядом с ней. Сначала ее магия не проявлялась, но теперь я могу ее контролировать, и она не слабее моей.

Себ смотрит мне в глаза:

— Почему ты не сказал мне?

— А ты бы сказал?

— Возможно, да, возможно, нет, — соглашается он. — Но в свете открывшихся мне фактов это вполне могла быть не случайность, и вас свели нарочно. Либо тебе, Райн, невероятно везет.

Я приподнимаю бровь.

— Она королевский бастард.

— Бастард?!

— Незаконнорожденная дочь его величества Гориана.

Дочь Гориана?!

— Но король бесплоден.

— Мы все так считали, но выходит, что потомство он все же оставил. И это наша рыжеволосая принцесса.

Себ принимается расхаживать по кабинету и продолжает:

— На эту мысль меня навела золотая схема. В древности ее могли создавать только члены королевской семьи, они соединяли магию и чертили схемы, которым просто невозможно было противостоять. Поэтому армия Леграссии, а в те времена царство Леграс, считалась непобедимой. Принцы объединялись и выступали против врага. Так же королевские пары владели подобной удивительной магией.

— Доказательства?

— Ты сам подсказал насчет внешности, только попросил искать отца, а нужно было искать мать.

Себ взмахивает рукой, и в воздухе возникает зеленая схема, в центре которой портрет Алисии... Если бы, конечно, Алисия выглядела старше и у нее были бы светлые волосы и выбеленные брови.

— Кто она?

— Свентана Эмрос, графиня Арская и дочь предыдущей герцогини.

— Почему она... не рыжая?

— Здесь все просто. Мода. Тогда король только женился на принцессе Бальской, она была популярна, и все, начиная с придворных и заканчивая горожанками, меняли внешность, желая выглядеть как Дориана. Аристократки с помощью схем, остальные посредством краски и белил. Большинство женщин тогда были как на одно лицо. Неудивительно, что никто при дворе не запомнил одну из фавориток короля. Но не каждая из них спешно покидала дворец, чтобы закрыться в загородном доме на долгие месяцы. К тому же ее лучшей подругой оказалась графиня Тимрэ, которую, вероятнее всего, она и попросила о помощи, с тем чтобы скрыть ребенка. Я предположил, и моя версия подтвердилась.

— Где она сейчас? Свентана Эмрос?

— Покинула Барельвицу и Леграссию много лет назад. Сейчас мои люди ее ищут, но это может затянуться. В любом случае достаточно сообщить о леве Армсвилл королю и провести ритуал подтверждения родства. Тогда все вопросы разрешатся.

У меня чувство, будто меня огрели ударной схемой. Моя Алисия — принцесса?

А вот Себ подается вперед:

— Если он признает ее, она подвинет тебя с трона, как прямая престолонаследница. Единственный выход — действительно быстро жениться на девчонке. Судя по ее взглядам, она влюблена в тебя, так что против не будет. Это отличная сказка для народа — потерянная и найденная принцесса. Гораздо лучше, чем будущая королева-цветочница.

Все происходит слишком быстро. Чересчур. Даже для меня, привыкшего реагировать на любую ситуацию мгновенно и так же молниеносно принимать решения. Я ведь будущий король.

Хотя теперь выясняется, что нет.

Но это совершенно не то, что сейчас меня волнует. Только что Алисия была просто Алисией, а теперь выясняется, что она принцесса и мы с ней равня. Потому что первый эрцгерцог Барельвийский тоже был королевским бастардом, которому его отец даровал высокий титул. Именно поэтому я вообще стою первым на престол при условии, что у короля нет детей, братьев или сестер.

У Гориана никого не было. До этого дня.

А теперь у него есть Алисия.

На которой я могу жениться.

Не делать ее арэнэ, не встречаться тайно, не пытаться спрятать ее.

Я могу сделать ее своей супругой и заполучить ее самым старым и законным путем, и это устроит нас обоих. Точнее, устроило бы Алисию-цветочницу, которая настаивала на статусе герцогской невесты. Но согласится ли на это Алисия-принцесса?

— Для начла я поговорю с ней, а также необходимо провести ритуал и добиться того, чтобы Гориан официально ее признал.

— Вы вместе создали золотую схему, Райнхарт. Если догадался я, то скоро догадается еще кто-то. К примеру, ее величество.

Кто-то еще догадывается, а кто-то уже в курсе — теперь покушения на Алисию выглядят более чем логичными. Кто же еще знает о принцессе?

— На твоём месте, — продолжает Себастиан, — я бы женился на девчонке поскорее, а потом ей все рассказал и представил бы ее отцу.

Это был бы мудрый политический ход, но что-то внутри меня царапнуло. Потому что обманывать свою невесту, теперь уже точно настоящую невесту, я не собирался.

— Давай оставим тему Алисии и вернемся к заговорщикам. Я хочу знать, кто стоит за всеми этими покушениями.

Себ слегка поджимает губы — крайнее недовольство в его исполнении. Советник не скрывает, что ему важнее тема принцессы, а у меня почему-то до сих пор в голове не укладывается, что речь о моей Алисии. Будто принцесса — это какая-то другая женщина, совершенно мне незнакомая.

Но стоило Себастиану кивнуть на дверь, как в нее нетерпеливо постучали. Когда же после разрешения войти в нее шагнул Кир, я понял, что сюрпризы этого вечера только начались.

— Ваша светлость, прошу разрешения немедленно переговорить по важному вопросу.

Мог бы ничего не говорить, я и так практически вылетаю за дверь — непозволительно быстро для эрцгерцога. И так же быстро черчу схему, чтобы нас никто не подслушал.

— Какого гьерда? Ты же должен охранять Алисию!

— Поэтому я здесь, Райнхарт. Ее похитили. И вина за это целиком на мне.

В груди мгновенно холодеет.

— Что значит — ее похитили? — спрашиваю я тихо. Пока что тихо. Потому что Кир отвечал за мою невесту собственной жизнью, но он живой и даже не истекает кровью. Только бледный. Но станет еще бледнее, если не найдет вразумительного ответа на мой вопрос!

— Он вывез ее тайно и явно использовал запретные схемы. Иначе я не представляю, как ему удалось это проверить.

— Кто это сделал? — интересуюсь холодно.

— Зигвальд.

Холод в районе солнечного сплетения сменяется яростным пламенем, и я чувствую, как по венам растекается ярость и магия, способные сжечь, испепелить все на своем пути. Пока Кир пересказывает случившееся в мое отсутствие в особняке, я складываю одно с другим.

— Зиг не использовал магию, — раздраженно перебиваю его рассказ о том, что после отъезда брата Кир решил все-таки проверить, как себя чувствует моя невеста, и не нашел ни ее, ни маджера. — По крайней мере не оглушал и не зачаровывал Алисию. — (Попробовал бы, и Эдер откусил бы ему все самое дорогое.) — Просто эта самая глупая принцесса-цветочница на свете решила от меня сбежать.

— Принцесса?!

— Расскажу позже. Сейчас нужно перехватить их, пока они не покинули Барельвицу!

— Райнхарт, все готово. — Себ появляется неожиданно.

Еще более неожиданны сейчас для меня его слова:

— Леви Виграсс в камере, пригласить ее первой?

Мой долг — допросить мать и остальных заговорщиков. Я должен заниматься покушениями на меня и королевскую чету. Но как я могу этим заниматься, если Алисия непонятно где, еще и наедине с Зигвальдом?

Заговорщики никуда не денутся, а вот Алисия в данную минуту покидает Барельвицу!

— Я доверяю это тебе, Себ, — говорю и направляюсь к выходу.

— Райн? Куда ты?

— У меня дело государственной важности.

Решила сбежать от меня? С моей магией и Эдером? Не выйдет, ваше высочество. Мы связаны. Магией. Тайнами. Провидением.

Я найду тебя, Алисия, и сделаю своей.

Хочешь ты этого или нет.

Примечания

Самый известный постановщик современности. Его пьесы неизменно отправляются в мировое турне и собирают аншлаги. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Горное парнокопытное.

Примерно пятьдесят градусов Цельсия.

Парный танец, предполагающий обмен партнерами крест-накрест, с которого обычно начинаются балы.

Более плавный танец, который танцуют вдвоем.